

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Россия – Китай

ШАНСЫ И ВЫЗОВЫ
ОТНОШЕНИЙ
«НОВОЙ ЭПОХИ»

Москва
ИДВ РАН
2020

УДК [327+339.5](470+571:510)
ББК 65.59(2Рос)(5Кит)+66.4(2Рос)(5Кит)
Р76

Утверждено к печати Учёным советом ИДВ РАН

Рецензент: А.И. Салицкий

Ответственные редакторы:

к.и.н. А.О. Виноградов, к.и.н. А.С.Исаев

Научные редакторы:

к.э.н. Е.И. Сафронова, к.э.н. М.В. Александрова

Авторы:

Александрова М.В. (разд. 3.5), Асмолов К.В. (разд. 2.2), Виноградов А.О. (Введение, Заключение, разд. 1.4), Галенович Ю.М. (разд. 1.3), Давыдов А.С. (разд. 1.2), Ефимов А.Ю. (разд. 3.4), Исаев А.С. (разд. 3.1), Криворотов А.К. (разд. 2.4), Ломанов А.В. (разд. 1.1), Матвеев В.А. (разд. 3.3), Мокрецкий А.Ч. (разд. 2.1), Петровский В.Е. (разд. 2.3), Сазонов С.Л. (разд. 3.2), Сафронова Е.И. (разд. 1.5), Уянаев С.В. (Введение, Заключение, разд. 1.6).

Р76 Россия—Китай: шансы и вызовы отношений «новой эпохи»: монография / сост. А.О. Виноградов, А.С. Исаев, Е.И. Сафронова, М.В. Александрова. — М. : ИДВ РАН, 2020. — 240 с.

ISBN 978-5-8381-0369-7

В коллективной монографии ученых Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, а также приглашенных специалистов, подготовленной на основе прошедших в Центре в 2019 г. круглых столов и обсуждений, рассматриваются различные аспекты российско-китайских отношений, подробно характеризуются практические области многопланового сотрудничества двух стран, выделяются основные тенденции в развитии этих связей, а также факторы, способные повлиять на взаимодействие РФ и КНР в будущем. Большое внимание уделено диалогу Москвы и Пекина в рамках ШОС, БРИКС и РИК (Россия—Индия—Китай).

Ключевые слова: Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, ЕС, XIX съезд КПК, Си Цзиньпин, торговая война, «большой треугольник», арктическая политика Китая, Ямал — СПГ, развивающийся мир, БРИКС, Большое евразийское партнерство (БЕП), ШОС, «горячие точки», Дальний Восток, инвестиции.

УДК [327+339.5](470+571:510)
ББК 65.59(2Рос)(5Кит)+66.4(2Рос)(5Кит)

© Виноградов А.О., Исаев А.С., Сафронова Е.И., Александрова М.В., составление, 2020

© ИДВ РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

ISBN 978-5-8381-0369-7

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of the Far Eastern Studies (IFES RAS)
of the Russian Academy of Sciences

**RUSSIA—CHINA RELATIONS:
CHANCES AND CHALLENGES
OF THE NEW ERA**

Moscow
IFES RAS
2020

*Recommended for publication by the Academic Council
of the Institute of the Far Eastern Studies, RAS*

Peer Reviewer: *A.I. Salitsky*

Edited by:

Ph.D. A. O. Vinogradov, Ph.D. A. S. Isaev

Science editors:

Ph.D. E.I. Safronova, Ph.D. M.V. Alexandrova

Authors:

M.V. Alexandrova (Sec. 3.5), K.V. Asmolov (Sec. 2.2), A.O. Vinogradov (Introduction, Conclusion, Sec. 1.4), Yu.M. Galenovich (Sec. 1.3), A.S. Davydov (Sec. 1.2), A. Yu. Efimov (Sec. 3.4), A.S. Isaev (Sec. 3.1), A.K. Krivorotov (Sec. 2.4), A.V. Lomanov (Sec. 1.1), V.A. Matveev (Sec. 3.3), A.Ch. Mokretsky (Sec. 2.1), V.E. Petrovsky (Sec. 2.3), S. L. Sazonov (Sec. 3.2), E.I. Safronova (Sec. 1.5), S.V. Uyanaev (Introduction, Conclusion, Sec. 1.6).

Russia—China Relations: Chances and Challenges of the New Era: a monograph / A.O. Vinogradov, A.S. Isaev, E.I. Safronova, M.V. Alexandrova. Moscow, RAS IFES Press, 2020.

The monograph, written by scientists of the Center for the Studies and Forecasting of Russia-China Relations of the Institute of Far Eastern studies (IFES RAS) and by invited experts, is prepared on the basis of Round tables and discussions held in the Centre in 2019. It examines various aspects of Russian-Chinese relations, describes the practical field of the multifaceted cooperation between the two countries, highlights main trends in the development of these relations as well as factors that may affect interaction of Russia and China in the future. Special attention is paid to the dialogue between Moscow and Beijing in the framework of SCO, BRICS and RIC (Russia—India—China).

Keywords: Silk Road economic belt (SREB), Agreement on good neighborliness, friendship and cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China, EU, XIX CPC Congress, Xi Jinping, trade war, “big triangle”, China's Arctic policy, Yamal-LNG, Developing world, BRICS, Greater Eurasian partnership (GEP), SCO, “hot spots”, Far East, investment.

© A. O. Vinogradov, A. S. Isaev, E. I. Safronova,
M. V. Alexandrova — compilation
© The Authors Board, 2020
© IFES RAS, 2020

Оглавление

Введение	9
Глава I. НОВЫЙ ЭТАП ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ	
1.1. Основные тенденции «новой эпохи» в российско-китайских отношениях	13
1.2. Китайско-американские отношения и отношения в треугольнике КНР—США—РФ	26
1.3. Американский фактор в российско-китайских отношениях	36
1.4. Отношения КНР с европейскими странами: выводы для России	44
1.5. Новые моменты и вызовы в отношениях КНР со странами развивающегося мира	53
1.6. О международном значении китайской инициативы «Один пояс, один путь» и ее роли для России	66
Глава II. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ ПО РАЗЛИЧНЫМ МЕЖДУНАРОДНЫМ И РЕГИОНАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ	
2.1. Позиции сторон по важным международным проблемам и положению в «горячих точках»: общее, особенности, координация	83
2.2. Российско-китайское взаимодействие по проблемам Корейского полуострова	93
2.3. О роли России и Китая в формировании Большого евразийского партнерства	107
2.4. Новый этап работы КНР в Арктике	118

Глава III. ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ	
3.1. Общее состояние современных российско-китайских отношений	139
3.2. Проблемы и перспективы инфраструктурной интеграции РФ и КНР в рамках концепции ОПОП	162
3.3. Особенности современного этапа развития сотрудничества России и Китая в нефтегазовой сфере и электроэнергетике	184
3.4. Подход КНР к проблемам климатических изменений, экологии и сотрудничеству с РФ	192
3.5. Российско-китайское межрегиональное сотрудничество	200
Заключение	234
Сведения об авторах	237

Contents

Introduction	9
Section I. NEW STAGE OF CHINA'S FOREIGN POLICY: CONSEQUENCES FOR RUSSIA	
1.1. Main trends of the “new era” in Russian-Chinese relations	13
1.2. China-US relations and relations in the China-US-Russia triangle	26
1.3. The American factor in Russian-Chinese relations	36
1.4. China’s relations with European countries: conclusions for Russia	44
1.5. New moments and challenges in China’s relations with the Developing world	53
1.6. On the international significance of the Chinese “One belt, one road” initiative and the role of the OBOR for Russia	66
Section II. INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND CHINA ON VARIOUS INTERNATIONAL AND REGIONAL ISSUES	
2.1. Positions of the parties on important international issues and the situation in “hot spots”: common points, specifics, coordination	83
2.2. Russian-Chinese interaction on the issues of the Korean Peninsula situation	93
2.3. On the role of Russia and China in the formation of the Greater Eurasian partnership	107
2.4. New stage of China's efforts in the Arctic	118

Section III. PROBLEMS OF RUSSIAN-CHINESE BILATERAL RELATIONS

3.1. General status of modern Russian-Chinese relations	139
3.2. Problems and prospects of Russia-China integration in the framework of the OBOR initiative	162
3.3. Features of the current stage of the Russian-Chinese cooperation in oil and gas and electric power sectors	184
3.4. The approach of the PRC to the problems of ecology, climate change and cooperation with Russia	192
3.5. Russian-Chinese interregional cooperation	200
Conclusions	234

Введение

2019 год в российско-китайских отношениях прошел под знаком 70-летия образования Китайской Народной Республики, к которому было также приурочено 70-летие российско-китайских дипломатических отношений и 70-летие создания Общества китайско-российской дружбы. В связи с этим в Институте Дальнего Востока РАН был проведен ряд мероприятий различного характера, посвященных не только юбилейным датам, но и обсуждению сегодняшнего состояния двусторонних отношений между нашими странами в контексте общих изменений, произошедших на международной арене и во внешней политике КНР. В этих мероприятиях приняли участие не только сотрудники Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН, но специалисты и эксперты других организаций. Результатом прошедших обсуждений стала предлагаемая коллективная монография. Ее авторы: Александрова М.В. (разд. 3.5), Асмолов К.В. (разд. 2.2), Виноградов А.О. (Введение, Заключение, разд. 1.4), Галенович Ю.М. (разд. 1.3), Давыдов А.С. (разд. 1.2), Ефимов А.Ю. (разд. 3.4), Исаев А.С. (разд. 3.1), Криворотов А.К. (разд. 2.4), Ломанов А.В. (разд. 1.1), Матвеев В.А. (разд. 3.3), Мокрецкий А.Ч. (разд. 2.1), Петровский В.Е. (разд. 2.3), Сазонов С.Л. (разд. 3.2), Сафронова Е.И. (разд. 1.5), Уянаев С.В. (Введение, Заключение, разд. 1.6).

Китай, отметивший в канун 2019 г. 40-летие проведения политики реформ и открытости, к настоящему моменту, несомненно, добился весомых достижений в сфере экономики, заметно повысив тем самым комплексную государственную мощь страны. Прямым результатом успеха реформ и роста экономики Китая стало укрепле-

ние его международного политического авторитета, что в свою очередь выразилось в заметной активизации внешней политики страны, которая явно начинает приобретать наступательный характер. Китай становится все более и более влиятельным участником глобальных и региональных организаций, инициатором и автором целого ряда крупных внешнеполитических концепций и международных инициатив.

В 2018—2019 гг. китайская дипломатия предпринимала активные действия на международных площадках и в двусторонней сфере, попутно уточняя концептуальные основы и акценты внешней политики КНР. Это происходило на фоне осложнения отношений с крупнейшей державой мира — США, которая объявила Китай (наряду с РФ) своим главным геополитическим противником. Проявлением этого подхода стали экономические санкции в отношении КНР, объявленные в рамках так называемой торговой войны.

Отметим, что Китай и Россия уже не один год декларируют, что двусторонние отношения между ними являются самодостаточными, не зависящими от мировой конъюнктуры. А также включают их в число главных приоритетов своей политики. Такой подход объективно определяется рядом совпадающих интересов. При этом исторически отношения двух стран (даже если иметь в виду последние 70 лет связей между КНР и СССР/РФ) развивались неравномерно. Но объективная, осознанная руководством обоих государств необходимость отношений мира и добрососедства привели к тому, что последние 30 лет двусторонние отношения в целом развиваются по нарастающей — от статуса отношений «дружественных государств» в 1992—1993 гг. стороны перешли к «конструктивному партнерству» (1994 г.), в 1996 г. — к «стратегическому партнерству», а в последние несколько лет — к отношениям «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия». Нынешняя международная ситуация актуализирует это направление сотрудничества и ставит перед двумя странами новые вызовы, прежде всего связанные с одновременным давлением на РФ и Китай со стороны нынешней администрации США.

Тем не менее в отношениях двух стран существует ряд нерешенных вопросов, особенностей и различий в подходах.

По мнению китайской стороны, «всеобъемлющее стратегическое партнерство и координация действий с Россией, развиваясь на высоком уровне, остается прочным и служит источником стратегической стабильности в мире»¹. Эта формула хорошо иллюстрируется встречами, прошедшими в 2018—2019 гг. по линии межгосударственных связей.

Так, в 2018 г. руководители двух стран продолжили доверительный личный диалог, проведя несколько двусторонних встреч (во время официального визита главы российского государства в КНР — июнь 2018 г., во время Экономического форума во Владивостоке — сентябрь, на полях саммитов БРИКС и G-20 — июль и ноябрь).

В 2019 г., помимо встречи в ходе второго саммита «Пояс и путь» (КНР, апрель), состоялся также очередной официальный визит китайского лидера в РФ (июнь), включивший участие Си Цзиньпина в XXIII Петербургском международном экономическом форуме. В Москве лидеры двух государств подписали Совместное заявление о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху, переведя двусторонние отношения «на новый уровень», а также Совместное заявление об укреплении глобальной стратегической стабильности в современную эпоху. Через три недели президент РФ и председатель КНР общались на саммите ШОС (Киргизия), а еще через месяц приветствовали друг друга на очередном саммите G-20 (Япония, июль). По завершении июньского саммита ШОС в Бишкеке состоялась также трехсторонняя встреча российского президента, председателя КНР и президента Монголии Халтмагийна Баттулги в рамках формата Россия—Китай—Монголия. В Осаке В.В. Путин и Си Цзиньпин провели трехстороннюю встречу в рамках структуры Россия—Индия—Китай. В ноябре состоялась традиционная двусторонняя встреча между В.В. Путиным и Си Цзиньпином, она прошла на полях саммита БРИКС (14 ноября, Бразилия).

Регулярно встречаются также главы правительств двух стран (в рамках действующего с 1996 г. механизма ежегодных встреч глав правительств РФ и КНР), представители других ведомств, в том числе по линии министерств обороны.

Тем не менее нерешенных вопросов в двусторонних отношениях еще немало, и они касаются самых разных сфер взаимодействия.

В частности, по-прежнему вызывает вопросы несбалансированность товарной структуры двусторонней торговли, где России не удается уйти от крена в сторону экспорта сырья. Не удается выйти на достойный уровень инвестиционного сотрудничества. Много проблем в сфере взаимодействия по объявленному системным «сопряжению» китайской инициативы «Пояс и путь» с внешнеэкономическими проектами РФ.

Примечания

¹ Ван И цзай шисань цзе цюаньго жэньда эр цы хуэйи цзюйсин дэ цзичжэхуэй шан цзю Чжунго вайцзяо чжэнцэ хэ дуйвай гуаньси да чжунвай цзичжэ вэнь : [Ван И на пресс-конференции, состоявшейся на 2-й сессии ВСНП 13-го созыва, ответил на вопросы китайских и иностранных журналистов о внешней политике и международных отношениях Китая] // Жэньминь жибао. 09.03.2019.

Глава I

НОВЫЙ ЭТАП ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ

1.1. Основные тенденции «новой эпохи» в российско-китайских отношениях

Завершающееся десятилетие стало периодом значительных перемен в отношениях России и Китая с внешним миром. Эти изменения оказали существенное воздействие на политику обеих стран, они способствовали формированию нового контекста развития двусторонних отношений.

В 2013 г., вскоре после прихода Си Цзиньпина к власти, Китай заявил об активной «внешней политике большого государства с китайской спецификой». Отказ от прежнего «сокрытия возможностей» и провозглашение планов китайского лидерства по ряду современных технологий («Сделано в Китае 2025») вызвали беспокойство на Западе, прежде всего в США.

Осенью того же 2013 г. разразился кризис на Украине. Его последствиями стали значительное отчуждение России от Запада, введение западных экономических санкций против России и встречных российских контрсанкций.

В период 2014—2017 гг. Россия проявляла значительную заинтересованность в развитии сотрудничества с Китаем в целях компенсации санкционного давления со стороны Запада. В Китае пытались найти альтернативный источник привлечения банковских кредитов, получения инвестиций, а также закупки электроники и продукции машиностроения, которые после введения санкций перестали по-

ставлять западные страны и исторически вовлеченная в цепочки промышленной кооперации Украина.

Ситуация, когда отношения России с Западом были заметно хуже, чем отношения Китая с Западом, завершилась с приходом к власти в США администрации Дональда Трампа. Его предвыборные нападки на Китай трансформировались в практические действия.

В 2018 г. американская сторона развернула против Китая полномасштабную «торговую войну», начало которой ознаменовало наступление нового периода в отношениях Китая и России. Западное давление в экономике заставляет Китай более активно развивать отношения с другими партнерами. Формирование внутри американской элиты широкого «антикитайского консенсуса» и провозглашение Китая — наряду с Россией — «соперником» США не позволит вернуть китайско-американское сотрудничество на прежний уровень даже после снятия наиболее острых проблем в торговле и инвестициях.

Для Китая нынешнее столкновение с западным экономическим давлением не является первым. Три десятилетия тому назад, осенью 1989 г., о введенных после событий на площади Тяньаньмэнь западных санкциях высказался Дэн Сяопин. Он отметил, что «незначительное число развитых стран Запада пытается монополизировать весь мир», однако авторы западной политики санкций против Китая не приняли во внимание несколько обстоятельств.

Во-первых, власть в Китае пользуется широкой народной поддержкой, разрушить страну с помощью внешнего давления невозможно. Во-вторых, угрозы извне лишь повышают сплоченность китайского народа, укрепляют его поддержку власти. Дэн Сяопин заявил: «В мире нет другой такой страны, как Китай, которой был бы столь же чужд страх перед изоляцией, блокадой или санкциями. После освобождения страны мы на протяжении десятков лет пребывали в состоянии изоляции, блокады, были жертвами санкций, но в конечном итоге это не причинило нам никакого ущерба. Почему? Да потому, что Китай — большая страна с огромным населением, Коммунистическая партия Китая — волевая партия, а китайский народ — волевой народ». Дэн Сяопин подчеркнул, что «китайский народ не боится изоляции и не смирится с коварством», и на фоне любых изменений международной обстановки «Китай будет твердо стоять на своих ногах»¹.

В 1989 г. западные санкции заставили Китай адаптировать стратегию реформ к новой реальности. Избегая воинственной риторики, китайские власти пошли по пути диверсификации международных связей, в том числе за счет сближения с СССР и постсоветской Россией. В наши дни Россия сходным образом стремится решить проблему за счет проведения многовекторной политики сотрудничества, сближения со странами Азии, прежде всего с Китаем.

Российские исследователи отмечают, что западные санкции 1989 г. побудили Китай к более активному реформированию экономики, впоследствии этот импульс способствовал долгосрочному устойчивому экономическому росту страны. Китай настойчиво стремился сохранить и расширить торговые, инвестиционные и технологические связи с развитыми странами. «Открытие китайской экономики внешнему миру, осуществлявшееся в ответ на попытки Запада изолировать КНР, происходило под постоянным контролем государства, в его интересах и в соответствии с национальными приоритетами развития... Опираясь на свой мощный экономический потенциал и высокие конкурентные позиции, Китай завоевал неоспоримый международный авторитет и в конечном итоге добился для себя безусловного права на проведение независимой самостоятельной политики, устойчивой к любым внешним влияниям»².

Этот опыт содержит важные уроки для современной России. Вместе с тем следует учитывать различия. Китайское государство в конце 1980-х годов сохраняло прочную институциональную память о недавней жизни в условиях внешней изоляции. Внешний курс постсоветской России формировался на базе предпосылки интеграции в «европейский дом», осуществимость которой не выдержала проверки практикой. Ныне происходит становление нового сценария национального развития в условиях ограниченного партнерства с Западом при заметном сокращении доступности западных технологий, капиталов и западных рынков сбыта для российского углеводородного сырья.

Китайский вектор, несомненно, будет занимать в новой российской стратегии важное и устойчивое положение. Адаптация к российским задачам сегодняшнего дня китайского опыта выхода из посттяньаньмэньской изоляции указывает не только на необходимость проведения экономических реформ. России нужно будет уве-

личивать открытость для сотрудничества с Китаем. Степень готовности российской экономической элиты к эффективному решению этой задачи остается недостаточной.

Ныне китайские власти демонстрируют готовность расширить экономическую открытость своей страны. В качестве важного примера следует указать на принятие на сессии ВСНП в марте 2019 г. нового Закона об иностранных инвестициях, который вступил в силу 1 января 2020 г. Оставляя в стороне вопрос о том, был этот закон принят благодаря американскому давлению или вопреки ему, можно видеть, что Китай пытается выйти из нынешнего кризиса в отношениях с США с помощью инструментов тридцатилетней давности.

Однако в наши дни их применимость может оказаться ограниченной. Проблема в том, что тяньаньмэнские санкции были адресованы стране со слабой неразвитой экономикой, которую Запад не считал своим соперником. Китай наказывали за то, что он не последовал примеру других соцстран и не пошел по пути демонтажа однопартийной системы, использовав силу для ее защиты. В 1990-е годы создание имиджа прогрессивной рыночной экономики, которая плавно эволюционирует в сторону принятия передовых западных институтов, помогло Китаю вернуть доверие западных политиков, которые надеялись, что маркетизация приведет китайское общество к неизбежной демократизации.

Проведение Си Цзиньпином рецентрализации, реидеологизации и рекитаизации политической жизни страны похоронило западные иллюзии в отношении постепенной трансформации Китая. Теперь Китай воспринимают как опасного соперника, который бросает западным корпорациям вызов на мировых рынках. К нему относятся как к конкуренту в сфере развития и инвестиций, ширится пропагандистское противодействие западных СМИ китайской инициативе «пояса и пути». В отношениях между Китаем и США слишком явно проявился элемент стратегического соперничества, который отсутствовал три десятилетия назад.

Чтобы глубже понять основы российско-китайского взаимодействия, следует обратиться к публикациям и устным заявлениям китайского руководства.

В первом номере партийного теоретического журнала «Цюши» за 2019 г. опубликована установочная статья главы МИД КНР Ван И

«Руководствуясь внешнеполитическими идеями Си Цзиньпина, непрерывно создавать новую ситуацию в дипломатии большого государства с китайской спецификой»³. В материале представлен обзор внешнеполитической деятельности в 2018 г., также обозначены основные направления работы в году нынешнем.

По словам Ван И, 2018 г. был для китайской дипломатии «чрезвычайно успешным». Состоявшееся в июне Центральное совещание по внешнеполитической работе «утвердило руководящее положение внешнеполитических идей Си Цзиньпина». Глава МИД подчеркнул, что это событие ознаменовало наступление новой эпохи в «строительстве внешнеполитической теории» в период после образования КНР, а также обозначило направление продвижения «дипломатии большого государства с китайской спецификой новой эпохи». Под руководством этих идей Китай «хладнокровно реагировал на сложные и глубокие изменения в мировой обстановке», надлежащим образом отвечал на возникшие в связи с этими переменами новые трудности и вызовы, упорно отстаивал национальные интересы, углублял и расширял дружбу и сотрудничество, активно демонстрировал «ответственность большого государства».

Взаимная увязка дипломатических успехов Китая с «идеями Си Цзиньпина» подсказывает, что китайская сторона не намерена соглашаться с навязываемой извне трактовкой, согласно которой вина за ухудшение отношений Китая со странами Запада возложена на провозглашенную при Си Цзиньпине стратегию активной дипломатии. «Внешнеполитические идеи Си Цзиньпина» уже вошли в нормативный лексикон китайских СМИ, внутри страны и за ее пределами ведется их пропаганда. Отечественным исследователям российско-китайских отношений следует учитывать в своих разработках появление в китайском внешнеполитическом планировании фактора руководящих «идей Си Цзиньпина», знать их структуру и содержание.

Подводя итоги минувшего года, Ван И дал высокую оценку четырех состоявшихся на территории Китая международных мероприятий — это Боаоский азиатский форум, саммит ШОС в Циндао, саммит Форума китайско-африканского сотрудничества в Пекине, Китайская международная выставка импортных товаров. По словам министра, все это была «живая практика совместного строительства

сообщества судьбы человечества»; саммит ШОС прозвучал как громкое напоминание об «эпохе строительства сообщества судьбы человечества».

Это примечательная тенденция в современной китайской дипломатии. Все важные инициативы и мероприятия получают привязку к ключевому лозунгу строительства «сообщества судьбы человечества». В 2018 г. на сессии ВСНП был принят набор поправок в Конституцию КНР, в преамбулу основного закона вошло упоминание о «продвижении строительства сообщества судьбы человечества». Ранее в октябре 2017 г. на XIX съезде КПК аналогичная формулировка была включена в новую редакцию устава КПК. Ключевой внешнеполитический тезис Си Цзиньпина обрел нормативный статус как на партийном, так и на государственном уровне. Его осуществление становится целью не только для членов КПК, но и для всех граждан КНР. Это новшество также необходимо учитывать при анализе перспектив российско-китайских отношений, прежде всего при формировании позиции российской власти и экспертного сообщества в отношении строительства «сообщества судьбы человечества».

Структура статьи Ван И дает четкое представление о шкале внешнеполитических приоритетов Пекина. В подразделе «отношения между большими государствами получили новое продвижение» на первом месте находятся китайско-американские отношения. Утверждается, что эти отношения привлекли внимание всего мира, поскольку касаются каждой страны: «Перед лицом инициированных американской стороной торговых трений и прочих негативных тенденций китайская сторона выдержала давление, сохранила решимость, отстаивая собственные законные права и интересы также прилагала усилия к стабилизации общей ситуации в китайско-американских отношениях».

Ключевым событием в китайско-американских отношениях в 2018 г. названа встреча Си Цзиньпина и президента США Д. Трампа в начале декабря на саммите G-20 («большой двадцатки») в Аргентине. Два лидера договорились о продолжении переговоров, американский президент обещал оставить пошлины в размере 10 % на китайские товары стоимостью 200 млрд долл. и не повышать их с 1 января 2019 г. до 25 %. Китайская сторона приветствовала договоренность о прекращении введения дополнительных тарифов, уже тогда министр

Ван И объявил, что Си Цзиньпин и Д. Трамп в Буэнос-Айресе пришли к «важному консенсусу».

Избегая подробного разговора об источниках торговой войны, в статье в «Цюши» глава китайской дипломатии всячески подчеркивал позитивные стороны договоренности на саммите «двадцатки». Он указывал, что лидеры двух стран провели «глубокое стратегическое общение», они согласились продвигать отношения в духе «координации, сотрудничества и стабильности», «разработали план и указали направление» для решения существующих проблем между Китаем и Америкой. Обсуждение экономических вопросов было «богато конструктивностью», два лидера «эффективным образом предотвратили дальнейшее расширение экономических трений», способствовали «возвращению на рельсы диалога и консультаций», установили «общую цель стремления к сотрудничеству и общему выигрышу», передали внешнему миру активные позитивные ожидания. Можно видеть, что статья министра стремится поддержать и еще шире распространить эти позитивные ожидания.

На следующем месте после США идет Россия. «Китайско-российские отношения всестороннего стратегического партнерства сохранили действие на высоком уровне, главы государства провели четыре встречи и осуществили взаимные визиты, нарисовали «полностью новый проект» развития отношений двух стран. Мероприятия стратегического сотрудничества были успешно осуществлены, внутренние движущие силы сотрудничества непрерывно укреплялись, международная стратегическая координация продолжала углубляться, придавая миру больше стабильности».

Среди этих формулировок привлекает особое внимание упоминание о появлении в 2018 г. «полностью нового проекта» развития российско-китайских отношений. Можно предположить, что китайская сторона указывает на существенное обновление планов сотрудничества с учетом изменения внешнего контекста.

После России, на третьем месте, обозначены отношения Китая и Европы. Ван И напомнил, что прошло 15 лет со времени установления отношений всестороннего партнерства. Происходит расширение торговли, становится более тесной связь интересов, обе стороны совместными усилиями поддерживают многосторонние механизмы свободной торговли.

Обращаясь к планам на будущее, министр начал с того, что в 2019 г. исполняется 70 лет со времени образования КНР и появления дипломатии Нового Китая: «Изначальные помыслы крепки как скала, миссия лежит на наших плечах». Эти слова содержат отсылку к идеологическому лейтмотиву XIX съезда КПК «не забывать об изначальных помыслах, крепко помнить о миссии». Министр продемонстрировал лояльность дипломатического ведомства партийному руководству и готовность следовать обозначенным КПК принципам внешней политики.

В списке задач на 2019 г. на первом месте — «всеми силами» хорошо провести Второй международный форум сотрудничества высокого уровня «пояса и пути», для Китая это будет самое важное внешнеполитическое мероприятие «на своем поле». Помимо этого, упомянуто предстоящее проведение Второй Китайской международной выставки импортных товаров.

Структура раздела, посвященного развитию партнерских связей Китая, повторяет уже знакомую шкалу приоритетов. На первом месте — отношения с США: осуществление «важного консенсуса двух лидеров», продвижение двусторонних связей на основе координации, сотрудничества и стабильности. На втором месте — отношения с Россией: «Мы используем празднование 70-летия установления дипломатических отношений Китая и России в качестве повода, для того чтобы по всем направлениям продвигать китайско-российское стратегическое сотрудничество высокого уровня». На третьем месте — задача «с европейскими государствами, совместно придерживаясь многосторонности, рука об руку совершенствовать глобальное управление».

Следует отметить, что обозначенные в статье Ван И применительно к проблематике глобального управления планы развития сотрудничества в форматах «двадцатки», АТЭС, ШОС и БРИКС имеют отношение к России, присутствующей на всех этих площадках.

Поднятые в статье в «Цюши» проблемы были затронуты и возвращены на пресс-конференции Ван И, состоявшейся 8 марта 2019 г., в период сессии ВСНП⁴.

Порядок ответа на вопросы соответствовал структуре приоритетов, представленной в статье министра. Вопрос китайского журналиста об отношениях с США предшествовал вопросу российского

журналиста о российско-китайских связях. Это еще раз косвенным образом подтверждает, что даже на фоне «торговой войны» Америка по-прежнему выступает как исходный пункт в китайской системе межгосударственных отношений.

Журналист канала ССТV напомнил, что в 2019 г. исполняется 40 лет со времени установления дипотношений США и КНР. Он спросил, считает ли министр Ван И, что две страны «к сорока годам избавились от сомнений» (фраза из «Бесед и рассуждений» Конфуция). В ответе присутствовало очевидное стремление продемонстрировать выдержку и оптимизм в отношении китайско-американских связей. Ван И сказал, что прежний опыт взаимодействия с США можно свести к одному положению: «сотрудничество приносит выгоду обоим, борьба наносит ущерб». Он подчеркнул, что этот тезис является незыблемым и к нему следует относиться «без сомнений».

Глава МИД напомнил о договоренности Си Цзиньпина и Д. Трампа, «которая должна стать наибольшим общим знаменателем и общим направлением усилий» для всех общественных слоев в обеих странах. Министр признал, что в ходе развития сотрудничества между Китаем и США «может появиться немного соперничества», но это «нормальное явление» для международных отношений. Главное в том, как к этому относиться и что следует предпринимать. Ван И предупредил, что «расширение соперничества способно сократить пространство для сотрудничества». Только расширение сотрудничества соответствует «общим интересам» Китая и США, это также ответственность двух стран перед всем миром.

Министр выразил надежду, что американская сторона откажется от менталитета «игры с нулевой суммой», пойдет китайской стороне навстречу, в процессе углубления сотрудничества сформирует «доброкачественное соперничество», в собственном развитии будет осуществлять «взаимную выгоду и двойной выигрыш». Из этих слов можно сделать вывод, что в Китае понимают направленность вектора изменения настроений внутри США. «Игра с нулевой суммой» означает, что стремление «сделать Америку снова великой» несовместимо с «возвышением Китая»: для двух гигантов в нашем мире места нет. В США антикитайский консенсус разрастается так быстро, что поставить в «общий знаменатель» сотрудничество вместо соперничества будет все труднее. Но китайское руководство созна-

тельно избегает конфронтационной риторики, многократно повторяя призывы восстановить сотрудничество.

Тема отношений Китая и США прозвучала вновь в ответе на вопрос агентства Рейтер — ныне в США растут сомнения в отношении Китая, трений и конфликтов между двумя странами все больше, означает ли это, что Китай и США идут к конфронтации и как избежать этого? Следует пояснить, что этот вопрос прозвучал уже после того, как свой вопрос министру задал российский журналист, что позволило избежать очевидного перекоса в сторону приоритетности американской тематики.

Ван И признал, что в последнее время проблем и противоречий действительно стало больше, однако история показывает, что этот феномен не представляет «большую тенденцию» в развитии китайско-американских отношений. В очередной раз министр подчеркнул, что китайская сторона придерживается «позитивных ожиданий» в отношении будущего развития отношений, верит, что Китай и США не пойдут к конфронтации и не должны делать этого. Воспроизведение «старого менталитета холодной войны» идет наперекор духу эпохи, оно не найдет поддержки среди людей.

Глава МИД коснулся обретших популярность на Западе рассуждений о неизбежности взаимного отсоединения (decoupling) экономик Китая и США. По словам Ван И, очевидно, что это нереально. Министр предостерег, что «отсоединиться» от Китая — значит «отсоединиться» от шансов, от будущего и даже от мира в целом.

Отвечая на вопрос российского информагентства, Ван И сказал, что отношения Китая и России прошли «крайне незаурядный путь». В ходе «шлифовки» и «испытаний» эти отношения с каждым днем становились все более стабильными и зрелыми, две страны нашли правильный путь жизни вместе. «Две стороны в политике характеризует взаимное доверие, в экономике — взаимовыгодное сотрудничество, в международных делах — взаимная поддержка. Они стали образцом современных отношений между большими государствами, двум народам принесли огромное счастье, внесли важный вклад в региональный и общемировой мир и стабильность».

Ван И сообщил, что в год 70-летия дипотношений две страны намерены «вывести отношения всестороннего стратегического партнерства на новую ступень». Он сказал о планах участия прези-

дента Путина во Втором международном форуме высокого уровня сотрудничества «пояса и пути» и о предстоящем государственном визите Си Цзиньпина в Россию: «Верю, что под совместным руководством двух глав государств китайско-российские отношения войдут в новую эпоху». Отметим, что тема «новой эпохи» соответствует мейнстриму китайского политического лексикона со времени провозглашения на XIX съезде КПК наступления «новой эпохи социализма с китайской спецификой» в период правления Си Цзиньпина.

Глава МИД КНР напомнил, что в 2018 г. объем двусторонней торговли превысил историческую планку в 100 млрд долл. Он обещал, что 2019 г. станет «урожайным для практического сотрудничества двух стран», символическим станет осуществление проектов «одной трубы и двух мостов». Речь идет о начале поставок газа по трубопроводу из России в Китай, о вводе в эксплуатацию автомобильного моста Хэйхэ—Благовещенск и завершении строительства железнодорожного моста Тунцзян—Нижнеленинское.

Министр обещал продолжать продвигать стыковку «пояса и пути» с ЕАЭС. Он конкретно высказался о развитии двустороннего экономического сотрудничества, указав на необходимость одновременно заниматься укреплением сырьевого и других традиционных сфер сотрудничества, и также раскрывать новые точки роста в высоких технологиях, сельском хозяйстве, электронной торговле и финансах.

Ван И отметил, что в международных делах по всем важным вопросам две страны поддерживают тесные контакты, придерживаются совпадающих или близких позиций. Он заявил, что в новом году Китай и Россия еще больше укрепят стратегическое сотрудничество, будут решительно отстаивать цели и принципы Устава ООН, защищать международную стратегическую безопасность. «Когда Китай и Россия стоят вместе, в мире становится больше мира, больше безопасности, больше стабильности».

На пресс-конференции была затронута тема, которая волнует многих партнеров Китая. От имени китайской газеты *China Daily* был озвучен вопрос об отношении к рассуждениям о том, что «Пояс и путь» создает «долговые ловушки» и является «геополитическим инструментом». Достоинно внимания уже то обстоятельство, что в

Китае готовы обсуждать эти неудобные темы в открытом медийном пространстве.

Ответ Ван И сводился к перечислению успешных проектов, включая создание производства легковых автомобилей в Белоруссии, появление у Казахстана выхода к морю, сооружение в Узбекистане 19-километрового тоннеля. По словам министра, многочисленные факты показывают, что «пояс и путь» — это не «долговая ловушка», а выгодный народу «блин с начинкой»; это не геополитический инструмент, а шанс на совместное развитие. Он подчеркнул, что Китай готов выслушать конструктивные предложения партнеров по «поясу и пути».

Через несколько дней, 15 марта 2019 г. проблемы отношений Китая с США и Россией были затронуты на пресс-конференции премьера Ли Кэцзяна⁵. Смысловое и структурное соответствие ее тематических разделов выступлению Ван И (ответ на тему сотрудничества с США предшествует ответу на вопрос о сотрудничестве с Россией) подтверждает существование в Китае устойчивого и последовательно применяемого внешнеполитического шаблона.

По поводу китайско-американских связей Ли Кэцзян заявил, что после установления дипотношений в течение сорока лет отношения двух стран непрерывно продвигались вперед и привели к плодотворным результатам. Хотя в этом процессе были трудности — перипетии не прекращались, неожиданно появлялись тучи, — основная тенденция продвижения вперед была неизменной. Между Китаем и США существуют «широкие общие интересы» и они намного шире, чем разногласия.

Ли Кэцзян отметил, что поддержание стабильности в отношениях Китая и США благоприятно не только для обеих сторон, но и для всего мира, «большая тенденция продвижения среди поворотов, продолжения движения вперед не может и не должна измениться». Признавая возникновение на фоне общей стабильности заметных трений в экономике и торговле, премьер указал на «важный консенсус» Си Цзиньпина и Д. Трампа, достигнутый на саммите «большой двадцатки». Он выразил надежду, что консультации дадут результат, смогут привести к осуществлению взаимной выгоды и двустороннего выигрыша. Китай и США — это две большие экономики, после десятилетий развития и сотрудничества они стали тесно связаны друг с другом, искусственно отделить их друг от друга невозможно.

Российский журналист задал вопрос о том, каких новых прорывов в российско-китайских отношениях и торгово-экономическом сотрудничестве следует ожидать в год 70-летия установления дипломатических отношений между странами.

Ли Кэцян ответил: «Китай и Россия являются друг для друга крупнейшими соседями, когда Китай и Россия поддерживают хорошие и стабильные отношения, это идет не только на благо обеим сторонам, но и на благо региона, на благо всего мира. В этом году исполняется 70 лет со дня установления дипломатических отношений между Китаем и Россией. Вот уже 70 лет китайско-российские отношения шли по нетривиальному пути, сейчас можно сказать, что они на высоком уровне».

Премьер отметил, что в 2018 г. на фоне спада в мировой торговле товарооборот между Китаем и Россией превысил 100 млрд долл. По его словам, это «новый знак», который показывает, что «сотрудничество между нами имеет большой потенциал». Ли Кэцян призвал расширить сферу сотрудничества. «Мы можем ухватиться за большее, также продвигать малое, ухватиться за большие проекты, за торговлю основными товарами, продвигать микро-предприятия, включая трансграничную электронную торговлю. Можем подняться в небеса, в сферу аэрокосмического и авиационного сотрудничества, и также спуститься на землю, продвигать на местах обмена между людьми. Мы должны использовать восемнадцать видов боевых искусств, чтобы закрепить результат превышения масштаба 100 млрд долл. в китайско-российском торгово-экономическом сотрудничестве, и продвигаться к цели удвоения».

Следует обратить внимание, что тема развития электронной торговли между Россией и Китаем присутствовала в марте 2019 г. в ходе пресс-конференций не только Ли Кэцяна, но также Ван И. Можно предположить, что китайское руководство придает этому направлению повышенное внимание.

Призыв премьера Ли Кэцяна использовать все приемы («восемнадцать видов оружия») для закрепления достигнутого объема торговли выглядит как указание на понимание китайской стороной неустойчивости достигнутого показателя и его зависимости от волатильности цен на сырьевых рынках. Тем не менее Ли Кэцян сказал о

продвижении к цели вывести двусторонний товарооборот на уровень 200 млрд долл.

Обращение к выступлениям Ли Кэцяна и Ван И подсказывает, что российской общественности не следует ожидать от китайского руководства напористой антиамериканской риторики. Публичная критика в адрес США не будет звучать как минимум до тех пор, пока остается надежда на заключение выгодной для Китая сделки по условиям двусторонней торговли.

Россия устойчиво занимает в китайской шкале внешнеполитических приоритетов почетное второе место. Изменение этого порядка может произойти в случае перехода китайско-американских отношений от соперничества к враждебности и конфронтации до той степени, когда у Китая появится заинтересованность в создании военно-политического союза с Россией. Этот сценарий сулит много рисков для обеих стран, и его нельзя считать желательным.

Вместе с тем расширение западного давления на Китай и Россию с весьма большой вероятностью будет стимулировать дальнейшее сближение двух стран. Китайский опыт тридцатилетней давности показывает, что обретение новых международных партнеров, экономические реформы и расширение открытости внешнему миру способны стать эффективным инструментом противодействия санкциям.

1.2. Китайско-американские отношения и отношения в треугольнике КНР—США—РФ

Взаимоотношения КНР и США сегодня находятся в центре внимания мировой политической элиты и вызывают жгучий интерес широких общественных кругов. При этом обе страны называют отношения между собой самыми главными и важными в мире. И если это так, то утверждения наблюдателей из России и ряда зарубежных стран о том, что в случае отсутствия в ближайшее время китайско-американской сделки о прекращении торговой войны последняя способна перерасти в войну горячую, вполне могут иметь под собой реальные основания.

Что на самом деле произошло в отношениях КНР—США? Почему в этих отношениях, казавшихся до недавнего времени достаточно стабильными и взаимовыгодными, возник острый конфликт, грозящий поставить под удар безопасность на региональном и глобальном уровнях? В чем причины этого конфликта?

Причины торговой войны между США и КНР, по мнению российских специалистов — американистов и китаеведов — варьируются в диапазоне от обвинений Китая в ее разжигании, вольном или невольном, путем несоблюдения общепринятых правил международной торговли — до признания вины Соединённых Штатов, не желающих смириться с появлением у КНР статуса глобальной державы.

По мнению профессора Санкт-Петербургского университета Я.В. Лексютиной, действия Вашингтона — это «принуждение Пекина к «ответственному» поведению, соблюдению правил и норм, принятых в современной международной торговле, расширению открытости китайской экономики сообразно постоянно звучащим от китайских официальных лиц заверениям о поддержке либерализации торговли, ускорении завершения перехода к рыночной экономике»⁶. А направленность протекционистских мер США против конкретных китайских отраслей связана с тем, что именно в них «проявляются выявленные Вашингтоном наиболее серьезные нарушения со стороны КНР: принудительная передача технологий, нарушения прав интеллектуальной собственности, промышленный шпионаж, государственное субсидирование»⁷.

Мнение, с которым полемизирует Я.В. Лексютина, гласит, что нынешняя американско-китайская торговая война — это противостояние двух ведущих экономик мира за научно-техническое лидерство в грядущем будущем, трактуемое также как геополитическое противостояние двух держав за глобальное лидерство.

В этом контексте действия президента США Д. Трампа рассматриваются как намеренное сдерживание технологического развития Китая в качестве способа торможения возвышения и становления КНР как сверхдержавы, в частности, срыва программы Си Цзиньпина «Сделано в Китае — 2025», поскольку основными объектами протекционистских мер со стороны США являются именно

те отрасли, которые выделены в этой программе в качестве приоритетных.

На наш взгляд, такая оценка гораздо ближе к истине. Так называемая торговая война — всего лишь внешняя оболочка глубинных внутренних противоречий и конфликтов во взаимоотношениях двух стран, являющихся порождением тех обстоятельств, в которых они находятся.

США переживают кризисный период «постэйфории» — недовольства и разочарований, связанных с потерей надежд на гарантированное мировое лидерство и абсолютное доминирование после победы в холодной войне, которые усугубились несбывшимися расчетами на усиление превосходства и преимуществ Америки за счет запущенного в свое время не без ее участия процесса всемирной глобализации. Однако на определенном этапе «возжи» этого процесса у нее перехватил Китай.

В результате Д. Трамп, сменивший «глобалиста» Б.Обаму, принял шаги по отходу от глобализационных трендов, включая отказ от тех правил международной торговли по нормам ВТО, которые он счел несправедливыми для США. Антиглобализм Трампа, именуемый иначе «экономическим национализмом», привел к пересмотру основ торгово-экономических отношений между США и КНР, т. е. возникновению пресловутой торговой войны. Однако по своей сути это не просто торговая война в чистом виде, а начало схватки за изменение существующего мироустройства.

США сочли, что схватку начал Китай, который, помимо достижения статуса второй (а в чем-то первой) экономики мира, активно расширяет свое глобальное влияние и геостратегическое пространство не только в АТР, но и в других частях света. Его инициативу «пояса и пути» они восприняли как один из инструментов Пекина по усилению такого влияния.

Китай, со своей стороны, заняв ведущие позиции в мировой экономике и решительно отрицая при этом собственное стремление к гегемонизму, демонстрирует на деле непреодолимое желание перейти из статуса региональной державы в статус глобальной с последующим, возможно, превращением в единственную супердержаву. На это прямо и косвенно указывают положения, озвученные во

многих государственных и партийных документах, включая материалы последнего, XIX съезда КПК.

Поставленные Пекином цели вполне органично сочетаются с издревле исповедуемым китайской цивилизацией принципом китаецентризма, согласно которому Китаю, расположенному в центре мироздания и находящемуся «в окружении варваров», надлежит в целях собственного существования и постепенного возвышения постоянно сталкивать другие страны мира друг с другом.

Для достижения статуса сверхдержавы любому государству необходимо обладать превосходством или, по крайней мере, паритетом с остальными претендентами на этот статус в большинстве из следующих четырех сфер: экономике, науке и технологиях, военной мощи, геостратегических позициях и влиянии. На данный момент указанным критериям 100-процентно отвечают лишь США.

Китаю удалось создать мощную и развитую экономику во многом за счет исполнения роли «мировой фабрики» и активного использования торгово-экономических льгот, предоставляемых ВТО развивающимся странам. При этом технологическое отставание на начальном этапе развития своей экономики ему удалось компенсировать не только принятием на себя функции «цеха» западных корпораций и организацией совместных производств, но и предоставлением для них дешевой рабочей силы в обмен на получение современных технологий.

Проводимая КНР на протяжении последних десятилетий торгово-экономическая политика привела в итоге к тому, что у нее появилась реальная возможность не просто догнать экономически более развитые страны Запада, но войти в группу мировых лидеров в области технологий и производства. В СМИ западных стран все чаще появляются такие сообщения: «США и Европа отстают в освоении технологий. Робототехника, системы на основе искусственного интеллекта, автоматизированное обучение, квантовые вычисления или интеллектуальная мобильность — все это происходит в Китае, а не в США»⁸.

Это побудило американский Конгресс провести серию слушаний, посвященных китайской «экономической угрозе». 26 сентября 2018 г. в Палате представителей прошло одно из них под названием «Противодействие Китаю — залог того, что Америка останется ми-

ровым лидером в области передовых технологий и инноваций». В ходе обсуждения подчеркивалось, что по вине КНР экономика США ежегодно теряет от 225 до 600 млрд долл.⁹

Страх и тревога в связи с тем, что КНР становится реальным конкурентом США в высокотехнологичных отраслях, вполне обоснованы: китайские суперкомпьютеры — одни из самых быстрых в мире, крупнейший в мире радиотелескоп находится в Китае и, наконец, КНР намерена доминировать в следующем поколении информационных технологий, куда входят сети 5G.

В то же время США и Китай не только конкурируют, но и зависят друг от друга в ряде ключевых областей. США нуждаются в дешевых потребительских товарах и имеют кредитные обязательства перед Китаем на сумму свыше 1 трлн долл. КНР же зависит от сохранения способности потребителей в США по-прежнему покупать китайские товары, а также от современных американских технологий в некоторых ключевых областях.

Результаты продолжения соперничества двух стран в торговле, экономике и высоких технологиях покажут, сохранят ли США лидирующие позиции в этих сферах или будут оттеснены с первого места энергичной, бурно развивающейся, устремленной вперед хваткой и напористой «желтой машиной».

В докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК, помимо задач в торгово-экономической и научно-технологической областях, было заявлено, что целью КНР является достижение к середине нынешнего столетия мирового лидерства в области «всесторонней национальной мощи и международного влияния». Известно, что для этого Китай предпринимает активные шаги. Наряду с военной реформой, упорядочением боевой и организационной структуры НОАК, оснащением ее новыми видами вооружений Пекин активизирует участие своей армии в различных региональных и международных миссиях. Происходит укрепление военно-стратегических позиций КНР в прилегающих морских акваториях и в АТР в целом.

Реализация Китаем инициативы «Один пояс, один путь» может при определенных условиях способствовать усилению не только его торгово-экономического, но и стратегического влияния на глобальном уровне. Еще недавно закрытая от внешнего мира и находившаяся по существу в самоизоляции страна за два последних десятилетия

резко активизировала внешние связи, укрепляя с помощью торговли и инвестиций свой вес и авторитет практически во всех регионах мира. Особый «китайский подход» к развивающимся странам зачастую заставляет их верить в то, что только Пекин способен адекватно воспринимать имеющиеся у них проблемы и трудности и предоставлять эффективную поддержку и помощь.

Тем не менее силы и ресурсы КНР для укрепления ее геостратегических позиций не идут пока ни в какое сравнение с теми возможностями и средствами, которыми располагают для этого США, не говоря уже о сопоставлении военно-стратегической мощи двух стран. Даже без учета ракетно-ядерного компонента (его масштабы Пекин старается скрывать, но он, очевидно, по-прежнему уступает американскому) преимущества США в комплексной сухопутной и морской мощи на сегодняшний день являются определяющими. Ведь современная война, в случае если она разразится между США и КНР, помимо ракетных ударов и схваток в киберпространстве, будет вестись главным образом на морских и океанских просторах.

Ряд российских и зарубежных представителей экспертного сообщества полагают, что даже если торговая сделка США и КНР состоится, то она ослабит напряженность в отношениях между ними лишь на короткое время, но не разрешит фундаментальных проблем, которые ведут к росту геополитической и военной напряженности. Теоретически с этим можно согласиться, но реальность горячей войны в ближайшей перспективе пока не просматривается. Во-первых, в силу тех военных и геостратегических ограничений у Китая, которые упоминались выше. Во-вторых, вследствие наличия во взаимоотношениях между КНР и США так называемых красных линий, которые они не рискнут переступить.

К ним относится, прежде всего, колоссальная торгово-экономическая взаимозависимость, которой можно манипулировать, но которую нельзя игнорировать в чистую, тем более что в этой сфере задействованы деловые интересы и нынешнего президента США Д. Трампа. Во-вторых, осознание того, что в случае развертывания боевых действий на море неизбежно «сработает» взрывоопасный фактор Тайваня, битва за который — самое последнее, чего хотят США. И, наконец, третьей «красной линией» может стать фактор

географической отдаленности двух стран друг от друга и «недостигаемости» Америки для боевых средств КНР.

Таким образом, несмотря на нагнетание в некоторых российских и зарубежных изданиях и в Интернете настроений ожидания чуть ли не ракетно-ядерной катастрофы из-за торгово-экономических разногласий Вашингтона и Пекина¹⁰, прогнозировать на нынешнем этапе вооруженный конфликт между ними едва ли стоит. К тому же, хотя соперничество США и Китая уже выходит за рамки чисто экономического, оно еще не достигло стадии, когда война становится единственным аргументом и способом разрешения споров. В конфликте с КНР США усматривают пока меньше опасности, чем в противостоянии России, с которой, в отличие от Китая, у Америки практически нет общих, объединяющих точек соприкосновения.

Для самой России наиболее существенным является вопрос о том, как ей поступать в сложившейся ситуации. Каким образом, не потеряв ничего ценного в отношениях с Китаем, сделать так, чтобы наши взаимоотношения с США и КНР были бы чуть лучше, чем отношения между ними. Задача архитрудная, тем более с учетом признания ведущими экспертами-политологами того, что, в отличие от «регулируемой» американо-китайской биполярности, американо-российская биполярность является «нерегулируемой»¹¹.

Возникает вопрос: почему? Ответ лежит на поверхности: сегодня в «треугольнике» США—КНР—Россия мы — слабейшая сторона. Однако это не означает, что следует опустить руки и либо «плыть по воле волн», ничего не предпринимая, либо, закусив удила, выискивать «зеркальные ответы» на каждый выпад все более наглеющих американцев.

Если у нас пока не хватает сил, нужны новые идеи, без которых никакой российской внешней политики не будет вообще. Они могут и должны появиться. Например, еще до начала американо-китайской торговой войны мимо внимания большинства наблюдателей прошла готовность Трампа, по его собственному признанию, пойти на экономические уступки Китаю в случае уступок со стороны Пекина в корейском вопросе. В то время Китай на это не отреагировал и сегодня пожинает плоды торговой войны.

Ясно, что в возникших обстоятельствах наш путь к улучшению отношений с США видится не в усилении противостояния, усугубляющем конфликтность, а в поисках и предложении американской стороне действенных компромиссов, не наносящих вреда нашему собственному положению. Пора перестать заботиться о других и начать думать исключительно о собственных национально-государственных интересах.

В частности, совершенно понятно, что все недавние «игры» Д. Трампа с Ким Чен Ыном имеют своей конечной целью не столько денуклеаризацию Корейского полуострова, сколько объединение двух корейских государств. Можно помочь ему в этом, заручившись в обмен на согласие Китая согласием со стороны США на воссоединение КНР и Тайваня. Несмотря на кажущуюся фантастичность такой комбинации, в перспективе она стабилизирует обстановку в Восточной Азии, и в итоге довольными окажутся все стороны треугольника.

Пессимистам, клеймящим это как сумасбродство, стоит напомнить, что никто в Китае и вне его в 1966 г., когда в КНР развернулась «культурная революция» с ее яркими антиимпериалистическими лозунгами, не мог даже предположить, что через пять с небольшим лет Мао Цзэдун и Р. Никсон договорятся в Пекине о прекращении вражды и восстановлении двусторонних отношений.

Новые идеи нужны не только для налаживания взаимоотношений с Америкой, но и для развития отношений России с Китаем. Безусловно, необходимо всячески оберегать характер нынешних российско-китайских отношений, заботиться об их еще большем укреплении, постоянно изыскивать средства и способы повышения заинтересованности в них у китайской стороны. Одновременно следует учиться у Пекина гибкости и прагматизму, способности искать и находить компромиссы, извлекая из них выгоду в международных делах.

Однако не стоит забывать о проблемах и трудностях — как о тех, что омрачали наши отношения с КНР в прошлом, так и о тех, что мешают им плодотворно развиваться сегодня. Прежде всего, наши отношения следует освободить от некоторых мифов, которые усиленно культивируются пропагандой обеих стран и в итоге идут им не на пользу, а во вред.

Что бы ни говорили наши и китайские СМИ о якобы наилучших за все времена взаимоотношениях Китая и России на нынешнем этапе, не стоит забывать, что в первой половине 1950-х, в годы так называемой великой дружбы, они были никак не хуже сегодняшних, но через полтора десятилетия завершились пограничным вооруженным конфликтом. И в настоящее время Россия стоит перед вызовом: как сохранить равноправное доверительное стратегическое партнерство со страной, население которой десятикратно превышает российское, а наш ВВП составляет всего несколько процентов от китайского?

В то время как мы, восхваляя и превознося грядущие гипотетические «выгоды» от взаимодействия с «великим восточным соседом», ломаем голову над сопряжением концепции «Нового Шелкового пути» с российским проектом Евроазиатского экономического союза, общая заинтересованность Китая в торгово-экономическом и научно-техническом партнерстве с США несопоставимо выше, чем его аналогичный интерес к России.

С мифом о кажущейся «легкости» решения этой проблемы непосредственно стыкуется миф об «очевидной взаимодополняемости и совместимости экономик и идентичности политических курсов» двух стран. Его легко опровергнуть показателями торгово-экономических связей РФ с КНР, с одной стороны, и КНР с США, с другой, а также расхождениями в политике Китая и России по ряду ключевых проблем.

Стоит лишь кратко упомянуть определенные различия во взглядах наших стран на экономическое развитие Центральной Азии, на деятельность ШОС и других региональных структур. Вспомним также особую позицию КНР по Крыму, «солидарность» Китая и США по арктической тематике, скрупулезное выполнение Пекином всех финансово-экономических санкций Америки в отношении России, нежелание Китая участвовать в многосторонних переговорах по разоружению.

Силой и влиянием в мире Китай, безусловно, обладает и давно позиционирует себя как стратегический партнер России. Но действенным и надежным союзником, как это мыслят некоторые наши политики, особенно из «силового блока», его могут считать лишь те, кто незнаком с пресловутой «китайской спецификой». А она, как

известно, состоит в том, что сам Китай принципиально отказывается от вступлений в любые «замкнутые» альянсы.

Для всякой страны какие-либо союзные обязательства, тем более в оборонной области, сопряжены с частичной утратой суверенитета. Китай всегда боялся именно этого. А сегодня такого союза следует опасаться, прежде всего, нам самим, поскольку в случае его гипотетического заключения часть нашего суверенитета окажется в руках КНР. И это небезопасно: ведь даже там, где мы взаимодействуем с Китаем, будь то Ближний Восток, Сирия, Африка или иной регион — у нас нет возможности превзойти его ни экономически, ни финансово.

Создавая любые реальные союзы, следует, на мой взгляд, руководствоваться не просто единством политических или стратегических воззрений и целей или совпадением каких-либо иных интересов, но учитывать не в последнюю очередь совместимость национальных психотипов населения вступающих в союз государств. Иначе результаты союзнических усилий могут оказаться столь же плачевными, как у СССР и КНР в 1950-е годы.

Перед лицом объединенного Запада России нелишне иметь собственные точки опоры или «фундамент противостояния». Отсутствие у нее сильных союзников в подлинном смысле этого слова и возникновение в среде российской политической элиты шапкозакидательских настроений под воздействием порой неумной пропаганды отечественных СМИ затрудняют поиск выхода из сложной ситуации, в которой она оказалась.

Выход, однако, может заключаться как в поисках поддержки возможно большего числа экономически весомых, политически самостоятельных или значимых и сильных в военном отношении государств, так и в нахождении реальных компромиссов с США и взаимодействии с ними в тех областях, которые приемлемы для обеих сторон. Кстати, в самих США уже начинают раздаваться голоса здравомыслящих политиков в пользу компромиссных подходов.

Как отмечено выше, речь в первую очередь может пойти о перспективах устранения остающихся разграничительных линий как наследства давно ушедшей в прошлое эпохи холодной войны (Корейский полуостров и Тайваньский пролив). Перспективным может оказаться также достижение определенных договоренностей в отно-

шении замены в рамках «большого треугольника» принципа баланса сил на баланс интересов. Именно такой подход КНР предлагала в свое время США в связи с необходимостью регулирования ситуации в Южно-Китайском море.

Дело, как говорится, за малым — наметить и согласовать пути перехода от конфронтации к взаимодействию. Этому могло бы способствовать проведение совместной встречи лидеров «большой тройки».

1.3. Американский фактор в российско-китайских отношениях

На наш взгляд, в настоящее время в мире одновременно развиваются два процесса: процесс глобализации, то есть роста взаимных связей между всеми частями человечества, и процесс осознания себя каждой нацией внутри самой себя и самоутверждения каждой нации на мировой арене, внутри всего сообщества наций. При этом главным для каждой нации выступает то, что происходит внутри нее самой.

В то же время существуют и играют свою роль двусторонние взаимоотношения между нациями. В данном случае — между Россией и Китаем.

Наконец, при этом присутствует и играет свою роль «некто третий». Этим «третьим» в нашем случае являются США, Америка как нация, как страна и как народ. Она присутствует применительно к существованию и к жизни каждой из двух упомянутых наций, России и Китая. Ее присутствие, ее действия, ее политика сказываются на взаимоотношениях двух упомянутых наций.

При всем этом имеет место взаимное влияние, то есть не только влияние и воздействие Америки на состояние и развитие российско-китайских отношений, но и влияние и воздействие отдельно каждой из двух наций, России и Китая, и их взаимоотношений между собой, то есть российско-китайских отношений, на Америку.

Таким образом, речь идет о сложном механизме и о чрезвычайно сложном процессе. Все это происходит в непрестанно меняю-

шемся мире, где особенно выпуклыми становятся процессы глобализации и самосохранения каждой нации, заботы каждой нации об обеспечении продолжения своего существования и своей жизни.

Вопрос об американском факторе в российско-китайских отношениях в научных кругах России возникает часто. Люди в нашей стране считают необходимым реагировать на Америку, на ее политику применительно к нашим взаимоотношениям с Китаем, а главное — стремятся понять значение этого для нас самих, для России как нации. Конечно, при этом возникает и вопрос о том, насколько существенным может быть то, что именуется американским фактором, до какой степени можно считать действия Америки причиной или движущей силой там, где речь идет о взаимоотношениях России и Китая.

Думается, что все это относительно. Решающего значения этот фактор не имеет. Его либо вообще можно не принимать во внимание, либо, принимая во внимание, понимать его ограниченность. Он остается чем-то посторонним, внешним, возможно, играющим некоторую роль, на которую можно обращать внимание. Но не более того.

В то же время при ближайшем рассмотрении оказывается, что можно и нужно видеть картину во всей возможной полноте с точки зрения истории, а также характера взаимоотношений народов между собой. Дело в том, что на нашей планете существовали, существуют и, можно надеяться, будут вечно существовать, в частности эти три страны: Россия, Америка, Китай. Могут меняться государства, представляющие их на мировой арене, но нации, то есть народы и страны, будут продолжать вечно существовать.

Следовательно существует и будет существовать вопрос о сосуществовании этих трех наций. Само их существование неразрывно связано с существованием каждой из двух других. Это означает, что и существование, и действия, и в особенности внешняя политика каждой из них оказывает и будет оказывать воздействие на каждую из двух других.

Поэтому нам в России можно и нужно рассматривать вопрос о том, как на наших интересах, на наших взаимоотношениях с Китаем может сказываться политика США, отношения между США и КНР. В какой степени все это может быть причиной или движущей силой

процессов, происходящих в наших взаимоотношениях с Китаем или происходящих в нашей стране, но связанных как с нашими взаимоотношениями с Китаем, так и с нашими взаимоотношениями с Америкой. При этом одновременно существует тот же вопрос применительно к политике Китая, к тому, как она может сказываться на наших взаимоотношениях с Америкой.

Наконец, существует и вопрос о том, как наша политика может сказываться на Америке и на Китае, в частности, на их взаимоотношениях между собой.

У всех этих проблем имеется исторический аспект. Был период, когда Китай оставался как бы «недвижным», а Россия и Америка строили свои отношения с Китаем. Был период, когда каждая страна, Россия и Америка, действовала фактически отдельно в своих отношениях с Китаем.

Собственно говоря, всемирная история сложилась таким образом, что на протяжении длительного времени Россия, Китай, Америка жили «каждый в одиночку». При этом в Китае тянулась бесконечная нить сменявших одна другую монархических династий, Америка выступала как новое самообразование в западном полушарии, а Россия, оказавшись одновременно на обоих весьма удаленных краях евразийского материка с выходом и в Атлантический, и в Тихий океаны, пыталась идти «своим путем» и при этом неизбежно испытывала воздействие и со стороны Запада, и со стороны Востока.

Соприкосновение, или знакомство России с Китаем началось в XVII в., соприкосновение Америки с Китаем — в XVIII в. Взаимного воздействия эти процессы друг на друга не оказывали — один происходил на суше, другой — через океан. Между Россией и Китаем происходило пограничное размежевание на суше, а между Америкой и Китаем был великий Тихий океан, проблемы сухопутной границы не было. При этом в опиумных войнах в Китае ни Россия, ни Америка не участвовали.

В то же время Россия и Америка в XIX в. заключали с Китаем каждая свои договоры.

В 1895 г. Китай потерпел поражение в войне с Японией. Иными словами, реальная военная опасность для Китая возникла именно со стороны Японии. Исходя из того, что угроза военного нападения со стороны Японии к этому времени стала главной для Китая, по пору-

чению фактически правившей в Китае императрицы Цыси ее главный министр Ли Хунчжан совершил кругосветное путешествие, пытаясь найти союзников для отражения агрессии со стороны Японии. Ли Хунчжан встретился с О. Бисмарком, с президентом США Г. Кливлендом, с императором России Николаем II.

США не вступили тогда в союз с Китаем. Одна лишь Россия в 1896 г. подписала с Китаем тайный договор о совместном отпоре военной агрессии со стороны Японии. Таким образом, желательная тогда для Китая перспектива некоего тройственного союза России, Китая, Америки растаяла, так и не воплотившись в жизнь. Реалией стала двусторонняя договоренность между Россией и Китаем. Америка осталась в стороне.

В конце XIX в., собственно говоря, на рубеже XIX и XX в. произошли события, получившие название восстания ихэтуаней, или боксерского восстания. При этом все иностранцы, находившиеся в столице Цинской империи Пекине и проживавшие в посольском квартале, оказались под угрозой физического уничтожения. И тогда, впервые в мировой истории, восемь государств: Германия, Япония, Россия, Англия, Америка, Франция, Австрия и Италия — в 1900 г. создали Объединенную армию, которая вступила в Пекин и спасла иностранцев от грозившей им смертельной опасности. Тогда Россия и Америка в первый раз действовали совместно на территории Китая.

В дальнейшем отношения России с Китаем и Америки с Китаем вновь складывались по отдельности, причем по-разному с двумя главными политическими силами Китая: Гоминьдан (ГМД) и Гунчаньдан (КПК). Попутно отметим, что Россия отменила неравноправные договоры с Китаем в середине 1920-х годов, а США — в середине 1940-х.

Когда Мао Цзэдун в 1935 г. пришел к власти в КПК, в нашей стране в 1938 г. в журнале «Новый мир» были напечатаны очерки американского журналиста Эдгара Сноу под названием «Вожди и герои китайского народа». Это было начало прославления Мао Цзедун в нашей стране. Это была своего рода акция с участием представителей трех сторон: России (СССР), Китая, Америки.

Во время Второй мировой войны, опять-таки именно наша страна, тогда СССР, и Китай, тогда Китайская Республика, факти-

чески стали первыми союзниками при отражении нападения со стороны «держав оси»: Германии, Италии, Японии. СССР первым начал помогать Китаю отражать японскую агрессию, вести Антияпонскую войну. Особенно много сделали тогда наши летчики. Вслед за нами и США стали помогать Китаю в его Антияпонской войне, в том числе в воздухе.

К концу Второй мировой войны СССР и США совместно способствовали тому, что Китай стал одним из пяти постоянных членов ООН с правом вето. Благодаря позиции СССР и США китайская делегация на церемонии создания ООН состояла из представителей ГМД и КПК. Именно позиции СССР и США способствовали осуществлению встречи Чан Кайши и Мао Цзэдуна в 1945 г. в Чунцине.

Во второй половине 1940-х годов в Китае началась внутренняя война между ГМД и КПК. США выступали на стороне ГМД. СССР поддерживал дипломатические отношения с Китайской Республикой и в то же время оказывал существенную и искреннюю помощь КПК в ее Южном походе из Северо-Восточного Китая на юг страны, завершившегося созданием КНР.

С 1949 г. существовали союзнические дружественные связи между СССР и КНР. В то же время США имели дипломатические отношения с правительством Китайской Республики на острове Тайвань.

В 1950—1953 гг. была война на Корейском полуострове. В последнее время в КНР начали утверждать, что эта война не относится к «войнам Нового Китая», то есть она не такая, как война в 1962 г. против Индии, в 1969 г. против СССР, в 1979 г. против Вьетнама. В войну на Корейском полуострове Китай «был втянут» Советским Союзом.

В 1969 г. Мао Цзэдун осуществил военное нападение на СССР на границе, кровью разделил наши страны и народы. Именно это побудило США вступить в контакты с КПК на высшем уровне. В 1972 г. состоялся визит президента США Никсона в Пекин и его встреча с Мао Цзэдуном на основе провозглашения ими принципа «общего отношения» к СССР как к «угрозе войны» и для КНР, и для США. В первой половине 1970-х годов имела место разрядка в отношениях СССР и США.

В настоящее время Москва и Пекин заявляют, что это лучший период в истории их взаимоотношений. В США же в последние годы начали осознать, что Мао Цзэдун и его последователи на протяжении последних сорока лет использовали помощь и содействие со стороны США для усиления своего военного и экономического потенциала и в то же время, с точки зрения своей глобальной стратегии, относились к США как к сопернику на мировой арене. При этом США и КНР ведут переговоры с целью решения проблем, особенно в сфере торговли и экономики.

И по сей день взаимоотношения между Россией, Америкой и Китаем остаются сложными. Для отношений РФ и США характерно своего рода военное противостояние. Во взаимоотношениях же Америки и Китая на первом плане находятся экономика и торговля. Стороны говорят о желании сохранять соглашения в сфере военного сотрудничества, отношения в военной области они не считают напряженными или настоятельно требующими разрядки. Вполне вероятно, что в России могут обращать внимание на то, что китайская сторона так или иначе проявляет удовлетворение ростом военной напряженности между РФ и США и в то же время сама исключает военную напряженность во взаимоотношениях КНР и США. Проще говоря, Пекин даже как бы подталкивает Россию к обострению отношений с США, в том числе по военной линии, при этом всячески демонстрируя свое желание не допускать такого обострения во взаимоотношениях Китая и Америки.

В российско-китайских отношениях для нас главное — это обеспечение интересов нашей страны при нынешнем состоянии отношений между Америкой и Китаем. Речь идет о защите наших интересов от угроз и опасностей. Это тем более необходимо, учитывая активный, наступательный характер осуществления руководителями КПК/КНР своей глобальной стратегии в настоящее время.

Это, в частности, проявляется и в том, что власти в Пекине все чаще публикуют интервью в «Жэньминь жибао» и на центральном телевидении с теми из нашей страны, кто превозносит достижения, проекты руководителей КПК/КНР. Так создают у населения КНР впечатление о согласии в нашей стране с лозунгом «Будущее принадлежит Китаю». Тем, кто занимается изучением проблем, связанных с Китаем, приходится реагировать на действия Пекина и рабо-

тать в условиях, когда утверждается, что отношения России и Китая в настоящее время находятся в наилучшем состоянии за всю их историю.

При всем этом существуют США, их нынешняя политика в отношении России и Китая. Прежде всего заявление о том, что именно со стороны этих двух государств исходит главная угроза для США.

Очевидно, что в наших интересах использовать то, что возможно из нынешнего состояния американско-китайских отношений. Мы живем во времена, когда без учета фактора Америки, политики Америки невозможно говорить об отношениях России и Китая, о политике Китая в отношении России и о политике России в отношении Китая.

Здесь необходимо вспомнить о том, что Россия и Америка никогда не вели между собой войны на территории друг друга, так же как Америка и Китай. И в то же время Мао Цзэдун несет ответственность за подготовку и начало пограничной войны против нашего народа и нашей страны в 1969 г.

Необходимо повторить, что исторически первые связи КНР и США были установлены в конце 1960-х годов на основе «общего понимания» между Мао и президентом Р. Никсоном, заключавшегося в том, что СССР (Россия) — это якобы агрессор, угроза войны для Китая (КНР) и для Америки (США).

Дипломатические отношения между КНР и США были установлены в 1979 г. и сопровождались утверждением, которое Дэн Сяопин довел тогда до президента США Джеймса Картера: КНР заранее уведомляет США о том, что будет совершено военное нападение на Вьетнам как на «союзника» СССР.

В свое время Мао Цзэдун призывал создать всемирный единый фронт борьбы против нашего народа и нашей страны в составе Китая, Америки, Японии, государств Европы, мусульманских стран. Дэн Сяопин после смерти Мао Цзэдуна повторил этот призыв. Никто из других мировых лидеров в те времена этого не делал. Никто в Китае никогда не дезавуировал этот призыв.

В отношениях Америки и Китая в последние несколько лет возникли новые обстоятельства. Америка как бы «очнулась» и пересматривает свой прежний взгляд на Китай. Начинает понимать, что КНР всегда относился к Америке как к сопернику. Появляется и понимание того, что в мире главной проблемой становится глобальное

противостояние между США и КНР. Противостояние происходит на всех «полях», в том числе и на «поле России».

Как себя вести России, исходя из интересов нашего народа и страны? Прежде всего, очевидно, проводить полностью независимую и самостоятельную политику. Не «склоняться» ни в одну, ни в другую сторону. При этом важно иметь в виду, что в отношениях России и Китая есть долговременные «подвешенные» факторы, которых нет в отношениях России и Америки.

Это вопрос о границе, о неравноправных договорах, о договоре о режиме границы, об оценке исторического прошлого, особенно относительно подготовленного и осуществленного по воле Мао Цзэдуна нападения на нас на границе в 1969 г. Это также вопрос об оценке властями КПК/КНР политики «царской и советской России» в отношении Китая, вопрос о «старых и новых царях». Сюда включается фактор войны, фактор «долга крови», что в особенности ощущается при знакомстве с трактовкой в КНР 50-летия событий на острове Даманском. В КНР нет такой вражды к США, какая есть, судя по пропаганде, в историческом плане по отношению к нашей стране.

Следовательно, нам необходимы настойчивость и терпение в деле защиты наших интересов, готовность защищать свои интересы, обсуждать и решать все вопросы. Америка должна оставаться «внешним или посторонним фактором» для нашей стороны, когда речь идет об отношениях России и Китая. Наша политика должна быть такой, чтобы американцы понимали, что Россия не выступает на стороне Китая. В то же время китайцы должны понимать, что Россия не выступает и на стороне Америки.

Россия должна исходить из стремления налаживать отношения, разрешать проблемы во взаимоотношениях и с Китаем, и с Америкой. При этом важно основываться на трех принципах: вечный мир, абсолютная независимость и полное равноправие. Соблюдать эти принципы целесообразно и нам, и Америке, и Китаю. Такова цель. Именно это может поставить в правильное положение американский фактор в наших отношениях с Китаем.

В целом важно подчеркнуть, что Россия полностью свободна в своих действиях, в своей политике и не находится в зависимости ни от американского фактора в российско-китайских отношениях, ни от китайского фактора в российско-американских отношениях.

1.4. Отношения КНР с европейскими странами: выводы для России

В отношениях Китая со странами Европейского союза стоит выделить три события, произошедшие за последнее время — два визита в Европу председателя КНР, генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина (в ноябре 2018 г. и в марте 2019 г.), а также последний саммит КНР—ЕС, прошедший в апреле 2019 г. в Брюсселе.

Отметим, что на саммите Китай по-прежнему представлял премьер Госсовета Ли Кэцян, хотя внешняя политика, в том числе и отношения с европейскими странами в последнее время, очевидно, все в большей степени становятся прерогативой лично Си Цзиньпина. Вплоть до того, что в январе 2017 г. именно Си Цзиньпин стал основным представителем КНР на Всемирном экономическом форуме в Давосе, где выступил с большой речью в защиту глобализации и свободы торговли в мире. В 2018 г. Китай на Форуме в Давосе представлял близкий к Си Цзиньпину вице-премьер Госсовета и секретарь Малой рабочей группы по экономике и финансам Лю Хэ, а в 2019 г. — один из ближайших соратников Си Цзиньпина, бывший глава Центральной комиссии по проверке дисциплины, заместитель Председателя КНР Ван Цишань.

С 27 ноября по 5 декабря 2018 г. Си Цзиньпин совершил турне по странам Европы и Латинской Америки, совмещенное с участием в форуме G-20 в Буэнос-Айресе (Аргентина). При этом на пути в Аргентину он посетил с государственным визитом Испанию, а на обратном пути — Португалию.

Визит в Испанию прошел 27—29 ноября и был приурочен к 45-летию установления дипломатических отношений между двумя странами. При этом китайские СМИ преподносили его как «первый визит председателя Си Цзиньпина в Европу после XIX съезда КПК»¹². Это действительно так — хотя Си Цзиньпин и приезжал после съезда в Россию (напомним, что XIX съезд проходил в ноябре 2017 г. в Пекине), однако он участвовал в Дальневосточном экономическом форуме во Владивостоке (сентябрь 2018 г.), поэтому формально в Европе не был.

Накануне визита посол КНР в Испании Лю Фань напомнил, что король Испании Филипп II во время своего визита в Пекин в июне 2017 г. на встрече с Си Цзиньпином отмечал большую роль в мировой экономике китайской инициативы «Пояс и путь» и выражал готовность Испании активно участвовать в сотрудничестве с Китаем в области инфраструктуры и энергетики¹³. По словам посла, объем двусторонней торговли в 2017 г. составил 30,9 млрд долл., а объем китайских инвестиций в страну превысил 2,3 млрд долл.¹⁴

В статье Си Цзиньпина, приуроченной к визиту и опубликованной в испанской газете «А-Бэ-Сэ» под заголовком «Широкими шагами вступаем в новую эпоху, рука об руку создаем новое величие», говорилось о необходимости «повысить уровень всестороннего стратегического партнерства между двумя странами». Кроме того, в статье подчеркивалось, что сторонам «следует усилить обмена концепциями развития и способствовать сопряжению стратегий национального развития»¹⁵. В ответ председатель Сената Испании Пио Гарсия-Эскудеро во время посещения Си Цзиньпином испанского парламента заявил, что Китай стал «партнером Испании самого высокого уровня» и «двусторонние отношения вошли в наилучший исторический этап»¹⁶.

В Португалии Си Цзиньпин находился с 4 по 5 декабря. Накануне визита китайский посол в Португалии Цай Жунь в интервью агентству Синьхуа отметил, что несмотря на сравнительно небольшой объем двусторонней торговли (в 2017 г. он составлял 5,58 млрд долл.) Португалия является одним из основных направлений китайских инвестиций в Европе: общий объем инвестиций Китая в экономику Португалии превысил 9 млрд евро¹⁷. При этом посол также напомнил, что и президент Португалии М. Ребелу ди Соза, и премьер-министр А. Кошта ранее выразили поддержку инициативе «пояс и путь» и подтвердили готовность расширять сотрудничество с Китаем в ее рамках¹⁸.

На встрече с премьер-министром А. Коштой Си Цзиньпин отметил, что «Китай и Португалия в настоящее время входят в наилучший период двусторонних отношений в истории, и Китай намерен добиваться выхода на новый уровень всесторонних отношений стратегического партнерства с Португалией»¹⁹. В свою очередь Китай надеется на «дальнейшую реализацию Португалией активной роли в

продвижении развития китайско-европейских отношений по правильному пути»²⁰.

Португальский премьер-министр в ответной речи подчеркнул, что «китайские предприятия на территории Португалии уважают национальное законодательство и ведут образцово-показательный бизнес», и что «Португалия приветствует китайские инвестиции и наращивание производства на своей территории, а также расширение посредством Форума «Китай — португалоязычные страны» сотрудничества с третьими сторонами, в частности Африкой»²¹.

В ходе встречи был подписан Меморандум о взаимопонимании между правительством КНР и правительством Португальской Республики по совместному продвижению формирования «пояса и пути», а также еще 17 документов о сотрудничестве, в частности в сферах производства электромобилей, энергетики и финансов²². Стоит подчеркнуть, что по мнению китайцев, меморандум о взаимопонимании, который был подписан в Лиссабоне, может служить образцом для остальных. А в целом по результатам поездки Си Цзиньпина в Испанию и Португалию в Пекине был подготовлен новый документ об отношениях с Европой (предыдущие были выпущены в 2004 и в 2014 г.).

Весенний визит Си Цзиньпина в Европу начался с Италии, где он находился с 21 по 23 марта. В результате визита было подписано почти три десятка соглашений, прежде всего касающихся китайских инвестиций в крупнейшие итальянские порты в рамках инициативы «Пояс и путь»²³. Сумма инвестиций — 2,5 млрд евро²⁴.

Заключение сделок вызвало довольно резкую критику со стороны руководства ЕС и Германии. В частности, комиссар ЕС (представитель Германии) Г. Оттингер заявил, что с «беспокойством наблюдает за тем, как Италия и другие европейские страны, инфраструктуры стратегической важности, энергосети, скоростные железнодорожные магистрали или морские порты переходят из рук европейцев в руки китайцев». Министр иностранных дел Германии Х. Маас выразился еще жестче: «Если некоторые страны полагают, что могут наладить более умный бизнес с китайцами, то их ждет сюрприз, когда они пронутся и обнаружат себя зависимыми (от Китая)»²⁵.

По пути из Италии во Францию Си Цзиньпин остановился в Монако, где также обсуждал с князем Альбером II вопросы присое-

динения княжества Монако к китайским проектам «Пояса и пути» в Европе²⁶.

После этого председатель КНР в течение двух с половиной дней находился во Франции, где встречался с президентом Э. Макроном и специально прилетевшими для встречи с Си Цзиньпином канцлером ФРГ А. Меркель и председателем Еврокомиссии Ж.-К. Юнкером. Председатель КНР также выступил с речью на Китайско-Французском форуме по глобальному управлению²⁷. Отметим, что канцлер Германии и председатель Еврокомиссии специально прилетели в Париж по приглашению Э. Макрона для встречи с Си Цзиньпином, не дожидаясь запланированного на апрель саммита КНР—ЕС.

В ходе визита Си во Францию были также подписаны в общей сложности более десятка документов на общую сумму около 40 млрд евро, среди которых особо стоит отметить меморандум о готовности китайской государственной компании *China Aviation Supplies Holding Company* приобрести у европейского (номинально — французского юридического лица) консорциума *Airbus* 290 самолетов A320 и 10 лайнеров A350²⁸. Эта сделка позволила снять возражения со стороны Франции относительно слишком тесного сотрудничества Италии с Китаем и слишком активного проникновения китайского бизнеса в эту страну.

Очередной саммит КНР—ЕС, на котором Китай, как уже говорилось, представлял по сложившейся традиции не председатель КНР, а премьер Госсовета Ли Кэцян, прошел 9 апреля в Брюсселе. На саммите, несмотря на высказывавшиеся накануне в экспертном сообществе сомнения²⁹, удалось принять совместную декларацию КНР—ЕС, что позволило председателю Европейского совета Д. Туску и главе Еврокомиссии Ж.-К. Юнкеру заявить на заключительной пресс-конференции о «прорыве» и «большом шаге» вперед³⁰.

Текст совместного коммюнике содержит много общих и расплывчатых формулировок. Однако, судя по всему, Пекин пошел на встречу Брюсселю и пообещал удовлетворить ряд претензий к Китаю со стороны ЕС.

В декларации ЕС и КНР согласились реформировать ВТО для устранения «глобальных торговых вызовов» и «активизировать дискуссии с целью усилить международные правила касательно промышленных субсидий». Это, по сути, ответ Китая на неоднократные

просьбы со стороны Евросоюза отказаться от государственных субсидий китайским промышленным предприятиям, что создает для них преимущества перед европейскими компаниями. И именно эту туманную формулировку Д. Туск выделил и назвал прорывом. Следует отметить, что в декларации прошлогоднего саммита эта тема не упоминалась³¹.

Второе достижение — это согласие обеих сторон на отказ от «принудительной передачи технологий». За этой фразой скрывается еще одна ключевая претензия, выдвинутая ЕС к Китаю вслед за США и заключающаяся в том, что Китай якобы принуждает иностранные фирмы передавать китайским компаниям технологии в обмен на доступ на рынок КНР.

Стороны согласились устранить «дискриминационные требования и практики» в отношении иностранных инвесторов. Для этого ЕС и Китай должны до конца текущего года разработать всеохватывающий инвестиционный договор и подписать соглашение в 2020 г. Кроме того, в 2019 г. ЕС и Китай хотят завершить переговоры по соглашению о защите наименований места происхождения товара³².

Вопрос в том, насколько Китай намерен сдерживать обещания, данные европейским партнерам, и в какой степени он на самом деле стремится учитывать мнение стран ЕС в своей внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии. Ситуация такова, что в результате продолжающегося кризиса Европа стремительно теряет остатки субъектности в мировой политике и превращается из субъекта в объект.

Кризис Европы, как мы знаем, был замечен мыслителями еще 100 лет назад. Этот процесс ускорился после окончания Второй мировой войны, когда Европа стала зависимой и в экономическом, и в военном отношении (Западная — от США, восточная — от Советского Союза). Европу, по сути, разделили на части, на сферы влияния. При этом некоторые крупные страны, такие как Германия и Польша, вообще потеряли суверенитет, на их территории были расположены иностранные войска.

После добровольного ухода СССР с международной арены Европа сделала лихорадочную попытку объединиться и вновь стать одним из центров мировой политики, создав Европейский союз и

включив в него страны Центральной и Восточной Европы. Однако это не решило проблем, а лишь усугубило их. Произошло «расширение НАТО на Восток», а новые члены ЕС стали проводниками влияния США.

Ситуация еще более ухудшилась с началом процесса Брекзита и торговых войн. Брекзит еще раз показал неспособность Брюсселя контролировать национальные правительства и неумение европейской бюрократии договариваться и учитывать ситуацию в конкретных странах. И независимо от его итогов пострадают серьезно и сама Британия, и ЕС в целом. Не только в том, что касается имиджа, но и в том, что касается финансовых рычагов и их веса в ВТО, МВФ и др. структурах.

Так, торговые войны показали, что США не собираются даже минимально учитывать интересы своих европейских союзников, рассматривая их как конкурентов в борьбе за мировые рынки.

Очень серьезно осложнил взаимоотношения в Европе миграционный кризис, который привел к нарастанию противоречий между основной страной ЕС — Германией и другими его членами, прежде всего странами Южной Европы, с одной стороны, и Восточной (так называемая Вышеградская группа — Польша, Венгрия, Чехия и Словакия) — с другой. Попытки ограничить экономическое сотрудничество этих стран с Китаем наталкиваются на жесткое противодействие и неподчинение.

Таким образом, все большее число стран начинают строить свои отношения с Китаем без оглядки на Брюссель. Греция, Венгрия, Польша, Чехия, Испания, Сербия, Черногория — это страны, которые находятся в серьезной зависимости от КНР и лоббируют в Европе интересы Китая. В конце 2018 г. к ним прибавилась Португалия, и как мы уже говорили, Си Цзиньпин заезжал в эту страну на пути с саммита в Аргентине в декабре и подписал меморандум о взаимопонимании, который, по мнению китайцев, может послужить образцом для остальных. А с марта этого года — еще и Италия.

Это помимо того, что на европейском континенте на протяжении 7 лет существует и действует формат «16+1» (16 стран Центральной и Восточной Европы + Китай) — структура, независимая от руководства ЕС и находящаяся под контролем КНР (этот формат существует на европейском континенте начиная с 2012 г., когда был

учрежден секретариат по сотрудничеству Китая и стран ЦВЕ в Пекине)³³. Именно эти страны, т. е. формат «16+1», является основным лоббистом интересов Китая в Европе и основным объектом его помощи и инвестиций. Например, в мае 2017 г. Си Цзиньпин на форуме «Один пояс, один путь» в Пекине сообщил об учреждении в формате «16+1» в рамках развития инициативы ЭПШП совместного финансового холдинга³⁴.

Напомню, что формат «16+1» сложился уже на первом саммите Китай — ЦВЕ, где Пекин представлял тогдашний премьер Вэнь Цзябао, а европейскую сторону — премьер-министры Польши (саммит проходил в Варшаве), Боснии и Герцеговины, Хорватии, Чехии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Македонии, Черногории, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Албании, а также вице-премьер Болгарии. Из этого списка Хорватия стала членом ЕС только на следующий год, а еще пять балканских стран до сих пор в ЕС не входят — их заявки на вступление по-прежнему обсуждаются бюрократическим аппаратом Европейского союза, хотя еще в 2017 г. Верховный представитель ЕС по внешней политике Ф. Могерини заявила, что Европейский союз после выхода Великобритании будет расширяться на Балканы. Видимо, на данный момент представителям внешнеполитического ведомства ЕС не до балканских стран: процесс выхода Великобритании серьезно затянулся и идет с большим скрипом и спорами.

Что же касается формата «16+1», то представители ЕС стали приглашаться на саммиты КНР и стран ЦВЕ лишь начиная с 2015 г. На четвертом по счету саммите, прошедшем в ноябре 2015 г. в Нанкине, присутствовали в качестве наблюдателей представители ЕС, Австрии, Греции и Европейского банка реконструкции и развития. Заметим, что Китай в последнее время активно продвигает план включения в число государств формата «16+1» Греции как одной из стран, являющихся приоритетным направлением китайских инвестиций (прежде всего в порт Пирей, который Китай планирует сделать основным хабом в торговле с европейскими странами). Понятно, что Греция является также и основным лоббистом интересов КНР в Европе. Впрочем, после заключения соглашений марта 2019 г. по поводу инвестиций в итальянские порты значение Греции для Китая может серьезно уменьшиться.

Таким образом, Китай предпочитает добиваться своих целей с помощью гибкой и агрессивной финансово-инвестиционной политики, заключения двусторонних соглашений со странами, испытывающими трудности и недовольными ЕС, а также путем создания собственных структур многостороннего сотрудничества типа формата «16+1». В частности, в КНР звучат предложения о создании совместной структуры с шестью странами южной Европы «6+1» (Греция, Италия, Испания, Португалия, Кипр, Мальта) и механизма сотрудничества для пяти стран Северной Европы («5+1») (Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция).

В результате значимость сотрудничества с европейскими странами по линии ЕС, который испытывает все более серьезные трудности, для КНР продолжает снижаться.

Серьезную головную боль европейцам доставляет, разумеется, Украина. Участие ведущих стран ЕС в осуществлении на Украине американского сценария дополнительно поставило их в зависимость от заокеанского партнера и серьезно ухудшило ситуацию с поставками в Европу нефти и газа из России.

Расширение НАТО на Восток привело не только к росту угроз безопасности РФ, но и к угрозам безопасности всех стран, которых расширение коснулось — от Прибалтики до Болгарии. При этом военный и ядерный зонтик перестал быть бесплатным — торговля по поводу того, сколько платить, продолжается, но платить, очевидно, придется.

В целом можно сказать, что европейцы попались на миф о «золотом миллиарде», который был в моде некоторое время назад. Они были убеждены, что уж они в этот «золотой миллиард» войдут точно. Оказалось, что в условиях кризиса существующей модели мировой экономики Европа войдет в этот «золотой миллиард» только небольшой частью своей элиты. И то в том случае, если она будет выполнять чужую волю. Результат осознания этого факта — всплеск популизма и радикализма, появление «новых правых» и националистов, рост их популярности в ведущих странах континента.

На этом фоне продолжается рост китайских инвестиций в европейские страны и проникновение китайского капитала в различные сферы европейской экономики. Этому способствуют серьезные ограничения, которые ввели США и Австралия в их экономических

отношениях с Китаем за последние два года. В результате инвестиции Китая в Европу превысили инвестиции в США и Канаду почти в 10 раз (за первую половину 2018 г. — 20 млрд долл. против 2,5; завершенные сделки — 12 млрд против 2). При этом основные инвестиции идут в те страны, которые проводят благоприятную для Китая политику и не выполняют требования Европейской комиссии — Великобритания, Венгрия, Греция, Польша.

Существенно изменились основные направления инвестиций: теперь это недвижимость, финансовые услуги, туризм, индустрия моды, индустрия развлечений и здравоохранение, а не производство товаров.

Такова общая ситуация с положением Европы в мировом геополитическом противостоянии США и Китая. И при этом именно ЕС по-прежнему является основным торгово-экономическим партнером России. Несмотря на санкции, «поворот на Восток» и утверждения, что основным торгово-экономическим партнером РФ является Китай. Объем торговли России с КНР уступает торговле РФ со странами ЕС примерно в 3 раза (без учета транзита через Белоруссию). Еще хуже соотношение по части инвестиций как накопленных, так и текущих: за последний год капиталовложения только с германской стороны в РФ выросли и составили 3 млрд евро. В то время как инвестиции из Китая по большей мере остаются на бумаге (если не считать крупных проектов, находящихся под патронажем глав государств).

* * *

В этой ситуации России, с одной стороны, необходимо активизировать усилия по реальному выполнению провозглашенного еще в 2014 г. так называемого поворота на Восток. А с другой, более внимательно отслеживать действия китайской стороны в рамках глобальной стратегии Пекина по продвижению и росту влияния в мире. В том числе по созданию «завязанных» исключительно на Китай международных организаций и форматов, которые уже предпринимаются в регионах, являющихся зоной приоритетных интересов РФ, например, в Центральной Азии. Китай действительно должен являться основным партнером РФ на международной арене, в том

числе в области внешнеэкономической активности. Однако внешнеполитические и внешнеэкономические устремления и действия КНР далеко не во всем совпадают с внешнеполитическими и внешнеэкономическими интересами России. И этот момент, на наш взгляд, должен более внимательно учитываться при выработке стратегии действий РФ на международной арене.

1.5. Новые моменты и вызовы в отношениях КНР со странами развивающегося мира

Уже более 70 лет развивающийся мир (РМ) выполняет для Китая роль круга внешнеполитической поддержки и одновременно — объекта влияния, источника природных ресурсов, аргумента в диалоге с Западом, а также «отправного пункта» для достижения мирового лидерства. Эти «функции» РМ исправно несет на протяжении всей истории Китайской Народной Республики за исключением небольших изъятий времен «экспорта революции», когда чересчур напористая линия Пекина (названная в советской науке «хунвэйбиновской дипломатией») неблагоприятно сказалась на официальных отношениях Китая с развивающимся миром. Так, правительства ряда государств Африки в 1960-х годах были вынуждены «отгораживаться» от активности промаоистских групп, поддерживаемых Пекином, вплоть до приостановления дипломатических отношений с ним.

Однако Китай довольно быстро осознал контрпродуктивность линии на «экспорт революции» и к началу 1970-х годов начал выстраивать новый курс в отношениях с РМ, «замешанный» на лозунгах общности исторических судеб КНР и развивающихся стран, а также стоящих перед сторонами текущих задач. Тогда же звучали и призывы к плодотворному взаимовыгодному политико-экономическому сотрудничеству мировых антигегемонистских сил³⁵.

По большому счету Китай никогда не уходил из РМ в отличие от бывших «флагманов биполярности» — США и постсоветской России, утративших интерес к развивающимся странам как лагерям поддержки после распада СССР.

Чем же так ценен РМ в глазах Китая? Дело в том, что дипломатия западной школы мыслит десятилетиями, а дипломатия Китая —

веками. И она действительно видит в развивающемся мире реальный ресурс и резерв мирового развития. Она исходит из того, что рано или поздно, но согласно закону неравномерного развития стран (при империализме), сформулированному В.И. Лениным, однако по сути справедливом на всем протяжении истории государственности, наступит очередь развивающегося мира «выстрелить» в верхние эшелоны глобального прогресса. Сейчас же РМ — это некий фронт единомышленников, в котором Китай видит «подушку безопасности», призванную подстраховать его позиции в случае осложнения отношений с развитыми странами. На мировой арене без исторически взращенных партнеров-союзников живется очень не просто, и все это понимают, кроме США и, как порой кажется, и России тоже, что не может не печалить.

Современная специфика отношений Поднебесной с РМ заключается в том, что со времени провозглашения КНР в 1949 г. страна позиционирует себя в качестве развивающегося государства. Причины этого автор раскрывал во многих своих работах, здесь же ограничимся напоминанием китайской аргументации: КНР, являясь второй по величине экономикой мира в абсолютном выражении, по объемам ВВП на душу населения находится лишь на 70-м месте в мире (информация посла КНР в Уругвае Ван Гана от 2018 г.³⁶). А в 2016 г., по данным Государственного статистического управления, КНР вообще занимала только 93-е место в мире по ВВП per capita³⁷. (Таким образом, можно отметить или особую скорость роста Китая, или же подвижность китайской статистики, ввергающей экспертов в смущение уже на протяжении десятилетий.)

Подтверждая свой статус развивающегося государства, Китай, тем не менее, в последние годы называет себя и «крупной ответственной страной». Бурный рост КНР не мог не сказаться на ее международном поведении. Все чаще она демонстрирует «манеры» великой державы там, где считает это оправданным. Однако двойственность статуса КНР как страны РМ, поборника и радетеля интересов развивающихся стран и в то же время — крупного мирового «игрока» обернулась определенными «недоговоренностями» в ее отношениях с «глобальным Югом». И здесь — новый момент в контактах по линии «Китай — развивающийся мир».

Развивающийся мир ждет, что КНР, став великой страной, наконец-то начнет действительно менять мировой порядок с учетом интересов РМ. Да, Китай призывает развитые государства («глобальный Север») выполнять обещания по содействию развивающимся странам, увеличить объемы официальной «помощи развитию» и прямых инвестиций, принять меры по облегчению долговой проблемы и улучшению условий торговли для «глобального Юга». Но далее повторяемых десятилетиями лозунгов и деклараций реальное дело не идет. Действительно, КНР инвестирует в развивающийся мир, предоставляет ему займы и кредиты немалых объемов, особенно под проект «Пояс и путь», который он презентует как механизм, содействующий установлению нового справедливого и взаимовыгодного мирового порядка. Однако какие бы политологические свойства ни приписывались инициативе «Пояс и путь» (ИПП) и иным начинаниям Китая в РМ, их суть одна: экономическими средствами распространить влияние КНР на как можно большие мировые пространства и вывести Поднебесную на новый уровень геостратегического влияния.

И тогда возникает вопрос: а нужно ли самому Китаю изменение существующего мирового порядка (МП) как такового? Ведь Пекин, похоже, вполне устраивает сложившийся МП, созданный Западом «во времена оны», ибо именно при старом мировом порядке КНР стала такой, как сейчас, и старый мировой порядок никак не помешал ей достичь огромных успехов, которые мы все наблюдаем. Специфика именно старого мирового порядка была Китаем хорошо изучена и успешно использована для своей выгоды.

Развивающиеся же страны ждут от КНР не просто экономического сотрудничества и вовлечения в орбиту китайских политико-экономических инициатив, но более активных действий по улучшению для них условий мировой политико-экономической жизни, ввода представителей развивающихся государств в состав постоянных членов СБ ООН и т. д.

Многочисленные высказывания китайского руководства о том, что КНР — член «семьи развивающихся стран» и друг, который всегда будет выступать в защиту интересов РМ, внушали надежду развивающемуся миру на протяжении десятилетий. Положение КНР как лидера РМ признается на уровне официальных заявлений це-

лым рядом государств: Южной Африкой, Намибией, Нигерией и др. И теперь РМ ждет от КНР «апгрейда» ее статуса с политико-декларативного и экономического лидера «глобального Юга» до статуса его активного заступника, а не только продуцента лозунгов и дружественных заверений. Если Китай стал великим, то тогда пусть станет более эффективной и его работа на благо развивающихся стран, — так полагают в РМ³⁸. И это — новый вызов в отношениях Китая и стран «глобального Юга».

Китай уже лет 15 выступает за повышение роли ООН в мировых делах, поддерживает идею введения развивающихся государств в Совет Безопасности на правах постоянных членов (в мировом сообществе назывались кандидатуры Индии и Бразилии). Однако далее деклараций дело не идет и здесь. Китай не ставит этот вопрос ребром, предпочитая занимать по нему поддерживающую, а не авангардную позицию.

В то же время Д. Трамп в сентябре 2017 г. предложил декларацию о реформе ООН, которую подписали 128 из 193 государств — членов Организации³⁹, что сразу показало, кто реально «правит бал» в ООН. Это свидетельствует и о том, что Китай дал Соединенным Штатам обойти себя в деле реформирования ООН и что действенной заинтересованности в совершенствовании Организации КНР пока не демонстрирует. Китай сам бы мог предложить проект реформирования ООН, что возымело бы огромный пропагандистский эффект как минимум. Но Пекин не делает даже этого, хотя ничем не рискует (проект получил бы немалую поддержку со стороны того же развивающегося мира и, даже не будучи принятым, благотворно сказался бы на международно-дипломатическом образе Китая, повысив потенциал его «мягкой силы»). Отсюда вытекает вывод, что КНР вполне устраивает ооновское status quo, обеспечивающее ее постоянное членство в Совбезе, причем без ее давнего регионального соперника — Индии «в соседнем кресле», и/или что Пекин не считает соответствующий вопрос первостепенным.

Справедливости ради отметим, что изменение мирового порядка дипломатическими или административными методами — процесс неосуществимый. Такое изменение должно вырваться изнутри и стать следствием глубинных, объективных процессов мировой жизни.

ни. А менять устоявшийся мировой уклад «сверху», то есть, по сути революционно — это не просто сложно, но и опасно в силу непредсказуемости последствий.

Видимо, Пекин это понимает и, на словах заявляя о своих реформаторских настроениях, не спешит ломать устоявшиеся и посему предсказуемые «правила игры». Это вполне разумная, компромиссная тактика. Или же Китай сам плохо представляет, с чего именно следует начинать волевою смену старого МП.

Пока же действующий порядок, созданный Западом, позволяет КНР извлекать дивиденды, ситуативно соразмеряя свою международную ответственность согласно статусу развивающегося государства или же статусу крупной ответственной державы (в зависимости от конкретных обстоятельств).

Автор полагает, что рано или поздно мир от текущего переходного состояния многополярности, во многом являющейся видимостью и пропагандистским подходом, вновь придет к биполярности, но уже в другом составе ее главных действующих лиц. Скорее всего США с их поддерживающим окружением — странами ЕС, ориентирующимися на Запад «восходящими» странами «глобального Юга» и государствами-«клиентами», составят один полюс, а КНР с ее партнером по антиамериканским настроениям Россией и наиболее финансово заинтересованными и простимулированными странами — участницами китайских мегапроектов — другой.

Если (и когда) биполярность вернется, то, шадя поборников многополярности, можно придать последней иную, более политкорректную и мягкую трактовку. Так, «старая» биполярность зиждилась на конфронтации США и СССР. «Новая» же биполярность может быть заявлена не по линии противостояния «США—Китай», а в рамках дихотомии «Север—Юг». «Север» возглавляется США, «Юг» — Китаем. Исходный код «координатной» структуры международных отношений уже проявил себя в текущей проблематике отношений «Север—Юг».

Биполярность в обновленном понимании не вызовет такую идиосинкразию у мирового сообщества, как «противостояние двух сверхдержав», двух «мировых гегемонистов», двух мировых систем и проч. «Новая» биполярность будет определяться не по признаку и принципу геостратегического и идеологического соперничества, а

по принципу экономического взаимодополнения, не лишено, однако, целого ряда обоюдных мирохозяйственных и политических претензий.

Конечно, Россию может не устроить подобная трактовка биполярности, ибо ей будет трудно найти свое место в ней: РФ не станет союзником проамериканского «Севера» и при этом, будучи ядерной державой — преемником великого СССР, не согласится предстать и государством «Юга». Сохранится и ряд редких государств, нейтральных или самодостаточных, которые тоже не впишутся в «новую» биполярность. Впрочем и при «старой» биполярности таковые тоже встречались. Так или иначе, но явственное возвращение биполярности — это новый вызов для позиционирования КНР в развивающемся мире.

Как известно, ныне Китай выступает в качестве «локомотива» целого ряда объединений развивающихся государств, в том числе БРИКС, одним из ключевых членов которого является Бразилия.

1 января 2019 г. официально вступил в должность новый президент Бразилии Жаир Болсонару, известный своими симпатиями к США. По совпадению, в этом же году Бразилия будет выполнять обязанности страны — председателя БРИКС. Это дает основание полагать, что отношение новой бразильской администрации к членству в этой международной структуре будет продемонстрировано довольно скоро. Пока же партнеры Бразилии по БРИКС пребывают в беспокойном ожидании.

Во время визита Ж. Болсонару в США в марте 2019 г. президент Д. Трамп заявил, что он хотел бы видеть Бразилию в качестве приоритетного союзника вне НАТО или, возможно, даже союзника по НАТО. Данное заявление тут же вызвало живую реакцию среди европейских членов Североатлантического блока. Так, пресс-секретарь МИД Франции Агнес фон дер Мюлл указала, что ст. 10 Североатлантического договора ограничивает членство в НАТО только европейскими странами (за исключением Соединенных Штатов и Канады). Кроме того, в ст. 6 договора соответствующий «североатлантический» регион определяется как лежащий к северу от тропика Рака. Положения обеих этих статей вкупе с реакцией старых членов НАТО, кажется, исключают возможность полноправного участия Бразилии в Североатлантическом блоке⁴⁰.

Однако, что касается судьбы Бразилии в БРИКС, то явный про-американский крен Болсонару вызывает немалое беспокойство по ее поводу. Бразильские консерваторы отвергают роль БРИКС в изменении мирового порядка в пользу развивающихся стран и, конечно же, с предубеждением смотрят на тесное партнерство с РФ в рамках этой структуры.

С КНР дело обстоит несколько иначе: Китай — серьезный торговый партнер Бразилии, который закупает у нее 50 % ее экспортной сои, немалое количество железной руды и нефти. Китайские инвестиции также важны для страны, особенно в горнодобыче, энергетике и сельском хозяйстве. К тому же КНР занимает в отношении новых бразильских властей нейтрально-конформистскую позицию, что может ослабить нападки на Поднебесную как члена БРИКС со стороны бразильского истеблишмента⁴¹.

Автор полагает, что ультраправые силы в администрации Бразилии не смогут побудить страну выйти из БРИКС совсем. Бразилия, благодаря членству в такой представительной международной структуре, обрела новый статус — статус государства не просто регионального, а глобального значения. Вряд ли Бразилия захочет от него отказаться. Однако о стремлении России и Китая использовать БРИКС в качестве механизма-балансира американского влияния, похоже, придется забыть хотя бы на время президентства Ж. Болсонару. Скорее всего Бразилия пойдет на дальнейшее развитие именно двусторонних векторов в рамках БРИКС, акцентируя те из них, которые будут для нее более выгодными⁴². В принципе двусторонний формат в БРИКС явственно доминирует над коллективным и сейчас, но эта тенденция станет еще более выпуклой.

Снижение сплоченности и целевой «заточенности» БРИКС, вероятность ее размывания изнутри из-за новой позиции Бразилии не могут не сказаться на международном весе этой структуры. Этот некогда «антигегемонистский» проект стоит перед рисками заметного репутационного урона для его стран-учредителей, в том числе и КНР. И здесь — еще один новый вызов Китаю.

Дополнительный новый момент в отношениях КНР с РМ связан с тем, что подозрения в «неоколониалистских» устремлениях Китая (высказываемые с той или иной настойчивостью последние лет десять) стали подкрепляться сетованиями на проведение Подне-

бесной политики «долговой ловушки». Так, в 2018 г. Китай на очередном Форуме «Китай—Африка» пообещал африканским странам новые 60 млрд долл. вложений в дело развития⁴³, что обострило дискуссию о том, зачем КНР финансировать партнеров, слишком часто не способных погашать долги? Может, это попытка заключить РМ в «долговую ловушку», дабы, прощая долг, получить взамен новую ответственность и/или доступ к природной ренте?

Здесь вспоминается передача в 2016 г. стратегического порта Хамбантога в Шри-Ланке в аренду китайской компании на 99 лет в обмен на уменьшение долга страны. По словам посла КНР в Шри-Ланке И Сяньляна, обсуждается продажа долей собственности и в других проектах, чтобы помочь Шри-Ланке «решить ее финансовые проблемы»⁴⁴.

Высказывается мысль (правда, оспариваемая и Пекином, и Коломбо), что порт Хамбантога впоследствии может быть использован под создание военной базы специально близ берегов Индии⁴⁵.

Еще один пример: прошла информация, что кенийский порт Момбаса выступил в качестве обеспечения для займа в 3,2 млрд долл., направленного на сооружение железной дороги между Момбасой и столицей Кении г. Найроби. Риск для Кении состоит в том, что в случае дефолта по займу, она может потерять права собственности на этот ценный порт. Беспрецедентность ситуации с портом Момбаса обусловлена тем, что никогда ранее китайская сторона не действовала с такой бесцеремонностью, то есть брала в залог не сам объект кредитования (в данном случае — строящуюся железную дорогу), а куда более ценный актив (действующий порт)⁴⁶.

Ряд других стран, перегруженных задолженностью перед Китаем, фактически принуждаются продавать свою долю в проектах, финансируемых китайцами, или передавать права управления китайским государственным фирмам. В финансово рискованных странах Китай теперь требует большую часть активов в создаваемых СП. Например, в 2017 г. КНР заключила сделку с Непалом по постройке новой дамбы, 75-процентная доля собственности в которой будет принадлежать китайской государственной *Three Gorges Corporation*⁴⁷.

Справедливости ради отметим, что попадание в «долговую ловушку» — это не просто ошибка развивающихся стран-реципиентов. Сама видимая легкость китайского кредитования, его необусловлен-

ность политическим требованиями или требованиями социального характера действует на заемщиков «гипнотическим» образом. Поведав большому партнеру, развивающиеся страны не всегда в состоянии просчитать все риски и провести достаточную качественную экспертизу проекта.

Вопрос о задолженности Китаю, похоже, становится и механизмом политического прессинга на страны-контрагенты. Так, Пекин, используя факт непогашенного долга, побудил Камбоджу, Лаос, Мьянму и даже Таиланд заблокировать формирование единой антикитайской позиции стран АСЕАН по территориальным претензиям КНР в Южно-Китайском море, выдвигаемым к тому же в агрессивном тоне⁴⁸.

Естественно, что если вопрос погашения задолженности крайне трудно решить традиционными методами, то тогда надо искать новые подходы. Один из таких наиболее доступных выходов Китай, как уже указывалось, углядел в «изъятии» собственности за долги. К тому же, чем больше долговое бремя меньших, неплатежеспособных стран, тем больше рычагов влияния на них может найти Китай.

По мнению международных экспертов, КНР, похоже, намеренно действует так, чтобы страны-партнеры не могли избежать долговой зависимости от нее. Например, в обмен на пересмотр сроков погашения задолженности Китай требует заключения с ним контрактов на новые проекты, тем самым бесконечно продлевая долговые кризисы государств-контрагентов. Так, в октябре 2016 г. Пекин списал Камбодже 90 млн долл. долга, с тем чтобы гарантировать заключение дополнительных крупных контрактов с Китаем⁴⁹.

Особый вызов отношениям КНР со странами развивающегося мира ныне составляет и спад фактической (не декларативной) инвестиционной активности Китая из-за кризисных явлений в глобальной экономике и в экономиках развивающихся стран, особенно африканских, а также в латиноамериканской Венесуэле.

Вызов и в том, что практикуемая Китаем модель хозяйственных связей с РМ «займы в обмен на природные ресурсы» начинает давать ощутимые сбои⁵⁰. Эта модель, похоже, эффективна только в условиях политической и финансовой стабильности и подвержена немалым рискам, если «что-то пошло не так»⁵¹. И Венесуэла — пример этого.

Думается, что Китай, вкладываясь в Венесуэлу, совершил ту же ошибку, что и сами чависты: он не просчитал последствий падения мировых цен на нефть для венесуэльской хозяйственной машины. Ведь именно нефть является несущим столпом экономической модели, принятой У. Чавесом и продолженной Н. Мадуро. За счет доходов от нефти чависты создавали благополучие своей страны с начала «нулевых» годов XXI в. И во многом преуспели.

Однако ввиду резкого падения мировых цен на сырье в начале 10-х годов экономика страны, замешанная на «дрожжах» нефтяных доходов, стала давать «осечки». С обвалом цен на углеводороды Венесуэла лишилась огромных объемов валютных поступлений и следовательно — возможности не только продолжать социально ориентированные проекты чавистов, закупать за рубежом все необходимое для населения, но и выплачивать вовремя долги другим странам. Экономический кризис привел к массовому обнищанию населения и острому дефициту продуктов питания и базовых товаров народного потребления. Уровень инфляции венесуэльского боливаров за один только 2018 г. превысил 1 300 000 %⁵².

Конечно, Китай мог просто покупать венесуэльскую нефть, но он предпочел идти другим, как оказалось, весьма рискованным путем — осуществлять массированное кредитование экономики Венесуэлы, с тем чтобы гарантировать погашение займов нефтепоставками. Видимо, так он хотел «привязать» к себе нефтехозяйство Венесуэлы, а путем вложений в модернизацию ее добычных объектов — «застолбить» ряд месторождений страны под свой импорт. Здесь можно отметить, что Венесуэла обладает месторождениями двух типов — нефти «легкой», качественной, которая практически вся выработана, и огромными полями нефти «тяжелой», расположенными на севере страны в бассейне р. Ориноко. Вот эта нефть и составляет основное богатство страны. Да, венесуэльская нефть — вязкая, битуминозная, которую нельзя перекачивать по трубопроводам без предварительного апгрейда (разбавлением «легкой» нефтью или же нефтой). Но «тяжелой» нефти в Венесуэле много! Очень много. И ее огромные запасы обещают длительность их выработки и следовательно — долгосрочность интересов КНР в Венесуэле.

Китай на пике мировых цен на нефть, по всей видимости, был уверен, что гигантские ресурсы венесуэльских углеводородов гаран-

тируют их бесперебойную поставку в КНР и своевременность погашения китайских кредитов. Но однофакторная экономическая модель показала свою ситуативную неэффективность, что ощутимо сказалось на качестве и объемах двусторонних контактов. Венесуэла по сути — яркий пример развивающейся страны с сырьевой экономикой, экономические связи с которой очень зависимы от мировой конъюнктуры. Ошибки, подобные венесуэльской, могут произойти с Китаем в любой другой стране похожей модели развития, если Пекин не учтет неудачу данного случая. И здесь — еще один вызов и новый момент в отношениях по линии «Китай—РМ».

Поскольку способность Венесуэлы погашать финансовые и товарные долги сейчас становится все более проблематичной, то логично ожидать, что Пекин будет искать решение этого вопроса тем же путем, коим он пошел в Азии и Африке: вероятно, он захочет получить в собственность нефтерождения в счет погашения венесуэльского долга. Но это станет возможным только при соблюдении ряда условий: сохранении режима Мадуро, а в случае его ухода — согласия нового правительства признать легитимность контрактов и проектов, заключенных КНР с Венесуэлой при чавистах. И если это Китаю удастся, то его присутствие на «заднем дворе» США станет неизбежным и постоянным⁵³.

Надо признать, что чем больше количество совместных экономических проектов, тем больше и число трудностей, объективно сопряженных с ними. Поэтому можно утверждать, что с расширением экономической деятельности КНР по всему миру, особенно связанной с реализацией инициативы «Пояс и путь», будет расти и количество сложностей, рисков и угроз, на которые Китаю придется отвечать.

В последние годы РМ принял на себя новую функцию — функцию и роль «колыбели» китайской активности по созданию военных баз, точнее, по китайской терминологии, пунктов материально-технического обеспечения (ПМТО). Так, в Джибути начал функционировать ПМТО ВМС КНР. Можно предположить, что он стал первой «бусинкой» в «жемчужном ожерелье» из 20 китайских военных баз, задумываемых к созданию вдоль побережья Индийского океана. Можно усмотреть в нем первый из механизмов охранения морской части ИПП и опорный пункт антитеррористической и антипират-

ской активности вблизи стратегически важного Африканского рога. Однако в самой Африке полагают, что сооружение этой военной базы — «неудачная попытка» Китая подражать «жесткой силе» западных держав и «шаг в неправильном направлении»⁵⁴. Такая позиция составляет новый политический вызов Пекину, требующий его реакции.

В последние годы была обновлена протоидеологическая основа отношений КНР и с развивающимся миром. Раньше ее составляли тезисы о необходимости «сотрудничества Юг—Юг», оптимизации «сотрудничества Юг—Север», а также формирования нового мирового справедливого порядка, основанного на многополярности международных отношений. Сейчас «обкатка» общей мировоззренческой платформы идет с использованием положений концепции «общества единой судьбы». Видимо, эта концепция представляет собой сплетение двух элементов — «старого» тезиса об общности исторических судеб и современных задач Китая и развивающегося мира с новой идеей о созвучии китайской мечты с мечтами дружественных стран. Похоже, что с самого начала «адресатом» названной концепции Китаем был избран более податливый к внешнему воздействию развивающийся мир.

Но выдвигая новые концепции, Пекин столкнулся и с новыми вызовами: лозунг о совпадении «китайской мечты» с «мечтами» развивающихся государств не всегда находит понимание⁵⁵. Пекин предпочитает работать с правящими элитами РМ, а рядовое население несет основное бремя реализации амбициозного сотрудничества, мало что имея «для себя» (Камбоджа, Мьянма, Габон, Камерун и др.). Это способно составить проблему внешней политики и пропаганды КНР на длительную перспективу.

Кроме того, после XIX съезда КПК, согласно его решениям, по-видимому, будет нарастать «авторитаризация» власти в Китае, которая может вызвать не только отторжение на Западе, но и непонимание в некоторых сегментах развивающегося мира, имевших аналогичный опыт и преодолевших его. Это ряд государств Латинской Америки, переживших период диктатур и/или более восприимчивых к западным общественным образцам, и даже Африки, в которых не находит симпатий высокая «зарегламентированность» внутривосточной жизни⁵⁶. Недавний приход к власти в Латинской

Америке консервативных режимов (в Аргентине, Бразилии, Колумбии, Чили и др.) обострил соответствующие риски.

Еще один вызов для Китая заключается в том, что логика и диалектика развития событий сейчас таковы, что уже не только Китай диктует условия сотрудничества развивающимся странам, особенно в свете инициативы «Пояс и путь», но и сам РМ способен увеличить или снизить степень реализуемости китайских международных экономических проектов⁵⁷. Ибо именно развивающийся мир является основным адресатом и «строительной площадкой» хозяйственных инициатив Китая.

Примером влияния государств РМ на решения Китая может служить и позиция Пекина по венесуэльскому кризису. Неприятие большинства стран Латинской Америки режима Н. Мадуро, похоже, стало одним из весомых факторов, побудивших Китай занять «серединную» линию в отношении оппозиционных сил в Венесуэле.

Примечательность момента здесь в том, что если КНР хочет добиться признания своего лидерства не только в РМ (что уже произошло), но и на глобальном уровне, то ситуация вокруг Венесуэлы как раз и предоставляет ему возможность «обкатать» новую модель поведения воистину мирового «игрока». И в этом — вызов положению Китая в развивающемся мире.

Еще одно новое обстоятельство и проблема в контактах «Китай—РМ» — это нарастающая нестабильность в ряде развивающихся регионов, чреватая серьезными не только политико-экономическими, но и гуманитарными последствиями. В одной только Венесуэле насчитывается до 400 тыс. иммигрантов из КНР (включая уже существовавшую там китайскую диаспору в 130 тыс. человек). И непонятно, как сложится судьба многочисленных китайских специалистов в ныне беспокойном Судане.

Похоже, именно сейчас для Китая во весь рост встает сложнейшая задача защиты его граждан и собственности в развивающемся мире. Этого же требуют и интересы ИПП. Трудность и вызов здесь в том, чтобы Китай смог найти пути урегулирования, не скатываясь в соблазн проведения «гуманитарной интервенции». Иначе его десятилетиями нарабатываемый авторитет в развивающемся мире понесет огромный ущерб⁵⁸.

1.6. О международном значении китайской инициативы «Один пояс, один путь» и ее роли для России

Китайская инициатива «Пояс и путь» (ИПП), объединяющая идеи сухопутного «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского Шелкового пути XXI века», уже в своем исходном варианте, оглашенном осенью 2013 г., предстала на редкость масштабным проектом, который по своим целевым установкам уже тогда выходил далеко за национальные границы: «евроазиатским странам вдоль древнего Шелкового пути» было предложено «объединить усилия для крупномасштабного регионального сотрудничества»⁵⁹.

За последовавшие полтора года концептуальной эволюции инициатива ИПП де-факто сформировалась как системная программа, которая за счет внешнеэкономических (прежде всего мощных инвестиционных), а также внешнеполитических механизмов, опирающихся на «сотрудничество», «сопряжение», призвана обеспечить интересы страны в ближнем и дальнем зарубежье, прежде всего в Евразии, и одновременно решить ряд структурных проблем экономики страны. И тем самым решительно усилить общий поступательный алгоритм внутреннего и международного развития КНР.

О масштабе инициативы свидетельствуют сразу несколько обстоятельств. Это прежде всего — географический охват проекта: уже на первом этапе ИПП распространяется на практически весь Евразийский континент и Северную Африку, население которых превышает 4 млрд человек⁶⁰. Это — комплексность и широкий спектр главных направлений реализации (всего их пять), включающих политические согласования стратегий развития, расширение инфраструктурных взаимосвязей, в том числе транспорт и производство, глубокую либерализацию и бесперебойность торговли, финансовые обмены и свободное передвижение капитала, углубление гуманитарных связей⁶¹.

Очень скоро инициатива стала одним из лейтмотивов внутренней и внешней политики страны. Как подчеркивала в феврале 2014 г. китайская официальная печать, ««Экономический пояс

Шелкового Пути и Морской Шелковый путь XXI века — это главные особенности внешней дипломатии Китая в новой эпохе»⁶².

Особенно важно то, что инициатива была вписана в актуальные основополагающие установки руководства КНР. Речь идет о постулатах «великого возрождения китайской нации» и построения «сообщества единой судьбы человечества». Причем в создании такого сообщества (а оно по сути является китайской версией концепции нового справедливого миропорядка с достойным местом в нем возрожденного великого Китая) инициативе «Пояс и путь» отводится важнейшая роль «формирующей платформы»⁶³.

24 октября 2017 г. XIX съезд КПК включил в Устав КПК положение о строительстве «Пояса и пути»⁶⁴. Кроме того, симптоматично, что концепцию «Пояс и путь» Китай прямо связывает с таким явлением, как глобализация, полагая, что инициатива способна придать последней дальнейшее, причем «правильное» развитие.

Одним из очевидных импульсов выдвижения инициативы «Пояса и пути» стали экономические диспропорции, которые возникли как побочный эффект стремительного развития КНР в 1980—2010 гг. (с ростом ВВП в 10 % в год) и вылились в явный переизбыток товаров и производств. Эти процессы совпали по времени с кризисными явлениями в мировой торговле (спад в конце «нулевых» годов XXI в. и стагнация середины 2010-х годов), которые ограничивают возможности экспорта как одного из ключевых драйверов китайской экономики.

Ответы на эти вызовы формировались руководством Китая в двух направлениях. На фоне очевидного проявления лимитов прежнего сверхдинамичного, но в основном экстенсивного развития страны, руководством КНР поставило задачу структурной перестройки экономики с опорой на качественные показатели и рост внутреннего потребления. Но реализация таких решений требует времени. Поэтому параллельно было усилено внимание и к внешнему фактору — в стране заговорили о необходимости «широкого выхода вовне», а в 2010 г. председатель КПК официально сформулировал задачу активной «осваивать внешнее пространство развития экономики страны»⁶⁵. В комплексе эти обстоятельства, задав целевой и концептуальный фундамент, во многом обусловили выдвижение концепции «Пояс и путь».

ИПП иногда не без оснований называют «программой тотального экспорта» — китайских товаров, капиталов, производств, рабочей силы. Свою целевую роль, несомненно, играет также получение доступа на сырьевые рынки, прежде всего углеводородные. Просматривается и задача обеспечения безопасности: прокладывая сухопутные маршруты, Китай стремится застраховать себя на случай, если конфликт с США создаст угрозу его морским коммуникациям.

Работу по продвижению проекта ИПП Пекин сопровождает массивной пропагандой во множестве выступлений политиков в статьях в СМИ, на форумах, проводимых даже за пределами КНР, но полностью за счет китайской стороны. Примером могут служить крупные симпозиумы, собравшие сотни экспертов и действующих политиков (формат *Silks*), которые в 2015—2018 гг. китайская сторона последовательно провела в Мадриде, Варшаве, Пекине и Париже. Апофеозом этой активности стало создание института специальных Форумов лидеров группы стран «Пояса и пути». Первый из них состоялся 14—15 мая 2017 г. в Пекине при участии лидеров 29 стран и руководителей ряда международных организаций, а также 1500 представителей различных общественных кругов из 130 стран⁶⁶. Второй, не меньший по масштабу, прошел в апреле 2019 г. также в столице КНР⁶⁷. Столь серьезные пропагандистские усилия очевидно имеют целью сформировать позитивный имидж инициативы «Пояс и путь» и положительно повлиять на порой неоднозначную зарубежную реакцию на ИПП.

За пять лет, прошедших после провозглашения инициативы, была сформирована документальная база «Пояса и пути». Первым в ней стал правительственный документ от 28 марта 2015 г. — своего рода развернутая концепция и дорожная карта ИПП⁶⁸. Развитию этой базы послужил правительственный документ от мая 2017 г., отразивший уже сложившуюся практику реализации проекта⁶⁹. Одновременно была опубликована специальная «Концепция сотрудничества на море»⁷⁰, а в январе 2018 г. — документ «Арктическая политика Китая»⁷¹.

Согласно официальным китайским источникам пять лет реализации инициативы по упомянутым выше пяти направлениям принесли следующие результаты⁷².

Политические согласования. Китай подписал с 105 странами, расположенными вдоль «Пояса и пути», и с 29 международными организациями 149 межправительственных документов о сотрудничестве. И это говорит о существенном расширении географии ИПП, которая ныне охватывает практически все континенты. Но важнее, что определилась основная тенденция практической реализации инициативы с очевидным упором на двусторонний формат (29 организаций — не интеграционные объединения)⁷³.

Торговля. Торговый оборот Китая со странами «Пояса и пути» за пять лет превысил 5 трлн долл., причем темпы его прироста обгоняли на 4 % динамику внешнеторгового оборота КНР в целом. Для 25 стран ИПП Китай стал самым крупным торговым партнером, с 13 странами он подписал или вывел на более высокий уровень пять соглашений о зонах свободной торговли (ЗСТ)⁷⁴.

Взаимосвязанность инфраструктуры: промышленные производства и транспорт. В странах «Пояса и пути» компании КНР создали 82 торгово-экономические зоны, в которых сооружено около 4 тыс. (3995) предприятий, что обеспечило около 250 тыс. новых рабочих мест (не менее 85 % занятых — местный персонал, 15 % — китайский)⁷⁵.

По Новому евразийскому континентальному пути (НЕКП), соединяющему Китай и Европу, включая ветку через Казахстан и другие маршруты, к началу 2019 г. было совершено порядка 13 тыс. рейсов контейнерных поездов. В целом эта транспортная сеть связала почти 50 китайских мегаполисов с таким же числом городов в 15 странах Европы. Загруженность контейнеров составила 85 %⁷⁶.

Свобода перемещения капиталов. За счет инициированных Китаем Фонда Шелкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) прямые инвестиции Китая в страны вдоль «Пояса и пути» превысили 70 млрд долл. с ежегодным приростом в 7,2 %. Стоимость планируемых контрактов — 500 млрд долл., к их реализации подключается Банк развития Китая, резервирующий на эти цели до 1 трлн долл.

Гуманитарные связи. В данной сфере Китай активно развивает, в частности, сотрудничество в сферах образования: в 2017 г. количество прибывших в Китай студентов из стран вдоль «Пояса и пути» превысило 300 тыс. человек, а из Китая в эти страны отправились 60 тыс. студентов⁷⁷.

Следует отметить, что отношение к приведенным выше цифрам должно быть достаточно осторожным. Во-первых, «под крышу» «Пояса и пути» сведены не только все реальные, но и планируемые двусторонние проекты с названной выше сотней стран, в том числе инициированные еще задолго до выдвижения мегапрограммы. Во-вторых, большинство из подписанных соглашений — это по сути меморандумы о намерениях. В-третьих, в подтверждении нуждаются также планы «будущих контрактов» и объемы «резервируемых для них средств»: приводимые в китайских источниках весьма внушительные цифры по этим позициям разнятся порой почти вдвое.

Формирование позиции РФ в отношении китайской инициативы происходило на протяжении нескольких этапов. Первое время имел место элемент неопределенности, не в последнюю очередь связанный с тем, что на карте «Пояса и пути», опубликованной Синьхуа, маршруты ИПП проходили в обход России⁷⁸. Одновременно в печати КНР наблюдалась дискуссия вокруг «российского фактора». Высказывались мнения о том, что в контексте «Пояса и пути» «самым большим вызовом для Китая» является налаживание отношений с центральноазиатскими странами и Россией, «поскольку государства Центральной Азии являются хозяевами» территории прохождения маршрута, «а РФ и КНР поддерживают отношения с региональными странами». Данное обстоятельство усиливает конкурентную тональность в российско-китайском взаимодействии, ибо в Центральной Азии «переплетаются интересы, сталкиваются противоречия» двух стран⁷⁹. Отсутствовала и информация о каких-либо официальных контактах по поводу прохождения маршрута ИПП.

Положение стало заметно меняться после встречи президента РФ и председателя КНР в феврале 2014 г. в Сочи⁸⁰. После нее изменился тон официальных китайских комментариев, в которых отчетливо стала продвигаться мысль, что РФ является неотъемлемым элементом сотрудничества в рамках Экономического пояса Шелкового пути⁸¹.

Официально подход России к ИПП определяется совместным Заявлением о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) от 8 мая 2015 г.⁸² Этот документ (отчасти компромиссный) носит знаковый характер: на высшем политиче-

ском уровне зафиксировано важное положение, отражающее понимание необходимости сотрудничества, а не конкуренции. Определенный компромисс, надо полагать, нашел отражение в том, что Россия не просто подключается к китайскому проекту, а на равных продвигает свой, с тем чтобы вместе с КНР идти по пути интеграции евразийского пространства.

Осенью в 2015 г., после одобрения Заявления от 8 мая остальными членами ЕАЭС, Евразийским союзом и Китаем был дан старт диалогу с целью заключения всеобъемлющего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве. Такое Соглашение, которое мыслится как важный элемент сопряжения, было подписано 17 мая 2018 г. в Астане⁸³.

Для реализации российских интересов в свете китайской инициативы уже изначально просматривались как шансы, так и определенные вызовы.

Шансы были и остаются прежде всего в том, что в контексте «сопряжения» возрастают возможности привлечения китайских капиталов в важные для РФ совместные инфраструктурные проекты. Актуальные для подъема Сибири и районов Дальнего Востока, подобные проекты могут способствовать развитию и других российских регионов, вовлеченных в зону прохождения «Нового шелкового пути» (в частности, Поволжье).

Для РФ также существует возможность обрести «плюсы» в качестве страны-транзитера, поскольку существенной целью ИПП является создание НЕКП, который начал выстраиваться по «северному» маршруту Китай—Казахстан—Россия—Европа. Взаимодействие по данному проекту может принести пользу России не только в виде модернизации российского участка такого моста (высокоскоростная магистраль Москва—Казань) и увеличения финансовых поступлений от транзита, но и в придании импульса развитию прилегающих территорий в целом.

Кроме того, сотрудничество с КНР по теме ЭПШП могло бы стать движущей силой в деле продвижения инициативы России о Большом евразийском партнерстве (БЕП), в которое, наряду с участниками ЕАЭС, постепенно могли бы войти многие другие страны Евразии, в том числе члены Шанхайской организации сотрудничества и АСЕАН. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП (КНР подержала идею

БЕП)⁸⁴ могло бы стать стеновым хребтом общей евразийской интеграции, одновременно укрепив международную роль РФ.

Вместе с тем, проект ЭПШП заключает в себе очевидные вызовы и риски для России.

Во-первых, между ЭПШП и ЕАЭС как российским проектом имеются очевидные противоречия в важных целевых установках. ЭПШП ориентирован на максимум торгово-экономических свобод и широкие зоны свободной торговли, тогда как ЕАЭС, напротив, предусматривает защиту внутренних рынков Союза от внешних игроков и «бестарифную зону» лишь для стран-участниц. Не случайно вопрос о ЗСТ между КНР и ЕАЭС в совместном Заявлении от 8 мая 2015 г. отодвинут на достаточно отдаленную перспективу.

Это вряд ли полностью устраивает Китай, который, как подчеркивалось выше, активно действует по двусторонним линиям, последовательно выступая в том числе за «устранение тарифных барьеров». И практика зачастую такова, что члены ЕАЭС, охотно делегируя Москве полномочия вести от имени Союза диалог с Пекином, оставляют за собой право идти навстречу китайским двусторонним инициативам, прежде всего инвестиционным. Так, признав сопряжение ЕАЭС и ЭПШП «стратегически важным», Казахстан договорился с Пекином о собственном сопряжении — между ЭПШП и национальной программой «Нурлы жол» («Светлый путь»), которая, к слову, предусматривает участие в построении трансевразийского моста в обход РФ (через порт Актау и далее через Каспий).

Понятно, что это вряд ли способствует институциональному укреплению ЕАЭС, где вопрос формирования гомогенного экономического пространства и так называемых «четырех свобод» остается непростым: каждая из пяти стран во взаимодействии друг с другом использует порядка 40 барьеров, изъятий и ограничений⁸⁵. Торговое соглашение ЕАЭС—КНР с точки зрения российско-китайского сопряжения — шаг в верном направлении. Но он пока не только первый, но и единственный. Неслучайно Соглашение касается лишь нетарифных торговых барьеров (сближения стандартов, технических регламентов и процедур, санитарных мер, ограничения таможенной бюрократии и т. п.)⁸⁶.

Во-вторых, аналогичные риски существуют для РФ и в контексте деятельности ШОС, на пространстве которой Китай ставит тот же

вопрос о ЗСТ уже второе десятилетие. Как и в случае с ЕАЭС, уход сотрудничества по теме китайской инициативы в двусторонний формат не способствует укреплению ШОС как организации (по крайней мере на экономическом треке). Падение значения ШОС (и ее консенсусных решений) способно обернуться ростом регионального влияния КНР с соответствующими последствиями для позиций РФ.

В-третьих, шансы выгодного для РФ инвестиционного сотрудничества пока остаются лишь потенциальными. Результаты сопряжения носят все еще весьма скромный характер и лимитируются давно известными нестыковками. Данное обстоятельство «подпитывается» проблемой слабой наполняемости инвестиционного взаимодействия реальными проектами.

В-четвертых, обозначенные выше плюсы от сухопутного трансконтинентального моста из Китая в Европу соседствуют для РФ с очевидными минусами. Речь идет о снижении (если не утрате) интереса перевозчиков к сибирскому и дальневосточному участкам Транссиба, поскольку маршрут через Казахстан для КНР (с учетом протяженного участка по самому Китаю) выгодней и по тарифам, и по времени. Из 14 находящихся на слуху маршрутов Китай—Европа 10 проходят через китайско-казахстанский КПП Алашанькоу—Достык, выходя на Транссиб лишь в районе Кургана—Челябинска—Магнитогорска. И лишь оставшиеся 4 — через российско-китайский переход в Забайкальске и по трансмонгольскому маршруту через Наушки⁸⁷.

Отдельно стоит вопрос о «проигрыше» Транссиба китайским железным дорогам с точки зрения инфраструктуры, влияющей на пропускную способность и в конечном счете — на скорость движения. Более того, остается потенциально возможным создание моста Китай — Европа полностью в обход РФ не только по упомянутому транскаспийскому, но и по имеющемуся в концепции ЭПШП «центральному маршруту» (через ЦА, Иран и Турцию).

Несколько смягчает ситуацию то, что «центральный маршрут» носит пока сугубо тестовый характер. Кроме того, отмечен рост грузопотока из северо-восточных провинций КНР, поднимающий интерес к дальневосточным портам РФ, а значит — сохраняющий предпосылки для совместной модернизации восточного участка Транссиба. Есть планы стыковки дальневосточных инфраструктур-

ных сетей РФ и КНР (проекты «приморье-1», «Приморье-2» и т. п.). Однако в целом в рамках моста КНР—Европа Транссиб с высокой вероятностью может довольствоваться лишь «вторыми ролями».

Если в контексте «Пояса и пути» суммировать все вызовы, стоящие перед Россией, то можно заметить, что на них во многом проецируется уже хорошо и давно известная общая проблематика российско-китайских отношений. Поэтому было бы преувеличением говорить, что вызовы эти носят какой-то принципиально новый характер.

Так, еще с 2000-х годов хорошо просматривается разница в подходах двух стран к созданию ЗСТ в Центральной Азии. И недостатки нашего инвестиционного партнерства — это тоже вопрос, который уже не первый год остро стоит в двусторонней повестке. В этой части сохраняется много нерешенных проблем — если не учитывать проект «Ямал СПГ», то общая сумма российско-китайского инвестиционного сотрудничества уже давно остается весьма скромной. И повторим, эти проблемы проецируются и на проблематику сопряжения в рамках «Пояса и пути».

Говоря о важнейшей для «сопряжения» сфере инвестиционного взаимодействия, академик С. Глазьев усматривает основной камень преткновения в асимметрии кредитной политики двух стран: в РФ, по его словам, отсутствует, в отличие от КНР, действенный механизм кредитования совместных проектов. «Если в Китае гигантские инфраструктурные стройки финансируются за счет долгосрочных кредитов, у нас долгосрочных кредитных ресурсов нет», — считает С. Глазьев. И далее: «Попытки формировать совместные инвестиционные проекты на паритетных началах не работают: китайская сторона свою часть строит, а мы — не можем, потому что, кроме бюджета, источников финансирования нет»⁸⁸.

Добавим сюда и разное видение сфер, моделей и целевых задач совместных инвестиционных проектов: например, РФ заинтересована в предприятиях, выпускающих продукцию с высокой добавленной стоимостью, а Китаю вполне достаточно производств первичной сырьевой переработки.

Не способствует сотрудничеству (хотя и не служит его критическим ограничителем) и более общий, по-своему системный вопрос — растущий разрыв в объемах экономик двух стран. Трудно говорить об отсутствии проблем, когда даже с точки зрения шадящего

для России расчета показателя годовичного ВВП по паритету покупательной способности (ППС) разница не в пользу РФ составляет почти 6 раз. Причем, согласно прогнозам, эта разница будет расти. Надо отвечать на главный экономический вызов, и тогда все последующие можно будет решать гораздо легче⁸⁹.

Противоречивость эффекта «пояса и пути» для интересов РФ отменяет необходимость адаптации к китайскому мегапроекту, поскольку очевидно, что КНР вряд ли от него откажется. Поэтому задачей России в свете ИПП является оптимальное использование шансов, предельная минимизация рисков и потерь при полном понимании важности (особенно в нынешнем международном контексте) всеобъемлющего партнерства с Китаем — нашим динамично развивающимся авторитетным соседом, главным торговым партнером. Существенным подспорьем здесь является то, что Китай декларирует готовность к сотрудничеству с РФ и учету ее интересов. Такой подход ясно виден в документах «Пояса и пути», где, в частности, говорится о задаче «усилить сотрудничество» трех провинций Дунбэя (Северо-Востока Китая) с дальневосточными регионами РФ, а также о других направлениях регионального сотрудничества, включая формирование связей между районами верхнего среднего течения Янцзы и российским Поволжьем. Общий неуклонно повышательный характер развития российско-китайских отношений дают основания полагать, что это не только декларации.

Примечания

¹ Дэн Сяопин. Социалистический строй не пошатнуть никому (26 окт. 1989 г.) // Дэн Сяопин. Избранное. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1994. Т. 3 (1982—1992). С. 414—415.

² Новоселова Л.В. Китай: есть ли жизнь после санкций? (Актуальный ретроспектив) // Российский экономический журнал. 2014. № 5. С. 71.

³ Ван И. И Си Цзиньпин вайцзяо сысян вэй иньлин будуань кайчуан Чжунго тэсэ даго вайцзяо синь цзюймянь : [Руководствуясь внешнеполитическими идеями Си Цзиньпина, непрерывно создавать новую ситуацию в дипломатии большого государства с китайской спецификой] // Цюши. 2019 № 1. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2019-01/01/c_1123923828.htm (дата обращения: 25.05.2019).

⁴ Ван И цзай шисань цзе цюаньго жэньда эр цы хуэйи цзюйсин дэ цзичжэхуэй шан цзю Чжунго вайцзюа чжэнцэ хэ дуйвай гуаньси да чжунвай цзичжэ вэнь [Ван И на пресс-конференции, состоявшейся на 2-й сессии ВСНП 13-го созыва, ответил на вопросы китайских и иностранных журналистов о внешней политике и международных отношениях Китая] // Жэньминь жибао. 09.03. 2019.

⁵ Цзай шисань цзе цюаньго жэньда эр цы хуэйи цзичжэхуэй шан Ли Кэцян цзунли хуэйда чжун вай цзичжэ вэнь : [На пресс-конференции 2-й сессии ВСНП 13-го созыва премьер Ли Кэцян ответил на вопросы китайских и иностранных журналистов] // Жэньминь жибао. 16.03.2019 .

⁶ *Лексютина Я.В.* «Торговые войны» или борьба за обновление мироустройства // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 63.

⁷ Там же.

⁸ *Трессел Леон.* Китай не оставляет Америке ни одного шанса. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/228252> (дата обращения: 03.05.2019).

⁹ Там же.

¹⁰ См., например: *Скоцырев В.* Вашингтон и Пекин могут пустить в ход ракеты. URL: <http://www.centrasia.ru/newsAphp?st=1533788520> (дата обращения: 03.05.2019).

¹¹ Об этом заявил директор Института США и Канады РАН В.Н.Гарбузов на состоявшемся 26 марта 2019 г. в Институте Дальнего Востока РАН совместном семинаре ученых ИДВ РАН и ИСКРАН.

¹² Предстоящее зарубежное турне Си Цзиньпина в очередной раз демонстрирует искреннее желание Китая открытости и сотрудничества. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-12/03/content_74234952.htm. (дата обращения: 05.05.2019).

¹³ Визит председателя КНР Си Цзиньпина в Испанию придаст импульс развитию двусторонних отношений — посол КНР в Испании Люй Фань. 25 ноября 2018 г. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-11/26/content_74209164.htm (дата обращения: 05.05.2019).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Синьхуа. 27.11.2017.

¹⁶ Си Цзиньпин выступил перед депутатами парламента Испании. URL: <https://news.rambler.ru/asia/41345326-si-tszinpin-vystupil-pered-deputatami-parlamenta-ispanii/> (дата обращения: 03.05.2019).

¹⁷ Предстоящий визит Си Цзиньпина откроет новую страницу в отношениях Китая и Португалии — посол КНР в Португалии Цай Жунь. Лиссабон, 3 декабря // Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2018-12/03/c_137648414.htm (дата обращения: 05.05.2019).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Португалии А. Коштой. URL: http://russian.china.org.cn/international/txt/2018-12/06/content_74244654.htm (дата обращения: 05.05.2019).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² В Португалии высоко оценивают результаты государственного визита председателя КНР Си Цзиньпина. URL: http://russian.news.cn/2018-12/06/c_137655624.htm (дата обращения: 05.05.2019).

²³ Италия берет миллиарды в долг у китайцев и подрывает единство Европы. URL: https://ee.sputniknews.ru/world_news/20190325/15519587/italiya-beret-dolg-china-podryvaet-edinstvo-euro.html (дата обращения: 05.05.2019).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Ван И о визитах председателя КНР Си Цзиньпина в Италию, Монако и Францию. Синьхуа из Парижа, 27 марта 2019 г. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0328/c31520-9561466.html>

²⁷ Там же.

²⁸ Улыбка президента Си Цзиньпина принесет Франции сорок миллиардов евро. URL: <https://ee.sputniknews.ru/politics/20190326/15531497/jinping-france-vizit-china.html> (дата обращения: 05.05.2019).

²⁹ Конец иллюзий: Евросоюз берет жесткий курс в отношении Китая. URL: <https://www.dw.com/ru/a-48253319>. (дата обращения: 07.05.2019).

³⁰ Китайский прорыв: чего ЕС добился на саммите с КНР. URL: <https://www.dw.com/ru/a-48268539h>. (дата обращения: 05.05.2019).

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Подробнее: Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 335—337; Сильный Китай, слабая Европа: о новом соотношении сил в Евразии. Ч. 2. URL: <http://www.odnako.org/blogs/silniy-kitay-slabaya-evropa-o-novom-sootnoshenii-sil-v-evrazii-chast-ii/>; Асимметричный ответ, или Стратегия Китая в глобальном мире. Ч. 2. URL: <http://www.odnako.org/blogs/asimmetrichniy-otvet-ili-strategiya-kitaya-v-globalnom-mire-chast-2/>; *Виноградов А.О.* Европейское наступление Пекина — тактика или стратегия? // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 50—57.

³⁴ *Си Цзиньпин.* Совместно продвигать строительство «Одного пояса, одного пути» // Китай. 2017. № 6. С.20.

³⁵ *Сафронова Е.И.* Латиноамериканский вектор актуальной внешней политики Китая // Латинская Америка. 2020. № 2. С.30—46. URL: <https://ras.jes.su/la/s0044748x0008143-6-1>

³⁶ Приводится по: Agencia EFE. China fortalecerá su cooperación con el mundo en desarrollo. URL: <https://www.efe.com/efe/america/portada/china-fortalecera-su-cooperacion-con-el-mundo-en-desarrollo/20000064-3634568>

³⁷ Приводится по: Жэньминь жибао Он-лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1025/c95181-9284790.html>

³⁸ *Ferchen Matt*. Can China Help Fix Venezuela? URL: <https://carnegietsinghua.org/2017/07/24/can-china-help-fix-venezuela-pub-71564>

³⁹ РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/world/20170918/1505010943.html>

⁴⁰ *Poast Paul*. Análise: Brasil na Otan? Não é uma ideia tão louca // *Época* — Grupo Globo. (Rio de Janeiro). 23.03.2019. URL: <https://epoca.globo.com/analise-brasil-na-otan-nao-uma-ideia-tao-louca-23546068>

⁴¹ Эксперты: Бразилия снизит участие в БРИКС после президентских выборов. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/109282>

⁴² *Джорбенадзе И.* Чего ждать Москве и Пекину от «тропического Трампа»? URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2019/01/16/1758130.html>; Эксперты: Бразилия снизит участие в БРИКС после президентских выборов. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/109282>

⁴³ China invertirá US\$60.000 millones para el desarrollo de África // *El Comercio* (Lima).03.09.2018. URL: <https://elcomercio.pe/mundo/actualidad/china-xi-jinping-china-invertira-us-60-000-millones-desarrollo-africa-nndc-noticia-553336>

⁴⁴ *Chellaney Brahma*. China's debt-trap diplomacy // *The Strategist*. 24.01. 2017 (Australian Strategic Policy Institute). URL: <https://www.aspistrategist.org.au/chinas-debt-trap-diplomacy/>

⁴⁵ *Borràs i Arum Javier* ¿Un 'imperialismo' chino mediante 'deudas-trampa'? No exageremos. URL: <https://www.esglobal.org/un-imperialismo-chino-mediante-deudas-trampa-no-exageremos/>

⁴⁶ *Шпунт А.* Китай скупает Африку. Залоговые аукционы по-африкански. URL: <https://regnum.ru/news/2567479.html>

⁴⁷ *Chellaney Brahma*. Op. cit. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/chinas-deb-t-trap-diplomacy/>

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ См., например: *Ferchen Matt* . Op. cit.

⁵¹ Латинская Америка. 2020. № 2. С. 3—46.

⁵² *Дудаков М.* Переворот в Венесуэле: как столкнулись интересы США, Китая и России. URL: <https://ruposters.ru/news/24-01-2019/perevorot-Venesuele>

⁵³ URL: <https://ras.jes.su/la/s0044748x0008143-6-1>

⁵⁴ *Bodomo Adams*. The Rising of Chinese Soft Power in Africa. URL: <https://cripanalysis.org/2016/03/24/the-rising-of-chinese-soft-power-in-africa/> (дата обращения: 31.03.2019).

⁵⁵ *Ebbinghausen Rodion*. Las ambiciones geopolíticas de China. URL: <https://www.dw.com/es/las-ambiciones-geopol%C3%ADticas-de-china/a-43706742>

⁵⁶ Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2018. Вып. 23. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/abook_file/kitmir_2018_v23.pdf. С. 159—160.

⁵⁷ Латинская Америка. 2020. № 2. С.46. URL: <https://ras.jes.su/la/s0044748x0008143-6-1>

⁵⁸ *Сафронова Е.И.* Указ. соч.

⁵⁹ Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете // Информационный портал Посольства КНР в Казахстане. URL: <http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm> (дата обращения: 02.04.2019).

⁶⁰ Где именно проходит «Экономический коридор Шелкового пути»? // Китайский информационный интернет-центр. 24.10.2013. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-10/24/content_30273750.htm; Годовой обзор: новый Шелковый путь, новая идея, новое процветание // Жэньминь жибао он-лайн. URL: http://russian.news.cn/china/2013-12/26/c_132997832.htm (дата обращения: 02.04.2019).

⁶¹ Подробнее: *Уянаев С.В.* Новые «Шелковые пути» Китая: Принципы и параметры официальной «Дорожной карты // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.:ИДВ РАН, 2015. Вып. 20. С. 246—248.

⁶² Дух «Шелкового пути»: новая глава через древность и современность // Жэньминь жибао он-лайн. 25/02/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8546618.html> (дата обращения: 01.04.2019).

⁶³ Выступление посла Ли Хуэя на 23-й международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы», организованной Институтом Дальнего Востока Российской академии наук // Информационный портал посольства КНР в РФ. 2018/10/25. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/sghd/t1611460.htm> (дата обращения: 01.04.2019).

⁶⁴ «Один пояс, один путь» исходит из истории и ориентируется на будущее // Китайский информационный интернет-центр. 12.10.2018. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-10/12/content_65846296.htm (дата обращения: 01.04.2019).

⁶⁵ Речь идет о лозунге «Чжанво вого цзиньци фачжань де вайбу кунцзянь» : [Взять под контроль внешнее пространство для развития нашей экономики]. См.: *Портяков В.Я.* Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы // Сравнительная политика. 2013. № 1. URL: <http://www.lawinfo.ru/catalog/5609/6078/1/7782> (дата обращения: 01.04.2019).

⁶⁶ 29 глав зарубежных государств и правительств примут участие в Форуме по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» // Жэньминь жибао он-лайн. 12/05/2017. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0512/c31521-9214149.html> (дата обращения: 01.04.2019).

⁶⁷ Второй Форум высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» пройдет в третьей декаде апреля // Жэньминь жибао он-лайн. 31/03/2019. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0331/c31521-9562372.html> (дата обращения: 01.04.2019).

⁶⁸ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции (издано с санкции Госсовета КНР). Март 2015 // Портал МИД КНР. 28.03.2015. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> (дата обращения: 01.04.2019).

⁶⁹ Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. Канцелярия руководящей рабочей группы по продвижению строительства «Одного пояса, одного пути». Май 2017 // Специализированный портал «Пояс и Путь» Госсовета КНР. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylyw/201705/201705110545004.pdf> (дата обращения: 01.04.2019).

⁷⁰ Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы «Один пояс и один путь» // Специализированный портал «Пояс и путь» Госсовета КНР. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylyw/201706/201706200155054.pdf> (дата обращения: 01.04.2019).

⁷¹ China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018 // Специализированный портал «Пояс и путь» Госсовета КНР. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/46076.htm> (дата обращения: 01.04.2019).

⁷² Важные события в рамках инициативы «Один пояс, один путь» за пять лет // Жэньминь жибао он-лайн. 28/08/2018. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0828/c95181-9494917.html> (дата обращения: 01.04.2019).

⁷³ «Один пояс, один путь» исходит из истории и ориентируется на будущее // Китайский информационный интернет-центр. 12.10.2018. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-10/12/content_65846296.htm (дата обращения: 01.04.2019).

⁷⁴ За пять лет торговый оборот Китая со странами вдоль «Пояса и пути» превысил 5 трлн долл. // Жэньминь жибао он-лайн. 2018/08/29. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0829/c31518-9495245.html> (дата обращения: 01.04.2019).

⁷⁵ Китай инвестировал свыше 80 млрд долл. в страны вдоль «Пояса и пути» // Жэньминь жибао он-лайн. 2018/08/29. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0921/c31518-9502670.html> (дата обращения: 01.04.2019).

⁷⁶ Жэньминь жибао он-лайн. 2019/01/24. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0124/c31518-9541169.htm> (дата обращения: 01.04.2019).

⁷⁷ За пять лет торговый оборот... URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0829/c31518-9495245.html> (дата обращения: 01.04.2019).

⁷⁸ Поскольку на сайте Синьхуа по ссылке-оригиналу, действовавшей осенью—зимой 2013 г. (URL: <http://www.xinhuanet.com/world/newsilkway/index.htm>), ранее опубликованная карта более недоступна, то предлагается опосредованная ссылка: URL: https://yandex.ru/images/search?p=1&text=%D0%9A%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%20%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BF%D0%BE%D1%8F%D1%81%D0%B0%20%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B8%20%D1%81%D0%B8%D0%BD%D1%8C%D1%85%D1%83%D0%B0&pos=71&rpt=simage&img_url=https%3A%2F%2F1.bp.blogspot.com%2F-YxHpjYWRb6Q%2FVjvRCGclRI%2FAAAAAABE-4%2F0MrOuqNk2Ig%2Fs1600%2Fsilk-route-map.jpg&lr=213 (дата обращения: 01.04.2019).

⁷⁹ С какими вызовами сталкивается Китай в развитии плана о создании Экономического пояса Шелкового пути? // Жэньминь жибао он-лайн. 11/10/2013. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8421456.html> (дата обращения: 01.04.2019).

⁸⁰ Дружественная поездка открывает новую страницу в истории дипломатии — глава МИД КНР Ван И о поездке Председателя КНР Си Цзиньпина в Сочи // Жэньминь жибао он-лайн. 10/02/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/8531021.html> (дата обращения: 01.04.2019).

⁸¹ Россия: Надежда на пути через Европу в Азию // Жэньминь жибао он-лайн. 29.08.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0829/c95181-8776468.html> (дата обращения: 01.04.2019).

⁸² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая 2015 г. // Портал Президента РФ. 08.05.2015г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 01.04.2019).

⁸³ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны. 17.05.2018 // Портал ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81-%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5%D0%BC.aspx> (дата обращения: 01.04.2019).

⁸⁴ См.: Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего парт-

нерства и стратегического взаимодействия // Портал Президента РФ. 04.07.2017. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5218> (дата обращения: 01.04.2019).

⁸⁵ «Белая книга» препятствий. Предприниматели обозначили барьеры, мешающие их работе в ЕАЭС // Российская газета. 07.02.2018. URL: <https://rg.ru/2018/02/07/v-eaes-likvidiruiut-meshaiushchie-vnutrennej-torgovle-barery.html> (дата обращения: 01.04.2019).

⁸⁶ Подробнее: *Шилина М.Г.* Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР: международно-правовой анализ // Электронные журналы изд-ва Notabene. 02.07.2018. URL: http://e-notabene.ru/wl/article_26701.html (дата обращения: 01.04.2019).

⁸⁷ См., например: *Готов Р.* Маршруты через континент // Портал Chinalogist. 22.12.2015. URL: <https://chinalogist.ru/book/articles/analitika/marshruty-cherez-kontinen> (дата обращения: 01.04.2019).

⁸⁸ Один пояс — один путь: вызов для России? // Портал ВЭО России. 19.02.2019. URL: <http://veorus.ru/события/хроника-мероприятий/odin-royas-odi-p-put-vyzov-dlya-rossii/> (дата обращения: 01.04.2019).

⁸⁹ *Уянаев С.* «Пояс и путь» сомнет ЕАЭС? // Вольная экономика. 20 февр. 2019 г. URL: <https://zen.yandex.ru/media/freeconomy/poias-i-put-somnet-eaes-5c6dac6e7a2ca100b3c46db4> (дата обращения: 01.04.2019).

Глава II

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ ПО РАЗЛИЧНЫМ МЕЖДУНАРОДНЫМ И РЕГИОНАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ

2.1. Позиции сторон по важным международным проблемам и положению в «горячих точках»: общее, особенности, координация

Россия и Китай широко представлены в международных организациях; согласованно координируют деятельность на различных глобальных и региональных форумах (Группа двадцати, ШОС, АТЭС), активно продвигают совместные интересы в форматах РИК (Россия—Индия—Китай) и БРИКС (Бразилия—Россия—Индия—КНР—ЮАР), являются постоянными членами Совета Безопасности ООН.

В 2018 г. были успешно проведены саммиты ШОС в Циндао и БРИКС в Йоханнесбурге. В Циндао впервые за годы существования Шанхайской организации сотрудничества участие приняли восемь государств. В рамках группы БРИКС успешно реализуется новый формат взаимодействия «БРИКС+» или формат «аутрич», когда страна-хозяйка саммита приглашает на встречу другие государства или региональные организации.

Лидеры России и Китая неоднократно заявляли о приверженности всеобъемлющему стратегическому взаимодействию и доверительному партнерству в двусторонних отношениях, позиции двух стран по многим ключевым международным вопросам, согласно

официальной версии, совпадают или близки, в документах звучит и следующая формулировка: «стороны едины во мнении». Смотря под таким углом, действительно, между двумя государствами наблюдается общность целей: а) развитие и модернизация; б) совпадение подходов к обеспечению глобальной и двусторонней безопасности, территориальной целостности и суверенитета каждой из стран; в) приверженность международному праву и Уставу ООН.

Достаточно посмотреть на совместные заявления и декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики за последние 6 лет (то есть с момента прихода Си Цзиньпина к власти), чтобы убедиться в том, насколько широка международная и региональная двусторонняя повестка. Что касается формирования нового мирового порядка, в документах подчеркивается близость позиций двух сторон по таким вопросам, как содействие становлению многополярного миропорядка, придание устойчивости мировой экономике, продвижение культурного многообразия, информатизация общества и др.

В Совместных заявлениях от 22 марта 2013 г. и 20 мая 2014 г. РФ и КНР выступали за: (1) построение более справедливого, демократического и гармоничного миропорядка, руководствуясь принципами равноправия, взаимного доверия, толерантности, обмена опытом, взаимовыгодного сотрудничества и обоюдного выигрыша; (2) противодействие всем формам гегемонизма и осуществления политики с позиции силы, руководствуясь целями и нормами Устава ООН, принципами равноправия всех стран; (3) уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран, цивилизационное разнообразие мира и множественность путей общественного развития, уважение права народов на самостоятельный выбор социального устройства; (4) способствование утверждению новой концепции всеобщей равной и неделимой безопасности, основанной на взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве и сотрудничестве; (5) углубление взаимопонимания, координации и взаимодействия по проблематике противоракетной обороны; призыв исходить из недопустимости односторонних, ничем не ограниченных действий по наращиванию ПРО одним государством или группой государств в ущерб стратегической стабильности и международной безопасно-

сти; (6) обеспечение уверенного, устойчивого и сбалансированного роста мировой экономики¹.

Во время российско-китайских переговоров 8 мая 2015 г. стороны приняли два совместных заявления. В первом документе «об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества» было зафиксировано стремление «твердо отстаивать итоги Второй мировой войны, выступать против попыток отрицания, искажения и фальсификации ее истории, защищать авторитет ООН, решительно осуждать действия, направленные на обеление фашизма, милитаризма и их пособников и очернение освободителей, делать все возможное для того, чтобы не допустить повторения трагедии мировой войны»². В Совместном заявлении «о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути», главы государств подтвердили намерение углублять отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между двумя странами в интересах сбалансированного и гармоничного развития евразийского региона и мира в целом³.

25 июня 2016 г. в Пекине были приняты три крупных документа, в том числе совместные заявления «о взаимодействии в области развития информационного пространства» и «об укреплении глобальной стратегической стабильности». В последнем документе лидеры двух стран, отметив «тревожное нарастание факторов, негативно влияющих на глобальную стратегическую стабильность», в том числе стремление некоторых стран и союзов к военному доминированию, развитие ситуации в области ПРО, угрозы милитаризации космоса и другие глобальные и региональные угрозы и вызовы, призвали всех членов международного сообщества действовать на основе принципов, направленных на укрепление международного мира, безопасности и стабильности, а также подчеркнули намерение на этой основе укреплять диалог, сотрудничество и обмена с международным сообществом⁴.

По итогам переговоров в Москве 4 июля 2017 г. лидеры РФ и КНР в Совместном заявлении «о текущей ситуации в мире и важных международных проблемах» призвали международное сообщество «к укреплению взаимодействия и взаимопонимания, формирова-

нию международных отношений на основе солидарности и общности интересов всего человечества, совместному противодействию вызовам и угрозам глобального и регионального характера», руководствуясь «логикой поддержания мира, развития сотрудничества, объединения совместных усилий в интересах общего будущего»⁵.

В Совместном заявлении министерств иностранных дел двух государств «по проблемам Корейского полуострова» 4 июля 2017 г. Россия и Китай подтвердили, что будут в тесной координации «всемерно продвигать комплексное решение проблем Корейского полуострова, включая ядерную, в целях прочного мира и стабильности в Северо-Восточной Азии». При этом Стороны выдвинули совместную инициативу, основанную на предложенных КНР идеях «двойного замораживания» (ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных совместных учений США и Республики Корея) и «параллельного продвижения» к денуклеаризации Корейского полуострова и формированию на полуострове механизма мира, а также на российском поэтапном плане корейского урегулирования⁶.

8 июня 2018 г. в Пекине стороны отметили трансформацию российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия «в комплекс взаимоотношений между крупными государствами, характеризующийся богатым содержанием и ярко выраженной стратегической значимостью». Такие взаимоотношения вносят существенный вклад в стимулирование собственного развития и процветания обеих стран, а также в дело защиты мира и стабильности во всем мире⁷.

Таким образом, общим местом в позициях России и Китая по вопросам «горячих точек» являются совместные декларации, принимаемые лидерами двух государств во время саммитов на высшем и высоком уровнях. В документах отражается идея, что стороны достигли консенсуса по широкому спектру проблем и вопросов. Сложившийся формальный характер российско-китайских отношений является для двух стран надежным тылом в сложных современных международных реалиях. Тем не менее практика показывает: чем ярче демонстрируется «наилучший период в истории», тем больше противоречий на самом деле проявляется.

Не менее важной особенностью в совместных заявлениях лидеров России и Китая является используемая лексика. Все чаще в тек-

стах встречается китайская терминология: «Россия и Китай, основываясь на историческом опыте и практике строительства отношений нового типа между крупными странами»; «установленные Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой межгосударственные отношения нового типа имеют широкую перспективу дальнейшего динамичного развития»; «продвигать международные отношения нового типа»; «ШОС — яркий пример межгосударственных отношений нового типа»; «двойное замораживание» и «параллельное продвижение» (если речь идет о ситуации на Корейском полуострове); «построение сообщества единой судьбы человечества»; «способствовать формированию более справедливого и рационального полицентричного миропорядка» и т. д.

Говоря об общих подходах и разночтениях/разногласиях в позициях России и Китая по «горячим точкам», стоит прежде всего обратить внимание на динамику голосования в Совете Безопасности ООН. Вместе с тем применим фильтр/маркер для определения общего тренда позиций двух сторон — исключительное право вето (подробнее см. табл. 1). За всю историю существования Организации Объединенных Наций все пять постоянных членов в то или иное время использовали свое право вето. В случае, если один из постоянных членов не в полной мере согласен с предлагаемой резолюцией, однако не желает прибегнуть к своему праву вето, он может воздержаться при голосовании и таким образом дать возможность принять резолюцию, если за нее будут поданы необходимые девять голосов⁸.

По открытым данным ООН, с 11 мая 1993 г. по 28 февраля 2019 г. право вето использовалось 41 раз, в том числе РФ — 23 раза, США — 16 раз, КНР — 11 раз⁹. При этом стоит отметить, что Китай дважды ветировал самостоятельно: 10 января 1997 г. (по вопросу Центральной Америки) и 25 февраля 1999 г. (по вопросу Македонии), остальные девять раз — совместно с Россией.

Остановимся подробнее на российско-китайском вето. После распада СССР РФ и КНР 9 раз совместно использовали право вето: Мьянма (1 раз: 12 января 2007 г.), Зимбабве (1 раз: 11 июля 2008 г.), Сирия (4 раза: 4 октября 2011 г., 4 февраля и 19 июля 2012 г. и 22 мая 2014 г.), Ближний Восток (2 раза: 5 декабря 2016 г. и 28 февраля 2017 г.) и Венесуэла (1 раз: 28 февраля 2017 г.).

Таблица 1. Использование права вето Россией и Китаем (в обратном порядке)

Дата	Проект резолюции	Стенограмма заседания	Повестка	Голосование постоянными членами против
28 февраля 2019	S/2019/186	S/PV.8476	Положение в Боливарианской Республике Венесуэла	Российская Федерация, Китай
10 апреля 2018	S/2018/321	S/PV.8228	Ближний Восток	Российская Федерация
26 февраля 2018	S/2018/156	S/PV.8190	Ближний Восток	Российская Федерация
17 ноября 2017	S/2017/970	S/PV.8107	Ближний Восток	Российская Федерация
16 ноября 2017	S/2017/962	S/PV.8105	Ближний Восток	Российская Федерация
24 октября 2017	S/2017/884	S/PV.8073	Ближний Восток	Российская Федерация
12 апреля 2017	S/2017/315	S/PV.7922	Ближний Восток	Российская Федерация
28 февраля 2017	S/2017/172	S/PV.7893	Ближний Восток	Китай, Российская Федерация
5 декабря 2016	S/2016/1026	S/PV.7825	Ближний Восток	Китай, Российская Федерация
8 октября 2016	S/2016/846	S/PV.7785	Ближний Восток	Российская Федерация
29 июля 2015	S/2015/562	S/PV.7498	Письмо, датированное 28 февраля 2014 г., на имя Президента СБ ООН от постоянного представителя Украины в ООН (S/2014/136)	Российская Федерация
8 июля 2015	S/2015/508	S/PV.7481	Ситуация в Боснии и Герцеговине	Российская Федерация
22 мая 2014	S/2014/348	S/PV.7180	Ближний Восток — Сирия	Китай, Российская Федерация
15 марта 2014	S/2014/189	S/PV.7138	Письмо, датированное 28 февраля 2014 г., на имя Президента СБ ООН от постоянного представителя Украины в ООН (S/2014/136)	Российская Федерация
19 июля 2012	S/2012/538	S/PV.6810	Ближний Восток — Сирия	Китай, Российская Федерация

Окончание табл. 1

Дата	Проект резолюции	Стенограмма заседания	Повестка	Голосование постоянными членами против
4 февраля 2012	S/2012/77	S/PV.6711	Ближний Восток — Сирия	Китай, Российская Федерация
4 октября 2011	S/2011/612	S/PV.6627	Ближний Восток — Сирия	Китай, Российская Федерация
15 июня 2009	S/2009/310	S/PV.6143	Грузия	Российская Федерация
11 июля 2008	S/2008/447	S/PV.5933	Мир и безопасность — Африка (Зимбабве)	Китай, Российская Федерация
12 января 2007	S/2007/14	S/PV.5619	Мьянма	Китай, Российская Федерация
21 апреля 2004	S/2004/313	S/PV.4947	Кипр	Российская Федерация

Источник: URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/voting-system> (дата обращения: 01.04.2019). Здесь приводятся данные с 2000 г., т. е. после прихода к власти В.В. Путина, в том числе когда он был председателем правительства РФ в 2008—2012 гг. Исключим использование права вето в 90-е годы. В России был другой президент. Однако на тот период пришлось по 4 вето со стороны РФ и КНР (по два с каждой стороны).

Вместе с тем 14 вето из 23 Москва применила самостоятельно (во всех этих случаях Пекин воздерживался), что составляет приблизительно 61 % от общего числа голосований. К ним относятся следующие резолюции: Кипр (2 раза: 11 мая 1993 г. и 21 апреля 2004 г.), Босния и Герцеговина (2 раза: 2 декабря 1994 г. и 8 июля 2015 г.), Грузия (15 июня 2009 г.), Украина (2 раза: 15 марта 2014 г. и 29 июля 2015 г.), Ближний Восток (7 раз: 8 октября 2016 г., 12 апреля 2017 г., 24 октября 2017 г., 16 ноября 2017 г., 17 ноября 2017 г., 26 февраля 2018 г. и 6 апреля 2018 г.).

События на Украине (с 2013 г.), а также проведение референдума и присоединение Крыма к составу РФ (2014 г.) можно назвать своеобразным водоразделом, который прямо или косвенно повлиял на динамику голосования двух государств в ООН. Несмотря на то, что «наилучший период в истории отношений» России и Китая предполагает совместную координацию и согласование позиций, динамика использования права вето показывает обратную картину.

С одной стороны, общее количество совместного ветирования осталось прежним (5 к 4), с другой — заметно возросла доля «одиночного» голосования России против невыгодных резолюций (2 к 10). Формально совместная координация Москвы и Пекина сохраняется (КНР не голосует официально против проектов резолюций РФ, витиевато объясняя, что у вопроса есть своя история и пр.), но позиция последнего, которая выражается в максимальном неучастии, красноречиво говорит об обратном. По-видимому, данный тренд будет продолжаться.

Проблемы координации: мнения китайских экспертов

Совместная координация России и Китая на международной арене — многофакторный процесс. Согласно статье 9 российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, «в случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон, Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы»¹⁰. Сложившаяся ситуация в Грузии (2008 г.) и события на Украине (2013—2014 гг.) показали, что действие Договора может соблюдаться формально, вольно трактоваться в том случае, если это невыгодно другой стороне. Слова заместителя директора Китайской академии международных проблем, главного редактора журнала «Исследование международных проблем» Жуань Цзунцзэ, что у Пекина «есть причины сохранять уверенную улыбку на международных площадках, Китай будет улыбаться последним»¹¹, говорит об убежденности: «чем могущественнее КНР, тем больше мира в мире, чем сильнее Китай развивается, тем больше процветания в мире. Суэта варваров не должна утомлять центр Поднебесной».

Предложенные российскими экспертами идеи «возможного отложенного военно-политического союза» или «более расширительное трактование» ст. 9 российско-китайского договора 2001 г., на официальном уровне не рассматриваются всерьез. Китайские политические деятели прибегают к гибкой формуле «создание парт-

нерств, а не союзов», тем самым минимизируя какие-либо политические риски.

Тем не менее на экспертном уровне подобные вопросы так или иначе обсуждаются. Ниже приведем две распространенные точки зрения.

Согласно первой, военный союз между двумя государствами возможен, но он накладывает серьезные ограничения. В частности, заместитель директора Института международных исследований Фуданьского университета, директор Центра изучения России и Центральной Азии Фэн Юйцзюнь допускает возможность появления союза в военной сфере. При этом, как убежден эксперт, союз возможен при соблюдении двух важных условий: наличии общего врага (тогда как Китай и Россия желают улучшить отношения с США), а также высокой степени согласованности/упорядоченности военной стратегии, тактики, ведения боя. В том числе системы распознавания «свой—чужой», высокой степени интеграции цепочки оперативных данных¹².

Другой известный китайский эксперт Ван Хайюнь ясно демонстрирует невозможность создания российско-китайского союза, потому что КНР и РФ придерживаются основного курса «создание партнерств, а не союзов» (очевидно, что это китайская формулировка). Кроме того, «российско-китайскому союзу не хватает необходимых условий», а его создание «может привести к яростному отпору системы одного гегемона и образованию новой асимметричной биполярной структуры, появлению колоссальных рисков, значительно ухудшающих безопасность и развитие двух государств»¹³.

Треугольник Россия—КНР—США и санкции Запада

Все чаще китайские эксперты возвращаются к обсуждению темы трехсторонних отношений Россия—КНР—США. Например, профессор Фэн Юйцзюнь полагает, что российско-китайское сближение не смягчает давление со стороны Вашингтона. Современные противоречия и проблемы в китайско-американских и российско-американских отношениях не купируются за счет российско-китайского сближения, напротив, существует вероятность, что оно (сближение) только подстегнет американскую политику односторонних

действий. При этом традиционный формат геополитического треугольника не соответствует происходящим в мире переменам. Любая форма контроля/подавления в рамках формулы «двое против одного» лишь усложнит отношения в треугольнике, а также международную и региональную ситуацию. У каждой пары двусторонних отношений своя цена и особенности, поэтому они должны параллельно развиваться и не мешать друг другу (положительно взаимодействовать). Китай, США и Россия должны нести «ответственность конструктивных держав», защищать международный мир и региональную безопасность¹⁴.

Другой вопрос в совместной координации при решении глобальных и региональных проблем связан с санкциями Запада в отношении России. Формулировки китайских экспертов сводятся к тому, что санкции Запада вынудили Россию искать поддержку в лице Китая. Этот тезис звучит прямо или косвенно. В частности, в ежегодной Синей книге Международная обстановка и китайская дипломатия (2018) говорится, что «Поворот на Восток» РФ — прежде всего усиление/упрочение взаимовыгодного сотрудничества с КНР, углубление двусторонних всесторонних отношений стратегического взаимодействия и партнерства¹⁵.

Китайский эксперт Ван Хайюнь откровенно пишет, что с позиции Москвы, если не было бы российско-китайского добрососедства, дружбы и сотрудничества, сложно было бы сконцентрировать силы для противодействия угрозам безопасности с западного стратегического направления, тем более активно проводить стратегию «большого освоения восточных районов»¹⁶. Со стороны Пекина сложно было бы спокойно и смело проводить открытость прибрежным странам, трудно было бы создать и развивать ШОС как организацию регионального сотрудничества нового типа.

Что касается обострившейся проблемы будущего Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) в российско-американских отношениях, Китай желает оставаться в стороне. Сотрудник Института национального развития и стратегии при Народном университете КНР У Жицян считает, что Китаю не следует вступать в дискуссию по поводу ДРСМД прежде всего потому, что стратегическая обстановка вокруг КНР отлична от ситуации в США и РФ¹⁷. У географических соседей США нет ядерного оружия, саму

страну отделяют два океана, а также нет государств, которые могут использовать ракеты среднего радиуса действия против нее. Россия может угрожать соседям тактическим ядерным оружием и крылатыми ракетами морского и воздушного базирования. У Китая четыре сухопутных соседа, обладающих ядерным оружием, китайские ракеты наземного базирования — важная составляющая ядерного устрашения КНР, от которого Пекин не может отказаться. В связи с этим Пекин выступает как против выхода США из Договора, так и перевода обсуждения ДРСМД в многосторонний формат. Об этом непосредственно говорил член Госсовета КНР Ян Цзечи во время Мюнхенской конференции по безопасности — 2019¹⁸.

* * *

Российско-китайские отношения «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» формально «трансформировались в комплекс взаимоотношений между крупными государствами, характеризующийся богатым содержанием и ярко выраженной стратегической значимостью». Повторим: практика показывает, что чем ярче демонстрируется «наилучший период в истории», тем больше противоречий проявляется.

В таких условиях необходимо поддерживать диалог со всеми заинтересованными акторами международных отношений, не склоняясь в одну сторону. Глубокий анализ «позитивных» и «негативных» факторов с учетом национальных интересов позволит России найти возможности для ускорения собственного развития, а сохранение равноправного диалога РФ со всеми сторонами будет являться гарантией безопасности, мира и процветания.

2.2. Российско-китайское взаимодействие по проблемам Корейского полуострова

И Россия, и Китай категорически не заинтересованы в исчезновении КНДР с карты мира. Для них это будет означать целый комплекс проблем, отягощающих жизнь приграничных территорий и требующих немалых сил и ресурсов. Кроме того, теряется важный

политический и территориальный буфер, усиливается позиция США.

С другой стороны, и Россия, и Китай хотели бы видеть Корейский полуостров зоной, свободной от напряженности и ядерного оружия (именно в такой последовательности). Желание Пхеньяна стать ядерной державой раздражает Москву и Пекин в основном потому, что запускает порочный круг эскалации напряженности. Именно поэтому Москва и Пекин всегда выступают за разрешение ЯПКП политико-дипломатическим путем, а во время шестисторонних переговоров пытались привести к компромиссу обе стороны.

Кроме того, в течение последних лет геополитическое соперничество между Вашингтоном, с одной стороны, Москвой и Пекином — с другой, существенно обострилось. При этом, на взгляд автора, дело здесь не только и не столько в личности нового президента США.

Российско-северокорейские отношения отличаются от отношений КНР и КНДР, и Москву не стоит воспринимать как младшего партнера Пекина. В данном вопросе китайско-российский союз — не столько союз друзей, сколько объединение, связанное общей проблемой.

С одной стороны, по сравнению с Китаем наши возможности влиять на Север ограничены, а в рамках иерархии внешнеполитических приоритетов КНДР находится у России на третьем месте после условной Украины или условной Сирии. Ближнее зарубежье и Ближний Восток являются более животрепещущими вопросами. С другой стороны, из-за этого Москва не особо пытается навязывать КНДР свою повестку и учить ее жить, отчего отношения двух стран можно назвать стабильно дружественными. Отношение к России и к русским в КНДР отличается в лучшую сторону по сравнению с отношением к китайцам.

Мы будем больше говорить о Китае, чем о России, хотя бы потому, что усилия КНР значительно заметнее, а также отличаются некоторой стратегической неопределенностью.

Пекин должен был выбирать из двух больших зол: либо присоединиться к давлению на Север, понимая, что за этим может последовать ликвидация суверенитета КНДР, либо поддержать Северную Корею и втянуться в серьезное противостояние с Америкой. Из-за

этого на стратегическом уровне Китай бездействовал, а на тактическом действовал по обстановке, исходя из того, кто его раздражает больше — Пхеньян или Вашингтон.

Шестое ядерное испытание 3 сентября 2017 г. сделало Пхеньян большим объектом раздражения — ядерный салют был устроен как раз под съезд партии и, по сообщениям японских СМИ¹⁹, власти Китая даже издали приказ, запрещающий СМИ КНР публиковать точную информацию о ядерных и ракетных вопросах Северной Кореи. После этого Пекин поддержал санкционное давление США, и на закрытых встречах осени 2017 г. китайские политологи начали говорить о том, что «Север надо побить, пусть и не до смерти». С 6 января 2018 г. Китай объявил о полном прекращении экспорта в КНДР железа, стали и ограничении поставок сырой нефти и нефтепродуктов, промышленного оборудования и других наименований товаров²⁰. Между «Хуанцю шибао/GlobalTimes» и «Нодон Синмун» шла определенная перепалка, а приграничное сотрудничество было почти сведено к нулю. КНР во многом солидаризировалась с санкционным режимом США, отчего в западной прессе в очередной раз пошел вал статей о том, что «традиционной дружбе» конец, и в Пекине готовы сдать Пхеньян, надо только правильно определить цену²¹.

Миролюбивая риторика новогодней речи Ким Чен Ына и последовавшее за этим «олимпийское потепление» 2018 г. далеко не сразу повлияли на изменение позиции Китая. Китайские и северокорейские СМИ обменивались колкостями, и в феврале 2018 г. «Нодон Синмун» (пусть и в «письме в редакцию») даже «назвала КНР по имени»: «некоторые СМИ Китая, не желая отставать от США и Японии, этих реакционеров истории, выступают с наглыми аргументами отдельных экспертов, серьезно портящими атмосферу праздника»²².

Во-первых, китайско-американское противостояние стало расти. Вплоть до нынешнего времени этот тренд неизменен и, учитывая недавний обмен пошлинами, отношения двух стран уже можно описать термином «торговая война», а демонстративные заигрывания США с Тайванем повышают вероятность «четвертого тайваньского кризиса». При этом на закрытых совещаниях американцы объясняли китайской стороне, что в случае «воссоединения Кореи» нет ни-

каких гарантий того, что американские войска покинут Корейский полуостров. И после того, как Трамп подписал Taiwan Travel Act²³, среди ответных мер со стороны китайских ястребов предлагалось уменьшить сотрудничество с США по корейской и иранской проблемам²⁴.

Во-вторых, усиление контактов Пхеньяна с Сеулом и опосредованно — с Вашингтоном породило в Пекине опасение, что в то время как Китай будет держаться жесткого санкционного режима, Пхеньян уплывет из сферы китайского влияния. Не случайно в «Хуанцю шибао» появились статьи, которые, с одной стороны, приветствовали процесс разрядки напряженности, с другой — указывали, что «китайский народ должен сохранять спокойствие и не думать, что Китай вытесняют»²⁵.

Ким Чен Ын сыграл на этом и проявил инициативу первым. 17 марта 2018 г. он направил Си Цзиньпину поздравительную телеграмму в связи с переизбранием на пост Председателя КНР. А затем по инициативе Ким Чен Ына и по приглашению Си Цзиньпина с 25 по 28 марта 2018 г. руководитель КНДР совершил неофициальный визит в Китай — свой первый государственный визит за границу²⁶, что в традиционной парадигме выглядело как «Ким приехал к сюзерену на поклон».

В ходе визита оба лидера неоднократно подчеркивали, что «традиционная дружба между Китаем и КНДР, установленная и тщательно культивируемая старшими поколениями лидеров обеих партий и обеих стран, является драгоценным богатством обеих сторон». Подчеркивался стратегический и неизменный характер дружеских отношений двух стран и то, что дружба не будет зависеть от международной обстановки²⁷. Отметим и реплику о том, что «отношения корейско-китайской дружбы установлены в священной совместной борьбе за социалистическое дело и сохраняют свою сущность во всяких суровых испытаниях истории».

После этого в официальной политике Пекина произошли изменения: за последние 7 месяцев состоялось более 10 обменов делегациями высокого уровня и 4 саммита (кроме мартовского, 7—8 мая 2018 г. северокорейский лидер Ким Чен Ын посетил Далянь²⁸, 19 июня 2018 г. и 8—9 января 2019 г. — Пекин).

Сейчас отношения КНР и КНДР находятся на подъеме, причем Ким демонстрирует должный уровень пиетета. Когда 13 апреля 2018 г. для участия в фестивале искусств «Апрельская весна», приуроченном к годовщине со дня рождения Ким Ир Сена, Пхеньян посетила китайская делегация во главе с Сун Тао, Ким Чен Ын тепло принял Суна и пообещал «активно продвигать и развивать отношения [двух стран] на новый этап развития»²⁹. Тут стоит вспомнить, что когда Сун приезжал в КНДР в 2017 г. и Ким его не принял, некоторые эксперты писали, что отказ от встречи является серьезным нарушением дипломатического протокола и отношениям между КПК и ТПК нанесен непоправимый ущерб³⁰.

Заметим также, что председатель Си предпочел майскую встречу с Кимом присутствию на тройственном саммите с главами Японии и РК, куда вместо него отправился премьер Ли Кэцян. Кстати, на этой встрече Си отметил, что «важные совместные соглашения, достигнутые двумя сторонами (не упоминая, какие именно), выполняются одно за другим». Ким же сказал, что «в историческом маршруте для отстаивания социализма и открытия нового будущего Корейского полуострова и региона будет тесно содействовать и сотрудничать с китайскими товарищами «в одном штабе» и выполнять всю ответственность и роль для защиты подлинного мира». Из этого можно сделать вывод о наличии ряда джентльменских соглашений между Си и Кимом, которые реально регламентируют двусторонние отношения.

При этом стороны постоянно подчеркивают принадлежность к единому соцлагерю. Как заявил Си Цзиньпин в письме Ким Чен Ыну, «Социалистическое строительство КНДР в различных сферах приняло новый облик после того, как под руководством Ким Чен Ына страна сосредоточилась на экономическом развитии и улучшении народного благосостояния»³¹.

И хотя на 70-летие основания КНДР Си Цзиньпин не приехал, КНР представлял председатель постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей КНР Ли Чжаньшу (ранг, соответствующий российскому представителю — главе Совета Федерации Валентине Матвиенко). На трибуне во время парада Ли и Ким не просто стояли рядом, а демонстративно взяли за руки — жест, призванный подчеркнуть и поддержку Пекина в целом, и одобрение им пхеньянского курса на снижение напряженности.

Визит в Пекин 2019 г. подтвердил тренд, и наиболее важной деталью саммита 8—9 января 2019 г. стала следующая цитата из коммюнике ЦТАК: «Товарищ Си Цзиньпин сказал, что вполне согласен на то, что утверждаемые корейской стороной принципиальные вопросы являются закономерным требованием, и рациональные пункты интереса корейской стороны должны быть решены, как следует. Заинтересованные стороны должны придавать большое значение этому, а китайская сторона, и впредь как в прошлом, в качестве надежного тыла корейских товарищей, их верного товарища и друга, будет защищать основные интересы обеих сторон и играть активную и конструктивную роль для стабильности ситуации на Корейском полуострове».

Впрочем, определенное недоверие сохраняется. Так, после саммита Кима и Трампа в Сингапуре кое-кто из китайских экспертов выказывал беспокойство относительно того, что встреча может иметь последствия, направленные против КНР. Опирались они, в основном, на собственные ощущения и то, что Ким и Трамп в течение долгого времени общались тет-а-тет: наверняка замыслили что-нибудь не то. Например, Ким мог предложить Трампу северо-корейский нейтралитет в ситуации, когда отношения США и КНР и далее будут обостряться.

Неизвестное каждый заполняет в меру собственных страхов, и у автора есть ощущение, что Ким Чен Ын частично занимается продажей воздуха: исторически Северной Корее удавалось лавировать между Пекином и Москвой, не входя при этом в сферу влияния каждого. Да, это не увеличивало внешнеэкономическую помощь, зато обеспечивало существенную внутривнутриполитическую самостоятельность. Теоретически такая модель могла бы быть применена к Пекину и Вашингтону, но пока скорее создается впечатление, что в общении с американцами Ким преувеличивает свою близость к Китаю, в общении с китайцами — преувеличивает возможность ухода к Америке. Делается это для того, чтобы обеспечить себе пространство для маневра и лавирование между Пекином и Вашингтоном: каждая из сторон будет готова предложить нечто полезное в обмен на то, чтобы Пхеньян не «ушел к другому».

Теперь о том, как в Москве и Пекине видят текущее положение вещей. Ситуация нас более чем устраивает, поскольку де-факто со-

ответствует российско-китайской концепции «двойной заморозки». В рамках таковой предполагалось, что КНДР объявит мораторий на ядерные испытания и ракетные пуски, а США воздержатся от действий, обостряющих региональную обстановку. Как заявил 10 апреля 2018 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров по итогам переговоров со своим коллегой из КНДР Ли Ён Хо, «реальное развитие событий идет в русле российско-китайской дорожной карты урегулирования на Корейском полуострове»³².

При этом такой статус может длиться неограниченно долго, пока Пхеньян и Вашингтон декларируют курс на диалог, а не разрывают его. Полная денуклеаризация видится как желательная, но малодостижимая цель. Внутренние проблемы администрации Трампа очевидны. И в Пхеньяне не могут не задаваться вопросом, как долго он будет у власти, и где гарантия того, что его преемник не объявит, что все, что было подписано им, не соответствовало национальным интересам США. Поэтому наши страны понимают осторожность Северной Кореи.

С одной стороны, Пхеньян соблюдает мораторий и предпринимает ряд шагов в сторону демонтажа ракетно-ядерных объектов. С другой стороны, им пока еще не предприняты действия, которые нанесли бы обороноспособности страны серьезный урон. Если относиться к заявлениям о том, что в конце 2017 г. КНДР завершила программу строительства сил ядерного сдерживания, без скептицизма, часть разрушаемой инфраструктуры просто исчерпала свою полезность, а более серьезные шаги Север намерен предпринимать только после встречных действий США, которых пока нет. В их актив можно записать только временную отмену учений, причем, похоже, что с точки зрения Трампа финансовые мотивы в этом играли не меньшую роль, чем политические.

Логично, что на фоне усиления противостояния Москвы, Пекина и Вашингтона позиция двух стран будет сводиться к тому, чтобы, с одной стороны, продолжать поддерживать КНДР, а с другой — не дать диалогу угаснуть. Процесс может идти черепашьям шагом, в нем возможны «временные трудности», но пока этот диалог идет, текущий статус полуострова находится в режиме «двойной заморозки», что соответствует национальным интересам России и Китая.

Понятно, что обе стороны приближаются к черте, когда лимит односторонних и необременительных уступок будет исчерпан. В такой ситуации диалог может быть либо разорван, либо искусственно растянут, и нас устраивает второй вариант.

Если же говорить о конкретных действиях, то их можно разделить на несколько направлений.

Во-первых, Россия и Китай оказывают Северу политическую и экономическую поддержку, стараясь не выходить за допустимые рамки. КНДР нужна китайская и российская поддержка на случай, если США будут жестко требовать необратимых и односторонних уступок, ничего не давая взамен: как отметил Сергей Лавров, «гарантии обеспечения безопасности, которые США могут предоставить КНДР, должны быть “железобетонными”»³³.

И когда на фоне завышенных американских требований КНДР стала показывать зубы, отношение газет класса «Хуанцю шибао» к этому было не критическим, а сочувственно-понимающим — порицался именно американский подход, сосредоточенный исключительно на одностороннем ядерном разоружении Северной Кореи³⁴.

На фоне дальнейшего напряжения и реплик Трампа про китайский след как причину изменения политики Северной Кореи газета отметила³⁵, что Китай не рискнет разрушить позитивное развитие ситуации на полуострове лишь для того, чтобы подчеркнуть свою значимость. США же переоценили свой вес и забыли как о неловкой ситуации, которая сложилась в 2017 г., когда они не смогли остановить ядерные и ракетные испытания Северной Кореи, так и о трудностях военных действий против Северной Кореи. Если Вашингтон захочет достичь цели максимальным давлением, он будет разочарован. Америке нужно проявлять больше гибкости, чтобы стимулировать продвижение Пхеньяна по пути денуклеаризации³⁶.

6 марта 2019 г. министр иностранных дел Северной Кореи Ким Ен Чжэ встретился с министром развития Дальнего Востока России Александром Козловым по вопросам укрепления торгово-экономического сотрудничества.

С 16 по 21 марта в КНДР находилась делегация Федерального Собрания Российской Федерации³⁷, формально для того, чтобы отметить 70-летие первого официального визита северокаорейского ос-

нователя Ким Ир Сена в Россию и заключение соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между КНДР и Россией. Группу российских сенаторов возглавил председатель Комитета по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера О. Мельниченко, который также является председателем парламентской группы дружбы Россия—КНДР.

Одновременно Сергей Кисляк, занимающий пост первого заместителя председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, заявил ТАСС, что цель визита в Пхеньян — «продолжение диалога с дружественной нам страной, которая решает самые сложные проблемы во внешней и внутренней политике», так что «этот диалог — абсолютно естественная, нормальная практика».

Также сообщалось, что на середину апреля 2019 г. намечен визит в КНДР делегации Госдумы России, а северокорейские парламентарии совершат визит в Россию до конца года.

Однако ни Москва, ни Пекин не собираются вовлекаться в защиту КНДР чрезмерно. На ВЭФ на вопрос, дадут ли РФ и Китай ядерный зонтик КНДР в случае денуклеаризации, председатель Си сказал: «Кто завязал узел, тот пусть и развязывает».

Теперь об экономической поддержке: здесь, хотя обычно данные такого рода поступают из ангажированного источника, их не стоит отбрасывать, ибо многое подтверждается косвенными данными. Например, как сообщает консервативная газета РК «Чосон Ильбо»³⁸, после визита Ким Чен Ына в КНР в июне 2018 г. Китай возобновил поставки в Северную Корею удобрений и продовольствия и удвоил поставки сырой нефти по трубопроводам из Дандуна. По данным источников газеты, на Север под предлогом гуманитарной помощи «ушло от 200 000 до 300 000 т удобрений», примерно столько же, сколько Китай отправил в 2013 г., до обострения ситуации. Что же до нефти, то для того, чтобы трубопровод не засорился, минимально возможный поток нефти должен составлять 30—40 тыс. т летом и около 80 тыс. т зимой, однако в последнее время Китай увеличил поток «до зимнего уровня».

А по сообщению «Радио Свободная Азия»³⁹, КНР в нарушение санкций передал Северной Корее два генератора, способных вырабатывать 100 000 кВт электроэнергии. Чтобы не привлекать внимания к этой операции, генераторы были перевезены морем и ныне ус-

тановлены на Пхеньянской ТЭЦ. Учитывая, что ежедневная потребность жителей Пхеньяна в электроэнергии составляет 500 000 кВт, это серьезная прибавка, позволяющая решить проблему нехватки электричества в столице. Кроме того, если ранее ГЭС на разделяющей КНР и КНДР реке Амноккан питали обе страны, то после встречи Си и Кима в Даляне 7 мая все вырабатываемое ими электричество идет на Север.

Экономическое сотрудничество косвенно подтверждается серией любопытных цитат. Во время третьего визита в Китай Ким Чен Ын указал, что «сегодня КНДР и КНР разделяют горе и радость друг с другом, как члены одной семьи, и искренне помогают и содействуют». Эта фраза явно указывает на наличие экономических контактов. И далее: Россия же возобновила поставки угля на экспорт через северокорейский порт Раджин, что не нарушает санкции⁴⁰. Кроме того, на пресс-конференции по итогам поездки российских сенаторов в КНДР, которую мы упоминали выше⁴¹, Олег Мельниченко сообщил, что в ходе переговоров обсуждались вопросы о строительстве моста на границе России и КНДР, образовании российско-корейского торгового дома и возможности перехода на рубль в качестве расчетной единицы с Россией.

И хотя в ноябре 2018 г. СМИ РК писали, что правительство КНР будто бы выпустило указание не проводить финансовые операции с КНДР до тех пор, пока с нее не снимут санкции⁴², на деле это связано с тем, что за последние несколько лет в КНР усилили контроль и проверку клиентов перед открытием банковских счетов и выполнением банковских операций, что усложнило жизнь иностранным клиентам вне зависимости от их гражданства⁴³.

Во-вторых, Россия и Китай пытаются воздействовать на США с тем, чтобы «хорошее поведение КНДР» было вознаграждено ослаблением санкционного давления. Как заявил глава МИД России Сергей Лавров после встречи с северокорейским коллегой Ли Ен Хо, «что касается вопроса о санкциях, абсолютно очевидно, что, начиная весь разговор о решении ядерной проблемы Корейского полуострова, мы исходим из того, что оно не может быть полным, пока санкции не будут отменены»⁴⁴.

Однако американский (как и южнокорейский) курс направлен на то, что до тех пор, пока Север окончательно не разоружится,

санкции не снимаются, оставаясь главным средством давления. С подобными высказываниями периодически выступает и Мун Чжэ Ин, о чем американцы ему иногда напоминают. В этом контексте Россия и Китай пытаются предложить альтернативную идею, в рамках которой уровень санкций связывается с текущим уровнем напряженности.

В июне 2018 г. РФ и КНР продвигали заявление СБ ООН для прессы о необходимости смягчения санкционного давления на КНДР. Указывалось, что санкции не являются самоцелью⁴⁵, и СБ ООН должен задуматься о шагах в направлении ослабления санкций, введенных против КНДР⁴⁶.

20 июня 2018 г. в ходе встречи с южнокорейскими журналистами представитель МИД Китая отметил, что смягчение санкционного давления на КНДР должно осуществляться по мере решения северокорейской ядерной проблемы. Вместе с тем он отметил наличие планов увеличения инвестиций в пограничные с Севером районы: многие компании могут изъявить желание развивать экономическое и торговое сотрудничество с Севером, что станет для Пхеньяна хорошим шансом⁴⁷.

20 июля 2018 г. КНР и Россия заблокировали инициативу США, предполагающую запрет на поставки в КНДР продуктов нефтепереработки. Они попросили больше времени на рассмотрение данного документа, запросив от США доказательства того, что лимит поставок уже исчерпан⁴⁸.

25 июля 2018 г. посол России в КНДР А. Мацегора в интервью ТАСС отметил, что Россия вместе с Китаем и другими странами попытается убедить США в необходимости смягчения антисеверокорейских санкций. По его мнению, «это будет работать на пользу денуклеаризации»⁴⁹.

Отдельно следует отметить трехсторонние консультации, прошедшие в Москве 9 октября 2018 г. на уровне заместителей министров РФ, КНР и КНДР И.В. Моргулова, Кун Сюанью и Чхве Сон Хи. В тексте совместного заявления⁵⁰, которое автор считает очень важным документом, однозначно указываются основные тезисы совместной стратегии по умалению региональной напряженности — безальтернативность мирного политико-дипломатического урегулирования всего комплекса проблем Корейского полуострова; стрем-

ление сторон к достижению денуклеаризации Корейского полуострова; понимание того, что данный процесс, первоочередной задачей которого является установление взаимного доверия, должен носить поэтапный и синхронный характер и сопровождаться встречными шагами вовлеченных государств.

В этом контексте три страны «сочли необходимым своевременно приступить к пересмотру Советом Безопасности ООН санкционных мер в отношении КНДР», что, в частности, было сделано 8 ноября 2018 г. на закрытых консультациях в Совете Безопасности ООН, где российская сторона призвала как можно быстрее рассмотреть меры исправления тяжелой гуманитарной ситуации в КНДР, причиной которой стали санкции⁵¹.

1 ноября 2018 г. представитель Китая при ООН Ма Чжаосюй указал, что в резолюции Совбеза ООН есть пункты о возможности смягчения санкционного давления на КНДР и напомнил общую позицию Китая и России о том, что денуклеаризация и смягчение санкций должны осуществляться параллельно⁵².

Определенный всплеск активности произошел после неоднозначного завершения саммита США—КНДР в Ханое 28 февраля 2019 г.

4—5 марта 2019 г. Москву посетил спецпредставитель США по КНДР Марк Ламберт. В том же месяце заместитель главы МИД КНДР Им Чжон Иль встретился с заместителем министра иностранных дел России И. Моргуловым в Москве, чтобы обсудить активизацию обменов на высоком уровне и экономического сотрудничества. Также 16 марта 2019 г. он встретился с заместителем министра иностранных дел России С. Вершининым для обмена мнениями по вопросам обеспечения мира и безопасности на Корейском полуострове⁵³.

Через несколько дней, 18 марта 2019 г., с И. Моргуловым встречался специальный представитель по вопросам мира и безопасности на Корейском полуострове Ли До Хун. Как сообщали в южнокорейском МИД, «поездка Ли До Хуна является частью усилий Сеула по поддержанию тесной координации с мировым сообществом в решении проблем Северной Кореи»⁵⁴, и на встрече состоялся обмен мнениями о ситуации на Корейском полуострове после северокорейско-американского саммита.

19 марта глава секретариата госсовета КНДР Ким Чхан Сон прибыл с визитом в Москву, где скорее всего встречался с представителями российского руководства⁵⁵.

Москва и Пекин работают с Сеулом, поддерживая его в желании ослабить межкорейскую напряженность, хотя политика Сеула кажется более двойственной. Видно и то, насколько в определенной области Сеул зависим от Вашингтона, и то, какую роль в северокорейской политике Мун Чжэ Ина играют внутривластные и экономические проблемы, на фоне которых успехи в межкорейском направлении оказываются чуть ли не единственным способом поднять его рейтинг. В этом контексте мы поддерживаем южнокорейский курс на разрядку напряженности, хотя видим, как часто различаются заявления представителей Мун для внутренней и внешней аудитории.

20 июня 2018 г. в ходе встречи с южнокорейскими журналистами представитель МИД Китая озвучил позицию Пекина о необходимости одновременных уступок всех заинтересованных сторон и подчеркнул, что США нужно вывести американский военный контингент из РК и отменить решение о размещении в стране ракетных комплексов ТНААД⁵⁶.

4 августа в ходе встречи с министром иностранных дел РК Кан Гён Хва, состоявшейся в Сингапуре в рамках региональных мероприятий АСЕАН, министр иностранных дел Китая Ван И снова призвал Сеул решить вопрос с ТНААД⁵⁷.

7 августа в Пекине прошла встреча спецпредставителя МИД РК по вопросам мира и безопасности на Корейском полуострове Ли До Хуна и замминистра иностранных дел Китая, спецпредставителя по делам Корейского полуострова Кун Сюанью. Стороны заявили, что позиции РК и Китая по урегулированию ядерной проблемы КНДР полностью совпадают, однако говорить о каких-либо результатах пока рано⁵⁸.

Во многом вследствие этого США в свою очередь разыгрывают северокорейскую карту в отношениях с Россией и Китаем, обвиняя их в нарушении санкционного режима.

19 января 2018 г. *The Wall Street Journal*⁵⁹ со ссылкой на спутниковые фотографии и «другие сведения» писал, что по меньшей мере шесть принадлежащих Китаю или эксплуатируемых им грузовых су-

дов входили в порты КНДР и вывозили оттуда «незаконные грузы» во Вьетнам либо осуществляли их передачу с судна на судно в море.

30 января 2018 г. официальный представитель Госдепа Хезер Науэрт заявила: «Мы предупреждали Россию о незаконной торговле северокаорейским углем... однако она не в состоянии обеспечить их соблюдение и поощряет незаконное поведение КНДР»⁶⁰.

3 февраля 2018 г. *Reuters* сообщило, что независимые агентства ООН составили отчет, исходя из которого следует, что КНДР за 2017 г. заработала 200 млн долл., в том числе за счет поставок угля через Россию и Китай, а также продажи оружия в Сирию и Мьянму⁶¹. В ответ официальный представитель МИД КНР Гэн Шуан просто отметил, что не намерен комментировать заявления, опубликованные СМИ, а не соответствующими органами⁶².

3 августа 2018 г. Минфин США внес в свой санкционный список российский коммерческий банк «Агросоюз», а также китайскую компанию *Dandong Zhongsheng Industry&Trade Co* (вообще компании из КНР занимают значительную часть этого «черного списка»).

В тот же день во время заседания Совбеза постоянный представитель США в ООН Никки Хейли заявила, что Россия нарушает санкционный режим в отношении Северной Кореи и выдает разрешения на работу для граждан КНДР. «Россия поддерживает санкции только на словах, сказанных в Совбезе, нарушает их своими действиями»⁶³. Этот вброс опроверг лично посол России в Северной Корее А. Мацегора: северокаорейцы могут работать в России до конца ноября 2019 г., и ничто не мешает продлевать им контракты до указанного срока⁶⁴.

15 августа за «содействие незаконным морским поставкам в Северную Корею» под санкции Минфина США попали компания «Профинет», ее гендиректор В. Колчанов, китайская фирма *Dalian Sun Moon Star International Logistics Trading* и зарегистрированная в Сингапуре и связанная с предыдущей компания *SINSMS*⁶⁵.

13 сентября 2018 г. США расширили санкционный список против КНДР, «чтобы остановить поток незаконных доходов в Северную Корею» от граждан КНДР, которые работают за рубежом в сфере информационных технологий». В частности, туда были включены две компании — китайская *Yanbian Silverstar Network Technology* и расположенная во Владивостоке *Volasys Silver Star*⁶⁶.

21 марта 2019 г. Министерство финансов США ввело санкции против двух китайских транспортных компаний. *Dalian Haibo International Freight Co Ltd.* попала в «черный список» за незаконные сделки с северокорейской *Paeksol Trading Corp.* Компания *Liaoning Danxing International Forwarding Co Ltd.* будто бы оказывала содействие в закупке товаров для КНДР в странах Евросоюза⁶⁷.

Подведем итог. В текущей внешнеполитической ситуации Россия и Китай могут считать положение дел на Корейском полуострове своей «малой победой», концентрируясь не на скорости процесса, а на его направленности. Их усилия вряд ли ослабнут, и при неизменности трендов Республике Корея стоит озаботиться бóльшим уровнем сотрудничества в этом направлении ради того, чтобы курс на диалог и постепенное ослабление напряженности продолжались бы как можно дольше.

2.3. О роли России и Китая в формировании Большого евразийского партнерства

Структура отношений безопасности и сотрудничества в Евразии с окончанием холодной войны и ростом экономической интеграции претерпевает фундаментальные изменения. Это обуславливает необходимость выработки новой модели отношений на основе принципов взаимного доверия, национального суверенитета и многостороннего сотрудничества.

Образец этой модели — предложенная российским президентом В.В. Путиным идея Большого евразийского партнерства (БЕП), призванная гармонизировать различные региональные экономические форматы на основе принципов транспарентности и взаимной выгоды.

Концептуализация и конкретизация идеи БЕП является важнейшей научно-исследовательской задачей. Попытаемся реализовать эту задачу в опоре на представление В.В. Путина о БЕП как потенциальном широком интеграционном контуре в Евразии⁶⁸.

Идея интеграционных контуров помогает определить видение Большого евразийского партнерства как совокупность взаимосвя-

занных и взаимозависимых интеграционных контуров в сфере региональной экономической интеграции и сотрудничества, сопряжения процессов евразийской экономической интеграции и предложенной Китаем Инициативы «Пояса и пути» (ИПП), приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества и формирования системы комплексной трансрегиональной безопасности в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Не претендуя на комплексный анализ всех процессов межблоковых коммуникаций в Евразии и АТР с актуальным и потенциальным участием стран — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), АСЕАН и пр., остановимся на процессе формирования БЕП в контексте российско-китайских отношений.

Начнем с контура региональной экономической интеграции.

Первый контур — это перспективы формирования БЭП в контексте российско-китайского стратегического партнерства и всеобъемлющего взаимодействия на фоне интеграционных процессов в АТР. Последние в свою очередь связаны с формированием механизмов многосторонних интеграционных процессов в сфере экономики и торговли, включая Азиатско-Тихоокеанскую зону свободной торговли (АТЗСТ), Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), а также продвигавшийся США проект Транстихоокеанского партнерства (ТТП).

Идея о создании Большого евразийского партнерства была сформулирована 3 декабря 2015 г., когда В.В. Путин в Послании Федеральному собранию выдвинул инициативу о начале консультаций по формированию экономического партнерства между государствами — членами ЕАЭС, АСЕАН и ШОС и государствами, которые присоединяются к ШОС. На протяжении 2016 г. концепция неоднократно обсуждалась на различных многосторонних дискуссиях и в экспертной среде, став по сути флагманской российской инициативой по развитию евразийской интеграции.

Важно понять геоэкономическую подоплеку возникновения идеи БЕП, рациональные мотивы, которыми можно обосновать ее целесообразность. Как представляется, наиболее существенным из них является объективная оценка возможностей евразийской эконо-

мической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

На фоне сдвигов в глобальных интеграционных и торгово-экономических процессах некоторым отечественным экспертам развитие ЕАЭС представляется отстающим от них. Они констатируют, что Евразийский экономический союз сегодня, с его ВВП в 2,2 трлн долл., составляющим 3,2 % от мирового, не представляет собой самодостаточный рынок, и любые попытки построить «крепость Евразия» самоубийственны. Выходом из сложившегося положения им видится активизация переговорного процесса на двух треках — восточном и западном⁶⁹.

Показательно, что такой подход разделяют как «либералы-рыночники», так и «дирижисты». Компенсировать относительно небольшой вес ЕАЭС в мировой экономике, полагают они, возможно только в рамках внешнего контура евразийской интеграции, выстраивая преференциальные режимы торгово-экономического сотрудничества с быстро растущими странами Евразии — Китаем, Индией, странами Индокитая, Ближнего и Среднего Востока. Реализация инициативы глав России и Китая по сопряжению двух трансконтинентальных интеграционных инициатив — ЕАЭС и Шелкового пути — открывает возможности для устойчивого экономического развития Евразии.

Еще один существенный и весьма рациональный мотив выдвижения идеи БЕП — обеспокоенность России падением авторитета ВТО и созданием «закрытых» региональных торговых объединений. В ответ на этот вызов выдвигается тезис гармонизации различных региональных экономических форматов при строгом соблюдении принципов равенства и открытости.

Инициатива по созданию БЭП получила политическую поддержку со стороны Китая. Как заявил в августе 2016 г. директор департамента Европы и Центральной Азии МИД Китая Гуй Цуньюй, «китайская сторона считает эту инициативу позитивной и конструктивной идеей и приветствует ее». По его мнению, Китай и Россия будут прилагать совместные усилия для изучения вопроса по продвижению данной инициативы. По его словам, МИД и экономические ведомства Китая проводят тесные контакты для выработки конкретных мер с целью реализации договоренностей, достигнутых

между главами наших стран по созданию Большого евразийского партнерства.

Развитие внешнего контура этого интеграционного объединения осложняется тем, что пока не было прецедентов межблоковых торгово-экономических партнерств. Однако, по мнению экспертов и экономистов ЕЭК, вполне реально в 10-летней перспективе сформировать БЕП как сеть зон свободной торговли (ЗСТ), набор торговых блоков, наиболее вероятным форматом которого будет так называемая миска спагетти.

Второй контур — контур сопряжения. Он содержит основной содержательный компонент создания БЕП, связанный с процессом сопряжения евразийской экономической интеграции в рамках ЕАЭС и китайской ИПП. Здесь особое внимание уделяется ШОС как наиболее перспективной и оптимальной институциональной основе сопряжения ЕАЭС и ИПП.

Инициатива «Пояса и пути» (ИПП) является наиболее очевидным воплощением активизации усилий Китая по усилению своего присутствия в Евразии и регионе Центральной Азии, а также одним из наиболее знаковых и новаторских проявлений современных тенденций экономической регионализации и глобализации. В случае своей реализации она коренным образом изменит геоэкономическую и геополитическую ситуацию в Евразии.

Как известно, председатель КНР Си Цзиньпин, выступив с инициативой об ЭПШП в Казахстане в сентябре 2013 г., сформулировал пять ее содержательных аспектов, «пять взаимосвязанностей». ИПП и, в частности ее сухопутная часть, Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) — комплексная инициатива, мегапроект нового типа. Рамки экономического пояса Шелкового пути не ограничиваются только Центральной Азией — благодаря Шелковому пути связываются Тихоокеанское кольцо и европейское экономическое кольцо, охватывается вся Евразия. Путем повышения открытости Западу КНР надеется углубить торговые связи и экономическое сотрудничество между центральными и западными районами страны и Центральной, Южной и Западной Азией. И вместе с тем дать толчок экономическому взаимодействию в Евразии, осуществить перераспределение региональных ресурсов в энергетике, продуктах минерального происхождения, туризме, культуре, промышленности и

сельском хозяйстве, реализовать рациональное распределение, взаимное дополнение, общее процветание в производстве региональных стран.

Особенно важно то, что ЭПШП построен на базе новой модели сотрудничества, которая не предполагает создания региональной организации экономической интеграции, не преследует цели строительства единого и принудительного режима, не собирается нарушать имеющуюся региональную систему. Благодаря углублению связей между политическими установками, инфраструктурой, а также укреплению торговых сношений, денежного обращения, контактов между народами постепенно должна сформироваться цельная региональная структура сотрудничества, которая сделает более тесными и удобными связи между странами Евразии.

Тезис о том, что ЭПШП представляет собой не организацию экономической интеграции, а международный экономический режим, представляется принципиально важным. Под международным режимом понимается набор сформулированных или подразумеваемых принципов, норм, правил и процедур принятия решений, воплощающих согласованную точку зрения участников применительно к той или иной сфере международных отношений.

Международные режимы создаются не столько для централизованной реализации согласованных решений, сколько для создания атмосферы предсказуемости в международных отношениях, в условиях которой государства принимают решения по защите и продвижению своих национальных интересов с учетом интересов других государств, а также налаживают друг с другом взаимовыгодное сотрудничество. Международные режимы устанавливают определенные стандарты поведения, которые помогают государствам оценивать намерения и репутацию друг друга; обеспечивают возможность дискуссионных форумов (часто с участием международных организаций); способствуют равноправному информационному обмену, тем самым увеличивая предсказуемость международного поведения.

Тесная взаимосвязь принципов, норм и правил международного режима — основополагающий критерий его легитимности и жизнеспособности. Именно такая взаимосвязь позволяет судить о том, является ли корректировка правил сменой международного режима или перестройкой внутри него. Объединяет принципы, нормы, пра-

вила и процедуры принятия решений то, что все они содержат рекомендации относительно поведения участников, хотя и не подлежат безусловному исполнению с применением иерархической системы права.

В ходе визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву в мае 2015 г. стороны подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути». В числе приоритетных направлений согласованных усилий — «создание механизмов для упрощения торговли в тех сферах, где для этого созрели условия, разработка совместных шагов по гармонизации и обеспечению взаимной совместимости правил и норм регулирования, торгово-экономических и иных политик в сферах взаимных интересов; рассмотрение долгосрочной цели по продвижению к зоне свободной торговли между ЕАЭС и Китаем»⁷⁰.

Важнейшим институтом международного сотрудничества на евразийском пространстве является ШОС, имеющая серьезный потенциал для превращения в основную площадку взаимодействия по линии Китай (ЭПШП) — ЕАЭС. ШОС при соответствующих усилиях может, на наш взгляд, стать центральным институтом создания сообщества Большой Евразии. Стать для него зонтичной организацией. В реализации стыковки ЭПШП и ЕАЭС ШОС должна играть роль важнейшей площадки, тем более, что цели, принципы и содержание строительства ЭПШП, изложенные в упомянутом выше документе, совпадают с интересами регионального экономического сотрудничества в рамках ШОС.

Существенный довод в пользу практической направленности и стратегического характера БЕП, включающего в себя стыковку ЕАЭС и ЭПШП, уже выработанные среднесрочные прогнозы реализации этого процесса. Китайские исследователи (Ли Синь и др.) выделяют следующие этапы.

Первый этап начался запуском в августе 2016 г. переговорного процесса между Китаем и Евразийским экономическим союзом по сопряжению строительства ЭПШП и ЕАЭС. На этом этапе делается акцент на создании мягкой регулятивной среды (правила, надзор, стандарты и т. д.), продолжается содействие региональному эконо-

мическому сотрудничеству в рамках ШОС, увеличению объема торговли, упрощению торговли и инвестиций.

На втором этапе (в 2030 г.) зона свободной торговли в рамках ШОС превращается во Всеобъемлющее экономическое партнерство на базе интеграции ЕАЭС, ШОС и БРИКС. Затем на основе интеграции всеобъемлющего экономического партнерства со странами АСЕАН или создаваемого Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) в 2040 г. будет образовано Большое евразийское партнерство. В рамках этого пространства планируется сформировать системы полной свободы торговли, обеспечить свободное движение капиталов, создание общего финансового и единого энергетического рынков, разработать единые правила торговли товарами и услугами, а также сформировать общий рынок транспортных услуг и единую транспортную систему⁷¹.

Третий контур — контур приграничного и межрегионального сотрудничества. Это процессы развития приграничного и межрегионального сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии (СВА). Развитие приграничного и межрегионального сотрудничества — неотъемлемая составляющая межгосударственных отношений и интеграционных процессов, особенно между сопредельными странами. Ускоренное освоение и развитие российского Дальнего Востока, Забайкалья и Восточной Сибири имеет принципиальное значение для реализации экономической стратегии России, модернизации российской экономики, придания ей инновационного характера и интеграции в экономическое пространство АТР. Решение этих задач требует значительного усиления взаимодействия России со странами АТР, прежде всего с Китаем и его северо-восточными провинциями (что, впрочем, не снижает интереса РФ к развитию всестороннего приграничного сотрудничества с другими странами региона: Японией, КНДР и Республикой Корея).

Межрегиональное и приграничное сотрудничество традиционно является важным элементом комплекса торгово-экономических отношений РФ и Китая, что предопределяется наличием общей границы протяженностью 4300 км и тесными культурно-историческими связями народов двух стран.

Приграничные и межрегиональные взаимоотношения российских и китайских регионов динамично развиваются и становятся

важнейшим элементом укрепления дружбы и сотрудничества между нашими странами. Интенсивно осуществляются гуманитарные обмены между регионами в сфере образования, науки, здравоохранения, культуры и спорта. В целях систематизации и дальнейшего развития приграничных связей необходимо, на наш взгляд, сосредоточить совместные усилия на следующих направлениях деятельности:

- продолжить работу по совершенствованию приграничной инфраструктуры и оптимизации работы пунктов пропуска на российско-китайских участках государственной границы, в том числе с использованием механизма государственно-частного партнерства;
- совершенствовать национальные законодательства об осуществлении международного сотрудничества, в том числе приграничного;
- активизировать российско-китайскую торговлю продвижением новых товарных позиций;
- снизить излишнее администрирование государственных контрольных органов;
- осуществлять совместные действия по культивированию в приграничье экологически чистого производства и переработки сельскохозяйственной продукции;
- продолжить формирование благоприятного инвестиционного климата для привлечения зарубежных инвестиций в реальные сектора экономики;
- сформировать условия для вовлечения в инвестиционные процессы субъектов малого и среднего предпринимательства;
- органам государственной власти приграничных регионов содействовать интеграции субъектов экономической деятельности в проекты, реализуемые на территории России, с особыми условиями ведения хозяйственной деятельности (ОЭЗ, ТОСЭР);
- в целях создания благоприятных условий для пересечения границы гражданами, следующими исключительно в туристических целях, рассмотреть возможность применения двухканальной системы («красный» и «зеленый» коридоры) в имеющих соответствующие технические условия пунктах пограничного пропуска;

- органам государственной власти приграничных регионов России и Китая обратиться в центральные органы своих государств по вопросу увеличения максимального срока безвизового пребывания российских и китайских граждан на сопредельной территории, следующих в туристических целях;
- совершенствовать механизмы оценки и использования международного рынка трудовых ресурсов, осуществлять подготовку специалистов и квалифицированных рабочих для реализации совместных проектов;
- развивать сотрудничество в сфере науки и инноваций, осуществлять совместные действия по применению в экономике и природопользованию интегрированных экологических методов и технологий;
- осуществлять внедрение и обмен инновационными медицинскими технологиями в целях повышения уровня и продолжительности жизни населения, проживающего на приграничных территориях;
- продолжить развивать всесторонние международные связи между соотечественниками, проживающими на сопредельных территориях;
- при разработке и корректировке документов долгосрочного стратегического планирования предусмотреть проведение социальной и экологической экспертизы в рамках стратегической экологической оценки (СЭО). Результаты научного прогнозирования последствий техногенного вмешательства необходимо учитывать при реализации транспортно-энергетических проектов;
- продолжить совместные действия по сохранению и расширению природоохранных территорий и реализации специальных экологических программ по сохранению биоразнообразия в руслах и водосборных границах пограничных рек и озер;
- сформировать эффективную совместную систему оперативного реагирования, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций⁷².

Четвертый контур — контур региональной безопасности и гуманитарного сотрудничества. Контур трансрегиональной безопасности в Евразии и АТР — необходимое условие и предпосылка для

формирования остальных контуров интеграции и сотрудничества в рамках БЕП. При этом необходимо обеспечить не только национальную безопасность, но и безопасность личности, а также человеческого развития и прав человека.

Концепции безопасности личности и человеческого развития актуальны для Евразии и стран АТР в плане противодействия новым вызовам и угрозам невоенного характера, а также для обоснования более широкого, целостного подхода к обеспечению региональной безопасности. В рамках такого подхода механизмы региональной безопасности в Евразии, включая Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), могли бы быть использованы, в случае необходимости, для защиты внутренней социально-политической стабильности стран-членов и обеспечения безопасности в ходе реализации масштабных проектов экономической интеграции и торгово-экономического сотрудничества.

Позиция России в отношении создания единого пространства безопасности от Ванкувера до Владивостока и декларируемая ИПП необходимость укрепления политического взаимопонимания и совместной борьбы с традиционными и нетрадиционными угрозами безопасности, а также провозглашаемое ею «сообщество единой судьбы» позволяют решать и эту проблему, более плотно привязав к Китаю и России сопредельные страны и тем самым расширив стратегическое пространство безопасности. Объединив усилия, Китай и Россия могут способствовать формированию нового международного политического и экономического порядка. Причем не только на региональном уровне (АТР и Евразия), но и на глобальном, о чем свидетельствует присоединение к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ) практически всех союзников США⁷³.

Долгосрочность действующих и осуществление перспективных проектов ИПП находится в прямой зависимости от их безопасности. В Китае пока нет специальных исследований, в которых бы говорилось о том, каким способом КНР планирует нейтрализовать риски и угрозы для «пояса и пути». Общая аргументация китайских аналитиков сводится к следующему: поскольку концепция Шелкового пути основана на равноправии, уважении интересов и стремлении к всеобщему выигрышу и отвергает мышление холодной войны, то это

неизбежно приведет к возникновению новых правил и стандартов. Механизм конфронтации и конкуренции сменится механизмом долгосрочного сотрудничества⁷⁴.

В развитие этого общего тезиса представители китайского экспертно-аналитического сообщества предлагают и более конкретные меры. Так, для обеспечения бесперебойной деятельности трансграничных инфраструктурных объектов предлагается рассмотреть вопрос об обеспечении их безопасности силами охранных компаний, особенно если речь идет о стратегически важных объектах⁷⁵.

Вопрос о роли китайских частных военных и охранных компаний (ЧВОК) в обеспечении безопасности проектов ИПП и ЭПШП нуждается в отдельном рассмотрении. Работа китайских ЧВОК по обеспечению безопасности ЭПШП и ИПП затруднена существующей в Китае нормативно-правовой базой, регулирующей их деятельность. По уголовному законодательству КНР работники частных предприятий, носящие оружие как внутри государства, так и за рубежом, могут получить до семи лет тюрьмы. Пока в Китае идут дискуссии об отмене таких норм в отношении работников ЧВОК, действующие законы вынуждают нанимающие компании идти на хитрости.

Работа российских ЧВОК также ограничена законодательными рамками, хотя в последние годы возрастает интерес российских законодателей к использованию нерегулярных воинских формирований, включая ЧВОК, способных во многих случаях по поручению государства и за его деньги заменить регулярные войска при решении непопулярных задач.

В вышеупомянутых условиях достаточно сложно представить себе ситуацию, при которой российские и китайские ЧВОК, даже и при допущении их экстерриториальной деятельности, могли бы взять на себя задачу по обеспечению комплексной безопасности транспортно-логистических и производственных объектов ЭПШП в Евразии.

Как представляется, гарантии безопасности такого рода могут быть обеспечены лишь сотрудничеством и координацией политики КНР и РФ, в том числе в рамках ШОС. Они создадут предпосылки для устойчивого и беспрепятственного процесса реализации инициативы ЭПШП и ее сопряжения с процессами Евразийской экономической интеграции.

Культурно-гуманитарное сотрудничество, туризм, межчеловеческие обмены — существенный аспект и важный резерв обеспечения комплексной безопасности при создании БЕП. В 2017—2018 гг. активно развивается российско-китайское культурно-гуманитарное сотрудничество. Стороны придают большое значение деятельности по планированию двустороннего взаимодействия, осуществляемой Российско-Китайской комиссией по гуманитарному сотрудничеству и совместными усилиями способствуют реализации Плана действий по развитию российско-китайского сотрудничества в гуманитарной сфере.

Процесс формирования БЕП по определению не может быть простым и не дает гарантии успеха. Любой интеграционный процесс на региональном уровне занимает годы и десятилетия, а релевантного опыта межблоковых коммуникаций и развития «интеграции интеграций» в современном мире вообще очень мало.

Россия, выдвинувшая идею БЕП, а затем предложившая формировать его на базе Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс, один путь»⁷⁶, отчетливо осознавала сложности, которые могут возникнуть на этом пути. Тем более что для нашей страны основной проблемой сопряжения евразийской интеграции и ИПП является то, что она стремится обсуждать не свое подключение к ИПП, а сопряжение Инициативы с процессами евразийской интеграции в рамках ЕАЭС, то есть речь идет не о российском подключении к китайскому проекту, а о возможности сопряжения равнозначных инициатив.

Однако первые свидетельства практического воплощения концепции БЕП уже налицо. Подписание в июне 2018 г. Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕЭК и Китаем стало первым осязаемым результатом процесса сопряжения и подтвердило надежду на его благоприятные перспективы.

2.4. Новый этап работы КНР в Арктике

Значимым достижением китайской внешней политики, наглядно проявившимся в последние два года, явилось становление КНР в качестве общепризнанного и важного «игрока» в Арктике.

Можно констатировать завершение первого этапа арктической активности Китая, длившегося примерно с конца XX века. Его основные задачи не были сформулированы в официальных документах. Но судя по практическим действиям китайской стороны, такими задачами, вполне успешно решенными, стали:

- первичное накопление критического объема научной информации об Арктике, разработка теоретических и практических подходов к ее основным проблемам;
- изучение и оценка природных ресурсов и транзитных возможностей региона (прежде всего на предмет поставок в Китай арктического сырья и преодоления однобокой зависимости от Малаккских проливов);
- поэтапное встраивание Арктики в инициативу «Пояс и путь», которое шло параллельно с концептуальным оформлением самой этой инициативы (2017—2018 гг.);
- активные двусторонние контакты со всеми арктическими государствами для изыскания оптимальных «точек проникновения»;
- постепенное формирование полярного (арктического и антарктического) имиджа Китая;
- формальное признание интересов КНР в регионе через получение статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете (2013 г.).

Начало нового этапа было ознаменовано публикацией в январе 2018 г. «Арктической политики Китая»⁷⁷. Главное ее положение — недвусмысленно сформулированная заявка на активное участие в делах макрорегиона. В документе был официально закреплён известный тезис о КНР как «приарктическом государстве», определены главные политические цели страны — понимать, оберегать, развивать Арктику и участвовать в ее управлении в интересах всего мирового сообщества. Китай «как ответственная крупная держава» призвал все заинтересованные стороны к совместной работе по достижению этих целей и сотрудничеству в рамках инициативы «Пояс и путь» на ее северном маршруте — Полярном Шелковом пути.

Обращает на себя внимание ориентация документа на практическое использование потенциала Арктики и на многосторонние механизмы управления, что хорошо вписывается в общее активное по-

зиционирование Китая на мировой арене⁷⁸. Представляется обоснованным вывод д.г.н. А.Н. Пилясова, что «все действия Китая в Арктике, включая и новую официальную арктическую политику, нужно понимать в контексте его претензии на роль главного двигателя, главного сторонника, защитника и драйвера глобализации в современном мире, в том числе в Арктике»⁷⁹.

Период после принятия Арктической политики был насыщен в Китае активной и разноплановой работой. Ее характерные черты — расширение масштабов, ориентация на содержательное наполнение инициативы Полярного Шелкового пути, повышенный интерес к передовым арктическим технологиям и новым логистическим цепочкам.

Реорганизация центрального госаппарата КНР, произошедшая в марте 2018 г., затронула и полярные вопросы, вновь подчеркнув прикладной характер интереса к ним. Китайское Управление Арктики и Антарктики было напрямую подчинено вновь созданному Министерству природных ресурсов. Министерству, помимо прочего, поручено комплексно разрабатывать и реализовывать национальные стратегии в Мировом океане, глубоководных и полярных областях — которые, наряду с космосом, особо упомянуты в соответствующем законе 2015 г. как зоны обеспечения национальной безопасности⁸⁰.

Активно развиваются политические контакты Китая с арктическими государствами, включая визиты на высшем уровне. Особенно тесные отношения налажены с партнерами, ищущими точки опоры вне западного мира: Россией с ее поворотом на Восток, Исландией (ей КНР, в отличие от США и стран ЕС, оказала крупную помощь после кризиса 2007 г.) и Гренландией, которая срочно нуждается в иностранных инвестициях для достижения финансовой, а в перспективе и государственной независимости от Дании.

Компании из материкового Китая, нередко действуя через дочерние предприятия в Сянгане (Гонконге), Великобритании или Австралии, продолжают энергичные поиски деловых возможностей в Арктике. По оценкам американских экспертов М. Розена и К. Тьюрингера, за период 2005—2017 гг. инвесторы из КНР уже осуществили в восьми арктических странах капиталовложения на общую сумму 1,4 трлн долл., из них 89,6 млрд долл. — в производст-

венные, инфраструктурные, финансовые и иные проекты севернее 60° с.ш. Накопленные китайские инвестиции эквивалентны почти 6 % ВВП Исландии и 12 % — Гренландии⁸¹. В этот портфель, в частности, входят алюминиевые заводы в Исландии, ферросплавный и кремниевый — на Севере Норвегии, канадская нефтяная компания *Nexen* (имеющая допуск и к работе на норвежском шельфе). В высокой степени готовности находятся проекты строительства в Гренландии нескольких шахт, в том числе по добыче руд редкоземельных металлов и попутно — урана. Подписано, хотя пока не реализуется, соглашение об участии китайских компаний и банков в политически значимом для американцев (включая президента Д. Трампа) проекте *Alaska LNG*.

Первым зарубежным мегапроектом КНР, практически исполненным уже после выдвижения инициативы Экономический пояс Шелкового пути, стал российско-китайско-французский завод «Ямал СПГ», который был запущен в декабре 2017 г., а в ноябре 2018 г., на год раньше планового срока, вышел на максимальную мощность 16,5 млн т СПГ в год. Он имеет для России принципиальное значение как опыт масштабного сотрудничества с КНР и освоения Арктики на новых хозяйственных принципах, инструмент для закрепления страны на мировом рынке сжиженного газа и ведущий источник формирования грузовой базы для Северного морского пути (Севморпуть, СМП).

Интерес Китая также представляется многоплановым. Российские СМИ обычно лишь упоминают, что 20 % «Ямал СПГ» принадлежат Китайской национальной нефтегазовой компании и еще 9,9 % — Фонду Шелкового пути. Но реальное участие китайской стороны значительно шире: она обеспечила 63 % финансирования проекта (включая кредиты Экспортно-импортного банка и Банка развития Китая на общую сумму свыше 12 млрд долл.), закупит не менее 18 % производимого СПГ, а 45 промышленных компаний страны поставили 85 % модулей теплообменников для сжижения газа, более 20 % транспортных судов, заказали 14 из 15 танкеров для перевозки СПГ⁸². Причем теплообменники — сердцевина всей системы сжижения газа — были изготовлены в Китае впервые и возможности кооперации с российскими компаниями не рассматривались⁸³.

С ориентацией на перспективные нужды бизнесакратно расширяются масштабы научной деятельности КНР в Арктике. Долгое время у страны была лишь одна полярная станция на норвежском архипелаге Шпицберген и одно научно-исследовательское судно (НИС) ледового класса «Сюэлун», закупленное на Украине в 1990-х годах и раз в два года проводившее экспедиции в Ледовитом океане. Осенью 2018 г. открылась вторая станция в Каурхоутле (Исландия) и на воду было спущено второе полярное НИС «Сюэлун-2», построенное по финскому проекту на китайской верфи⁸⁴. Seriously прорабатываются планы строительства еще одной станции, в Гренландии. Активно развивается международное научное сотрудничество, прежде всего по линии Полярного НИИ в Шанхае, на базе которого с 2013 г. действует Китайско-североевропейский центр по изучению Арктики.

С 2018 г. китайские национальные арктические экспедиции проводятся ежегодно, имея выраженную прикладную составляющую — оценку перспектив навигации в Арктике, причем с растущим применением автоматических средств сбора информации. В ходе Пятой (2012 г.) и Восьмой (2017 г.) экспедиций НИС «Сюэлун» прошло всеми тремя арктическими маршрутами — по Севморпути, Северо-западным проходом через воды канадской Арктики и дважды в разных направлениях по спрямленной трансполярной трассе. В китайских комментариях отмечалось, что приобретенный опыт будет в дальнейшем использован торговыми судами КНР для целей коммерческого судоходства в Арктике⁸⁵.

В ходе Девятой экспедиции (июль—сентябрь 2018 г.) с борта НИС впервые спускались автономные станции и беспилотный подводный аппарат для контроля морской и ледовой обстановки. В числе приоритетов этой экспедиции официально называлось содействие строительству Полярного Шелкового пути, а у запущенного в декабре 2018 г. проекта численного прогнозирования арктической природной среды и погоды на базе спутниковых данных — также «углубление участия Китая в управлении Арктикой»⁸⁶.

Что же касается самого Полярного Шелкового пути (в узком смысле как транспортной артерии), то он по-прежнему пребывает в экспериментальной стадии, хотя китайский транзит по трассе Сев-

морпути начался еще в 2010 г., а в 2017 г. за использование СМП в контексте «пояса и пути» высказались главы России и КНР.

Китайские компании, в первую очередь *COSCO Shipping*, ежегодно направляют свои суда по СМП, но в скромных масштабах, жалуясь на недостаточную обеспеченность трассы средствами навигации и портами, способными принимать иностранные суда. Своего пика (1,26 млн т) транзит по Севморпути достиг в 2012 г., когда на него пришлось почти треть всех перевозок. Некоторое время Администрация СМП и «Росатомфлот» связывали с ним большие надежды в плане формирования грузовой базы перевозок и источника финансирования для насущно необходимого обновления ледокольного флота. Однако затем в условиях наступившего мирового кризиса объемы транзита многократно упали (до 39 тыс. т в 2015 г.), в то время как внутренние и экспортные перевозки начали устойчиво расти в связи с реализацией ряда крупных проектов по линии Минобороны, а затем «Ямала СПГ». За один 2018 г. они более чем удвоились, превысив 20 млн т, из них на транзит пришлось менее 0,5 млн т⁸⁷.

Расчеты Минприроды показывают, что даже поставленная Президентом РФ задача увеличения оборота по СМП до 80 млн т в 2024 г. принципиально разрешима на национальной базе — только добыча минерального сырья в российской Арктике (без учета северного завоза, генеральных грузов и др.) способна генерировать до 77 млн т в год⁸⁸. В этих условиях обслуживание транзита при всей его политической значимости воспринимается как сугубо вспомогательная операция.

Добавим, что в июне 2018 г. на сайте Китайской национальной атомной корпорации был объявлен тендер на проектирование атомного ледокола, а весной 2019 г. поступили сообщения о планах его практической постройки. Эти новости породили на Западе волну спекуляций по двум вопросам: идет ли речь о передаче судовых реакторных технологий из России или это оригинальная китайская разработка и, что важнее — в какой степени опыт, полученный при проектировании и строительстве ледокола, может затем быть применен верфями КНР для создания атомных авианосцев⁸⁹. С практических российских позиций, однако, более актуальным представляется другой аспект. При заявленном водоизмещении в 30 тыс. т, лишь ненамного уступающем отечественным ледоколам типа «Арктика»,

новое китайское судно будет способно расшатать 100-процентную монополию России на данном рынке и серьезно ослабить ее аргументацию в пользу своей ледокольной проводки. При этом заметно возрастет уже обозначившийся риск, что транзитные суда будут следовать по трассе СМП (или севернее, по трансполярным трассам), по возможности не заходя в российские порты. Россия в этом случае будет принимать на себя возможные экологические риски, но практически не получать экономических выгод.

Таким образом, китайская сторона де-факто не стала, по крайней мере пока, значимым транзитером по СМП, но через «Ямал СПГ» явилась активным фактором его развития изнутри России. Отметим, что реализация упомянутого сценария Минприроды предусматривает около 10,5 трлн руб. внебюджетных инвестиций до 2030 г., что в условиях западных санкций может лишь усилить опору на китайских инвесторов.

Аналогичным образом до сих пор не налажен в желаемых размерах транзит китайских грузов по Транссибирской магистрали, с которым, в частности, связывались надежды на реализацию масштабного проекта «Белкомур» с последующей перевалкой грузов в глубоководном порту Архангельска. Вместо этого в ноябре 2017 г. запущен первый проект «пояса и пути» в Северной Европе — еженедельное железнодорожное сообщение из Сианя (КНР) через Казахстан и Центральную Россию в Коуволу (Финляндия) и обратно. По очень похожему маршруту развивается и автомобильный коридор Европа—Западный Китай⁹⁰. Из Коуволы грузы могут направляться по железной дороге не только на рынки ЕС, но и в норвежский незамерзающий заполярный порт Нарвик, связанный контейнерными линиями с США и Канадой (пробные поставки китайских грузов из Нарвика уже состоялись в 2019 г.).

В целом Финляндия, руководство которой умело балансирует между Западом и Востоком, в последние годы выдвинулась в качестве важного партнера КНР, особенно в транспортной и научно-технической сферах. Эта малая страна, в 2017—2019 гг. председательствовавшая в Арктическом совете, делает упор на свое технологическое лидерство (в частности в сфере информатики и строительства ледоколов) и установила с Китаем «сотрудничество в рамках нацеленного в будущее партнерства нового типа». В ходе визита прези-

дента Финляндии С. Ниинистё в Пекин (январь 2019 г.) две страны приняли комплексный план совместных действий, который, по оценке Си Цзиньпина, призван стать «дорожной картой продвижения всех областей взаимоотношений»⁹¹. Особый интерес в КНР вызывают финские арктические проекты мультимодальных перевозок и прокладки волоконно-оптической линии связи (ВОЛС) из Западной Европы через Финляндию и Северную Норвегию и далее по трассе СМП в Восточную Азию.

С отработкой транспортных путей в Арктику связана еще одна мощная тенденция последних лет — взрывной рост китайского въездного туризма, превратившегося в значимый фактор развития мирового Заполярья. По оценкам, на китайцев уже приходится 25—30 % всего турпотока в Арктику⁹². С позиций международной политики, развитие туризма привлекательно в нескольких аспектах.

Прежде всего, это не просто «низкобюджетный», а прибыльный (для государства и инвесторов) способ обеспечения национального присутствия в Арктике — причем очевидного, с учетом нетипичной для региона внешности китайских туристов. Одновременно с этим, «пропуская» через полярные области большое число своих граждан, государство радикально повышает степень осведомленности о них населения. В совокупности два этих обстоятельства мощно работают на формирование имиджа КНР как «приарктического государства» вне и внутри страны.

Кроме того, туризм — очень эффективный способ установления широких связей с принимающими странами на народном уровне (человеческое измерение арктической политики). А регулирование этого потока, как показывает опыт ряда азиатских стран, может служить для КНР эффективным средством и поощрения, и напротив, «наказания» их экономик⁹³.

Наконец, массовое присутствие китайских туристов в полярных районах создает основания для регулятивной деятельности государства (пусть и ограниченной лишь природоохранными вопросами и относящейся только к собственным гражданам и юридическим лицам). В новой редакции правил поведения китайских граждан за рубежом, недавно выпущенной Государственным управлением по делам туризма КНР, появились специальные нормы в отношении Арктики и Антарктики. В начале 2018 г. Государственное океаноло-

гическое управление обнародовало проект специального регламента по туризму в Антарктике, который предусматривал и санкции за его нарушение⁹⁴. С учетом этих обстоятельств можно прогнозировать как дальнейший рост китайского туристического потока в полярные области, так и совершенствование его регулирования⁹⁵.

Оценивая перспективы китайской арктической деятельности в целом, можно выделить следующие долгосрочные тенденции, возможности и риски.

Прежде всего, интерес КНР к Арктике, как и Антарктике, носит долгосрочный стратегический характер. В пользу этого говорят и тексты официальных документов, и реально осуществляемые масштабные инвестиции в добычу арктических ресурсов и строительство ледоколов.

По своей значимости проблема далеко выходит за узкие рамки отдельных проектов или даже региона как такового. Емкую формулировку предложила новозеландская исследовательница Э.-М. Брейди в монографии «Китай как великая полярная держава», вышедшей в 2017 г. в Кембриджском университете: «Быстрое возвышение Китая в полярных регионах шло параллельно с развитием китайской экономики, усилением политической и военной мощи Китая. Если Китаю удастся добиться в Заполярье своих основных целей, то он, несомненно, состоится как новая глобальная великая держава. Складывается новый миропорядок, и Китай намерен находиться в самом его сердце»⁹⁶.

Можно ожидать, что со временем китайская сторона будет добиваться все более широких прав участия в управлении регионом, действуя под лозунгами неделимости арктической экосистемы и свободы мореплавания в Арктике. В Синей книге по Арктическому региону, опубликованной в ноябре 2018 г. издательством Академии социальных наук (Пекин) и Океанским университетом Китая (Циньдао), уже прямо утверждается, что в глобальном управлении Арктикой КНР из страны, действующей по заданным правилам, превратилась в страну, которая их устанавливает⁹⁷. Институционально процесс может идти как через модификацию механизмов принятия решений в Арктическом совете, так и через продвижение параллельных структур. Среди них следует особо упомянуть очень представительный политико-практический форум «Арктический

круг», основанный в 2013 г. тогдашним президентом Исландии О.Р. Гримссоном.

При этом Китай объективно заинтересован в низком уровне напряженности в Арктике, поскольку ремилитаризация чревата ее новым разделом на сектора влияния прибрежных государств и «закрытием» от третьих стран. Отсюда ставка на мирное, многостороннее и взаимовыгодное сотрудничество в Арктике, неоднократно повторенная в китайских официальных документах и выступлениях специалистов. Западные эксперты отмечают, в частности, что в отличие от того же Южно-Китайского моря в Заполярье КНР намеренно избегает конфронтационного развития событий⁹⁸.

В последнее время, однако, на обострение отношений с Китаем, в том числе и в Арктике, все чаще идут другие страны. Массированный рост внешних инвестиций КНР (причем по жесткой модели «пояса и пути», которая предусматривает всестороннее доминирование китайской стороны) наталкивается на растущее сопротивление как развивающихся стран-реципиентов, так и Запада⁹⁹. Достаточно вспомнить торговую войну, объявленную Китаю президентом США Д. Трампом, или крайне жесткий в отношении КНР документ, выпущенный в марте 2019 г. Европейской комиссией¹⁰⁰.

С 2017 г. в действиях американского политического и особенно военного руководства проявилась новая, весьма неблагоприятная тенденция — проецировать на Арктику глобальную стратегию сдерживания России и Китая с упором на военно-морские силы¹⁰¹. Отношения в этом «треугольнике» будут, видимо, и далее усложняться, особенно с учетом других, попарно совпадающих интересов: у России и США — в недопущении излишней «интернационализации» Арктики, у США и КНР — в продвижении принципа свободы мореплавания. А к союзникам по НАТО применяется прямое политическое давление в целях ограничить их сотрудничество с Китаем. Яркими примерами этого стали визит Госсекретаря США М. Помпео в Исландию в феврале 2019 г. и мощный нажим на власти Дании, чтобы те блокировали китайские проекты в Гренландии — покупку бывшей военно-морской базы, строительство научной станции и реконструкцию трех международных аэропортов острова.

Ожидаемые затруднения с проникновением Китая в «натовскую» Арктику будут объективно повышать для него значимость

России как надежного политического партнера и единственного арктического соседа. Навигация по СМП, природные ресурсы российского Заполярья, мощный технологический задел и вековой опыт освоения Арктики представляют несомненные конкурентные преимущества нашей страны.

В то же время подход китайцев к Крайнему Северу отчетливо прагматичен: они реализуют проекты, прежде всего, сравнительно недорогие (например, научные экспедиции или туризм) либо высококорентабельные. Арктическая политика Китая по многим направлениям сформулирована весьма и, видимо, намеренно широко, оставляя свободу выбора содержательных, географических и отраслевых приоритетов. Очевидно, что проектам, желающим включиться в программу Полярного Шелкового пути, предстоит достаточно жесткая конкуренция с иными частями света и друг с другом по таким критериям, как инфраструктурная обеспеченность, политическая значимость и сроки возврата китайских инвестиций.

Эту задачу хорошо осознают и политическое руководство¹⁰², и экспертное сообщество России¹⁰³, хотя практическая работа, как представляется, отстает от реальных потребностей жизни.

Безусловно позитивным фактом стало объединение проблематики Дальнего Востока и Арктики в рамках общего федерального министерства, позволяющее комплексно подходить к развитию этих крупных (и актуальных в китайском контексте) макрорегионов. Однако либеральный монетаризм, по-прежнему составляющий основу экономической политики страны, несовместим с полноценной работой на общенациональный результат, особенно в условиях сотрудничества-конкуренции с китайскими партнерами, которые опираются на долгосрочное планирование и многоплановую государственную поддержку.

Либерализм в финансовой сфере приводит к обескровливанию экономики и неспособности российской стороны реализовывать на равных совместные инвестиционные проекты с китайцами. Академик РАН, советник президента РФ С.Ю. Глазьев, полемически заостряя проблему, отмечал в этой связи: «В Китае огромный поток долгосрочных кредитов, благодаря которым финансируются гигантские инфраструктурные стройки, мы знаем, что монетизация китайской экономики в 4 раза превышает российскую, а количество денег

уже в 25 раз больше, чем в России. У нас долгосрочных кредитных ресурсов просто нет вообще»¹⁰⁴.

В сфере региональной политики либерализм, тяготеющий к радикальным идеям «новой экономической географии», оказывается неспособен представить долгосрочное целостное видение развития России, включая ее Арктическую зону (АЗРФ), со всем разнообразием ее природно-климатических условий, ресурсной обеспеченности и географического положения. Это наглядно проявилось при обсуждении правительственного проекта Стратегии пространственного развития России, который фактически призывал сосредоточить население и экономический потенциал страны в двух десятках агломераций на фоне запустения остальной колоссальной территории. Итоговый вариант Стратегии (утвержденной с большой задержкой 13 февраля 2019 г.) был дополнен многочисленными предложениями федеральных и региональных госструктур и оказался более сбалансированным. Но при этом он дает мало конкретных ориентиров для регионального развития, несмотря на отнесение АЗРФ к приоритетным геостратегическим территориям¹⁰⁵.

Применительно к Крайнему Северу либеральный подход вылился в две редакции законопроекта (так в итоге и не внесенного в Государственную Думу), где все развитие АЗРФ сводилось к закрытым «опорным зонам» — привилегированным сырьевым мегапроектам, реализуемым инвесторами-монополистами при поддержке государства и практически не приносящим пользы окружающим территориям. Стратегическое планирование и учет мнения местного населения в АЗРФ не предусматривались. По сути, Заполярье предлагалось отдать на откуп крупным коммерческим структурам (в том числе с иностранным капиталом), способным пролоббировать интересные для них проекты¹⁰⁶.

Такие подходы нельзя считать отвечающими долгосрочным целям России в Арктике, но они хорошо сочетаются с логикой «пояса и пути», как наглядно продемонстрировал «Ямал СПГ». Отметим также, что проект получил масштабные налоговые и иные льготы: освобождение от НДС и экспортных пошлин, право самостоятельно экспортировать 100 % продукции, сооружение порта, портового ледокольного флота и аэропорта за счет бюджетных средств и др. Размер его господдержки беспрецедентен для России, но теперь это бу-

дет невольно восприниматься инвесторами как исходная база для сравнения с другими проектами, включая тот же «Арктик СПГ 2».

Признаком постепенного преодоления этих подходов можно считать майский указ Президента России 2018 г. о национальных целях до 2024 г. В нем, помимо прочего, поставлены масштабные задачи по развитию транспортной системы, хорошо сопрягающиеся с «поясом и путем»: ускоренное строительство автодороги «Европа—Западный Китай», повышение на 50 % пропускной способности Транссиба и БАМа, четырехкратное увеличение грузоперевозок по СМП и транзита контейнеров по железным дорогам и др.¹⁰⁷ В целом, однако, необходимо более глубокое осмысление и национальных интересов России, и задач взаимодействия с КНР в Арктике. Оптимальным было бы провести эту работу в рамках подготовки новой стратегии развития АЗРФ до 2035 г.

Примечания

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1423> (дата обращения: 01.04.2019). См. также: Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642 (дата обращения: 01.04.2019).

² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества. Москва, 8 мая 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4969> (дата обращения: 01.04.2019).

³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Москва, 8 мая 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 01.04.2019).

⁴ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности. Пекин // Портал Президента РФ. 25 июня 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5098> (дата обращения: 01.04.2019).

⁵ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о текущей ситуации в мире и важных международных проблемах. Москва // Портал Президента РФ. 4 июля 2017 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5219> (дата обращения: 01.04.2019).

⁶ Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова. Москва // Информ. портал МИД РФ. 4 июля 2017 г. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNImL/content/id/2807662 (дата обращения: 01.04.2019).

⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Пекин // Портал Президента РФ. 8 июня 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5312> (дата обращения: 01.04.2019).

⁸ СБ ООН. Голосование по резолюциям. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/voting-system> (дата обращения: 01.04.2019).

⁹ Security Council — Veto List (in reverse chronological order). URL: <http://research.un.org/en/docs/sc/quick/veto> (дата обращения: 01.04.2019).

¹⁰ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Портал Президента РФ. 16 июля 2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 01.04.2019).

¹¹ Жуань Цзунцзэ: цзайгоцзи юйлунь чан шан баочи дин ли хэ вэйсяо : [Жуань Цзунцзэ: сохранять решительность и улыбку на международных площадках] // Хуанью шибао. 24.01.2019. URL: <http://opinion.huanqiu.com/hqpl/2019-01/14146160.html> (дата обращения: 01.04.2019).

¹² Российско-китайская научная конференция по сотрудничеству в рамках ОПОП. Ухань (КНР), 2 ноября 2018 г.

¹³ Ван Хайюнь. Чжунэ гуаньси вэйхэнэн «цзянь жу паныши» : [Почему китайско-российские отношения могут быть «тверды, как камень»] // Хуанью шибао. 11.01.2019. URL: <http://opinion.huanqiu.com/hqpl/2019-01/14032620.html> (дата обращения: 01.04.2019).

¹⁴ Российско-китайская научная конференция по сотрудничеству в рамках ОПОП. Ухань (КНР), 2 ноября 2018 г. URL: <http://www.cibos.whu.edu.cn/index.php?id=1078> (дата обращения: 01.04.2019).

¹⁵ Гоцзисинши хэ Чжунго вайцзяо ланьпишу 2018 : [Синяя книга Международная обстановка и китайская дипломатия (2018)] // Монография Китайской академии международных проблем. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2018. С. 29.

¹⁶ Ван Хайюнь. Указ. соч.

¹⁷ У Жицян: Чжунго бу ин цзяжу чжун дао тьяоюэ дэ лию : [У Жицян: причины почему Китай не должен вступать в ДРСМД] // Хуанью шибао. 07.11.2018.

URL: <http://opinion.huanqiu.com/hqpl/2018-11/13472646.html> (дата обращения: 01.04.2019).

¹⁸ Официальный сайт МИД КНР, 17 февр. 2019. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1638518.shtml> (дата обращения: 01.04.2019).

¹⁹ China imposes gag on domestic media coverage of N. Korea. 16.10.2017 // KYODONEWS. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2017/10/7d7c3d31a321-c-hina-imposes-gag-on-domestic-media-coverage-of-n-korea.html> (дата обращения: 23.09.2018).

²⁰ Китай ввел ограничения на торговлю с КНДР // Международное радио Кореи. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=51273&id=In (дата обращения: 24.09.2018).

²¹ Почему Китай не будет спасать КНДР // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Pochemu-Kitai-ne-budet-spatat-K-NDR-19339> (дата обращения: 28.03.2018).

²² Чхон Пхиль. Почему они высокомерно вторгаются в чужие дела // Нодон синмун. 8 февр. 2018.

²³ Taiwan Travel Act to jeopardize Taiwan's future // Global Times. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1084181.shtml> (дата обращения: 23.09.2018).

²⁴ Taiwan Travel Act to meet countermeasures // Global Times. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1094591.shtml> (дата обращения: 23.09.2018).

²⁵ How China should respond to US-NK talks // Global Times. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1092615.shtml> (дата обращения: 23.09.2018).

²⁶ Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks in Beijing // Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-03/28/c_137070598_2.htm (дата обращения: 29.03.2018).

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Ким Чен Ын пообещал вывести отношения КНДР и КНР на новый уровень // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ad2c2d69a79478a5e5fa037?from=newsfeed> (дата обращения: 23.09.2018).

³⁰ СМИ: Ким Чен Ын не стал встречаться с китайским посланником. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2017/11/22/22490072/> (дата обращения: 23.09.2018).

³¹ Ли Чжаньшу передал лидеру КНДР письмо от Си Цзиньпина // Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2018-09/10/c_137456756.htm (дата обращения: 23.09.2018).

³² Лавров: США должны предоставить КНДР «железобетонные» гарантии безопасности // ТАСС. URL: <http://tass.ru/politika/5110400> (дата обращения: 23.09.2018).

³³ Там же.

³⁴ Fragile peace prospects on Korean Peninsula // Global Times. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1102592.shtml> (дата обращения: 23.09.2018).

³⁵ US should adapt to North Korea's change // Global Times. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1103027.shtml> (дата обращения: 23.09.2018).

³⁶ Pragmatism will lead to successful Kim-Trump meeting // Global Times. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1101861.shtml> (дата обращения: 23.09.2018).

³⁷ Ли До Хун встретится в Санкт-Петербурге с Игорем Моргуловым // Международное Радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56876 (дата обращения: 03 апреля 2019 г.).

³⁸ China Doubles Oil Shipments to N.Korea After Kim's Visit // Chosun Ilbo. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2018/07/19/2018071901286.html (дата обращения: 23.09.2018).

³⁹ China Helps Ease North Korea Power Shortage Despite UN Sanctions // Radio Free Asia. URL: <https://www.rfa.org/english/news/korea/power-07312018152744.html> (дата обращения: 23.09.2018).

⁴⁰ Россия возобновила экспорт угля через КНДР // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5b8faad29a79471cf2d7b526?from=newsfeed> (дата обращения: 23.09.2018).

⁴¹ Делегация российских сенаторов посетила КНДР // Международное Радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56973 (дата обращения: 03.04.2019).

⁴² Китай выпустил указание прекратить финансовые операции с КНДР // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20181114/1532737934.html> (дата обращения: 20.11.2018).

⁴³ Почему китайские банки соблюдают санкции США против россиян // Форбс. URL: http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/369239-pochemu-kitayskie-banki-soblyudayut-sankcii-ssha-protiv-rossiyan?fbclid=IwAR06NyfJAMuWxT1UgWKcKTCvXnzul4ROqBV6HvP_G6mdmPUa3donCevHvM (дата обращения: 20.11.2018).

⁴⁴ Лавров назвал способ решения корейского ядерного вопроса // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5b0f96949a794749561aceb6?from=newsfeed> (дата обращения: 03.04.2019).

⁴⁵ Россия и КНР против запрета на поставки в КНДР нефтепродуктов // Международное Радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=r&menu_cate=issues&id=&board_seq=339993&page=0&board_code= (дата обращения: 24.09.2018).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Китай за смягчение антисеверокорейских санкций по мере решения ядерной проблемы Севера // Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=53466&id=In (дата обращения: 24.09.2018).

⁴⁸ Россия и КНР против запрета на поставки в КНДР нефтепродуктов // Международное Радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=53853 (дата обращения: 24.09.2018).

⁴⁹ Россия попытается убедить США в необходимости смягчения антисеверо-корейских санкций // Международное Радио Кореи.

⁵⁰ Совместное информационное коммюнике о трехсторонних консультациях заместителей министров иностранных дел Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики // МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAI/content/id/3370331 (дата обращения: 11 октября 2018).

⁵¹ Россия призвала улучшить тяжелую гуманитарную ситуацию в КНДР // Международное Радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55301 (дата обращения: 11.11.2018).

⁵² Постпред Китая при ООН приветствовал шаги по улучшению ситуации на Корейском полуострове // Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55199 (дата обращения: 13.12.2019).

⁵³ North beefing up ties with its traditional allies // Korea Joongang Daily. URL: <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/Article.aspx?aid=3060720> (дата обращения: 13.12.2019).

⁵⁴ РК наращивает сотрудничество с мировым сообществом в решении проблем КНДР // Международное Радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56849 (дата обращения: 13.12.2019).

⁵⁵ Глава секретариата госсовета КНДР Ким Чхан Сон побывал с визитом в Москве // Международное Радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56947 (дата обращения: 13.12.2019).

⁵⁶ Китай за смягчение антисеверо-корейских санкций по мере решения ядерной проблемы Севера // Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=53466&id=In (дата обращения: 24.09.2018).

⁵⁷ Глава МИД Китая призвал Сеул решить вопрос с ПРО ТНААД // Международное Радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=54047 (дата обращения: 24.09.2018).

⁵⁸ Представители МИД РК и Китая обсудили вопрос заключения мира на Корейском полуострове // Международное Радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=54073 (дата обращения: 24.09.2018).

⁵⁹ WSJ рассказала о нарушающих северо-корейские санкции кораблях // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/01/2018/5a6114949a7947ac320c125d?from=main> (дата обращения: 24.09.2018).

⁶⁰ Госдеп обвинил Россию в нарушении резолюции Совбеза ООН в отношении КНДР // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5a6f9bd29a7947fed60d290d?from=newsfeed> (дата обращения: 24.09.2018).

⁶¹ Reuters сообщил о поставках оружия КНДР в Сирию // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/02/2018/5a74f93a9a79470a2ad27df0?from=main> (дата обращения: 24.09.2018).

⁶² Пекин призвал выполнять все резолюции по КНДР // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20180205/1513988938.html> (дата обращения: 24.09.2018).

⁶³ Reuters узнал о просьбе США внести российский банк в черный список ООН // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5b649b239a7947b5799bb43c?from=newsfeed> (дата обращения: 24.09.2018).

⁶⁴ Посол в КНДР опроверг работу северокорейцев в России вопреки санкциям ООН // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5b643f4e9a79479ba5a3b1e5?from=newsfeed> (дата обращения: 24.09.2018).

⁶⁵ Под американские санкции из-за КНДР попали россиянин и его компания // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/08/2018/5b7445ac9a79470ab2b75020?from=newsfeed> (дата обращения: 24.09.2018).

⁶⁶ США расширили санкционный список против КНДР // Международное Радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=54579 (дата обращения: 24.09.2018).

⁶⁷ Минфин США ввел санкции против двух китайских компаний // Международное Радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56936 (дата обращения: 03.04. 2019).

⁶⁸ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 27 октября 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53151>

⁶⁹ Новое позиционирование Российской Федерации в глобальном хозяйстве — возможности и перспективы. Фонд «Институт современного развития» по заказу Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив. М., сентябрь 2015. С. 108.

⁷⁰ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>

⁷¹ *Ли Синь*. Китайский взгляд на создание евразийского экономического пространства // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., ноябрь 2016. С. 9.

⁷² Проект Резолюции Забайкальского форума приграничного сотрудничества — 2015 / Российская Федерация, Забайкальский край, г. Чита, 18 ноября 2015 г.

⁷³ *Сыроежкин К.* Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП // Россия и новые государства Евразии. № 2 (31). С. 51.

⁷⁴ *Лузянин С.Г.* ШОС, китайский проект «Шелкового пути» и Евразийский экономический союз: варианты взаимодействия/сопряжения в Евразии // Китай в мировой и региональной политике. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 83.

⁷⁵ Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задач // Аналитический доклад. М.: Научный эксперт, 2016. С. 46—48.

⁷⁶ *Путин Владимир*. XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56023>

⁷⁷ China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498.htm (дата обращения: 04.03.2019).

⁷⁸ О позиционирования КНР в мире см., например: *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. 240 с.

⁷⁹ *Пилясов А.Н.* Магнит глобализации — Арктическая политика Китая // Арктика: экология и экономика. 2018. № 3. С. 112.

⁸⁰ Закон КНР «О государственной безопасности», ст. 32. URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_state_security_law_2015_russian/ (дата обращения: 04.03.2019).

⁸¹ *Rosen M.E., Thuringer C.B.* Unconstrained Foreign Direct Investment: An Emerging Challenge to Arctic Security // CNA's Occasional Paper COP-2017-U-015944-1 Rev. Arlington: CNA, 2017. P. 54.

⁸² *Цзун Хэ.* Проект в рамках «Ледового Шелкового пути» // Китай. 2018. № 1. С. 46—47.

⁸³ *Крюков В.А., Крюков Я.В.* Как раздвинуть рамки арктических проектов // ЭКО. 2017. № 8. С. 16.

⁸⁴ *Gady F.-S.* China Launches First Domestically Built Polar Icebreaker. URL: <https://thediplomat.com/2018/09/china-launches-first-domestically-built-polar-icebreaker/> (дата обращения: 04.03.2019).

⁸⁵ *Fife R., Chase S.* China used research mission to test trade route through Canada's Northwest Passage // The Globe and Mail. 2017. September 10; *Tang Shihua.* Chinese Scientific Research Ship Xuelong Completes First Test Run Through Arctic Northwest Passage. URL: <https://www.yicaiglobal.com/news/chinese-scientific-research-ship-xuelong-completes-first-test-run-through-arctic-northwest> (дата обращения: 04.03.2019).

⁸⁶ China begins 9th Arctic expedition to help build 'Polar Silk Road' // Global Times. 2018. July 21; *Eiterjord T.A.* China's Busy Year in the Arctic. URL: <https://thediplomat.com/2019/01/chinas-busy-year-in-the-arctic> (дата обращения: 04.03.2019).

⁸⁷ Тезисы доклада Ю.А. Цветкова на расширенном совместном заседании Коллегии Федерального агентства морского и речного транспорта и Общественного совета при Росморречфлоте 27.03.2019. URL: <http://www.morflot.ru/files/files/Доклад%20Ю.А.%20Цветкова%2027%2003%2019.docx> (дата обращения: 04.03.2019).

⁸⁸ Комплексный план «Реализация минерально-сырьевого и логистического потенциала Арктики», разработанный Минприроды России, направлен в Правительство РФ. URL: http://mnr.gov.ru/press/news/kompleksnyu_plan_realizatsiya_

mineralno_syrevogo_i_logisticheskogo_potentsiala_arktiki_razrabotannuyu (дата обращения: 04.03.2019).

⁸⁹ *Humpert M.* China's first nuclear icebreaker could serve as test platform for future nuclear aircraft carriers // URL: <https://www.arctictoday.com/chinas-first-nuclear-icebreaker-could-serve-as-test-platform-for-future-nuclear-aircraft-carriers>

⁹⁰ Международный транспортный маршрут «Европа—Западный Китай». URL: <https://www.mintrans.ru/activities/215/217/25/28> (дата обращения: 04.03.2019).

⁹¹ Xi: China, Finland to team up. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201901/15/WS5c3d3492a3106c65c34e474b.html> (дата обращения: 04.03.2019).

⁹² *Meesak D.* Chinese Tourism to the Arctic Is Booming. URL: <https://skift.com/2018/02/03/chinese-tourism-to-arctic-destinations-is-booming> (дата обращения: 04.03.2019).

⁹³ *Rees E.* China's Unlikely Weapon: Tourists. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/chinas-unlikely-weapon-tourists> (дата обращения: 04.03.2019).

⁹⁴ China mulls regulation on Antarctic activities. URL: <http://english.china.com/news/china/54/20180201/1195858.html> (дата обращения: 04.03.2019).

⁹⁵ *Криворотов А.К.* Полярная политика Китая: набирая обороты, обретая рамки, умножая векторы // Китай в мировой и региональной политике. Вып. 23 / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 183—199.

⁹⁶ *Brady A.-M.* China As a Polar Great Power. Cambridge: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 2017. P. 377.

⁹⁷ *Liu Caiyu.* China's role in Arctic governance 'cannot be ignored'. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1128626.shtml> (дата обращения: 04.03.2019).

⁹⁸ *Grady J.* Panel: China Investing in Infrastructure Near the Arctic. URL: <https://news.usni.org/2018/04/27/panel-china-investing-infrastructure-near-arctic> (дата обращения: 04.03.2019).

⁹⁹ *Лукониц С.* Под маской «благодетеля» // Эксперт. 2019. № 7. С. 38—43.

¹⁰⁰ EU — China. A strategic outlook / JOIN(2019) 5 final. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council. Strasbourg, 2019. 11 p.

¹⁰¹ *Gehrke J.* 'It's nobody's lake': US admiral warns China and Russia over Arctic // Washington Examiner. 2019. February 20.

¹⁰² Владимир Путин принял участие в пленарном заседании IV Международного арктического форума «Арктика — территория диалога». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54149> (дата обращения: 04.03.2019).

¹⁰³ *Петровский В.Е., Филиппова Л.В.* Стратегия Китая по освоению Арктики и перспективы российско-китайского сотрудничества в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2018.

С. 180; *Горохова А.* 2018-й — год Арктики по китайскому календарю? URL: <https://regnum.ru/news/polit/2543054.html> (дата обращения: 04.03.2019).

¹⁰⁴ *Глазьев С.* Почему «Один пояс — один путь» не сопрягается с Россией? URL: <http://adi19.ru/2019/03/04/pochemu-odin-royas-odin-put-ne-sopryagaetsya-s-rossiej> (дата обращения: 04.03.2019).

¹⁰⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2019. № 7 (Ч. 2). Ст. 702.

¹⁰⁶ Подробнее см., например: *Криворотов А.К.* Проблемы законодательного обеспечения развития Арктической зоны России // *Север и рынок: формирование экономического порядка.* 2018. № 2. С. 4—15.

¹⁰⁷ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2018. № 20. Ст. 2817.

Глава III

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

3.1. Общее состояние современных российско-китайских отношений

В настоящее время можно констатировать, что развитие совокупного политического, экономического и военно-технического потенциала Китая и России привело к созданию такой ситуации, при которой оба государства явили собой один из важных центров и факторов формирования нового мирового порядка. И это не устраивает некоторых мировых акторов, по-прежнему стремящихся сохранить свое экономическое, финансовое и военно-политическое доминирование на международной арене.

В результате складывается новая международная обстановка, при которой усиливаются тенденции противостояния, противодействия поступательному развитию наших двух государств. Ныне против России и Китая все чаще и все агрессивнее применяются методы нетрадиционного давления: торгово-экономические и технологические санкции и ограничения, политический нажим и т. п. В результате возникает необходимость выстраивать и развивать российско-китайский диалог по-новому — с учетом меняющейся международной обстановки.

Итоги серии российско-китайских встреч на высшем уровне, состоявшихся за последние годы, подтверждают неоднократно высказывавшуюся экспертами оценку о том, что в отношениях всеобъ-

емлющего стратегического партнерства и взаимодействия двух стран постепенно вызревают элементы нового качества.

Выступая 14 мая 2018 г. на открытии Международного форума «Один пояс, один путь» в Пекине, посвященного китайским инициативам Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века, президент России В.В. Путин подчеркнул: «Наш континент — это родина великих цивилизаций. Народы с разными культурами и традициями веками жили рядом друг с другом, торговали. Необходимо снимать инфраструктурные ограничения для интеграции и создавать систему современных, связанных транспортных коридоров. Россия с ее уникальным географическим положением готова к такой совместной работе»¹. По его словам, инфраструктурные проекты, заявленные в рамках ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь», в связке с Северным морским путем способны создать принципиально новую транспортную конфигурацию Евразийского континента.

Последовавшие за Форумом в Пекине встречи В.В. Путина с китайским руководителем на саммитах ШОС, БРИКС, а также летний визит в Россию Председателя КНР Си Цзиньпина показали, что Москва и Пекин находятся в активном поиске новых форм взаимодействия, нового качества двусторонних отношений.

В начале июня 2019 г. в принятом во время очередного российско-китайского саммита в Москве Совместном заявлении, председатель КНР Си Цзиньпин, давая оценку состоявшимся в Кремле переговорам и современному состоянию двусторонних отношений, заявил: «Мы с президентом Путиным едины в том, что китайско-российское всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие достаточно зрелое, стабильное и крепкое. Среди отношений мировых держав они отличаются своим высочайшим уровнем, богатейшим содержанием и важнейшим стратегическим значением».

Тогда же оба лидера подчеркнули, что они готовы «укреплять решимость и предпринимать больше практических мер для расширения и углубления многопланового сотрудничества, чтобы китайско-российские отношения добились новых результатов в новую эпоху»².

Продвижение Китая и России в новую эпоху сегодня опирается на весьма прочный политико-правовой фундамент, созданный двумя странами за последние 20 лет. Он охватывает практически все стороны двусторонних межгосударственных и межкультурных отношений, формируя новую обстановку в российско-китайских связях, укрепляя взаимопонимание и общее стремление к процветанию, чувство общности судеб двух соседних народов и государств.

Напомним, что сегодня очень тесно взаимодействуют отраслевые министерства и ведомства двух стран, включая те учреждения, от которых зависят обеспечение безопасности, обороны и мирное развитие России и КНР. Налажены обмены по парламентской и общественной линиям. Однако основой сотрудничества по-прежнему остаются вопросы экономического диалога.

* * *

Торгово-экономическое сотрудничество, как и весь комплекс российско-китайских отношений, развивается по восходящей. Прежде всего, рассмотрим ситуацию в двусторонней торговле. 2015 г. оказался временем резкого «обвала» двустороннего товарооборота, что было вызвано падением цен на нефть и санкциями со стороны Запада. В 2016 г. объем торговли между РФ и КНР вырос на 2,2 %, составив 69,525 млрд долл. В 2017 г. взаимная торговля увеличилась уже на 20,8 % — до 84,07 млрд долл., вернувшись к показателям 2013—2014 гг.³

Несмотря на трудности, российская экономика адаптировалась к санкционным условиям и возобновила рост. Эта тенденция сказалась на всем спектре экономического взаимодействия России с внешним миром, объективно простимулировав сотрудничество РФ с Китаем.

По итогам 2017 г. товарооборот между нашими странами составил 87 млрд долл. В нем возросла доля продукции с высокой степенью переработки — машин, оборудования и транспортных средств. По итогам 2018 г. впервые удалось преодолеть 100-миллиардную отметку в двусторонней торговле, объем которой увеличился по сравнению с предыдущим годом на 27,1 % и достиг 107 млрд долл.

Объем взаимной торговли между Россией и Китаем с января по апрель 2019 г. увеличился на 5,8 % по сравнению с тем же периодом 2018 г. и составил 33,17 млрд долл.

За первые четыре месяца 2019 г. экспорт из Китая в Россию вырос на 3,4 % — до 14,36 млрд долл. Поставки российских товаров и услуг в КНР увеличились на 7,6 % и достигли 18,8 млрд долл.

Торговля Китая с Россией продолжает расти, даже несмотря на снижение общего внешнего товарооборота КНР с января по апрель на 1,1 % (до 1,399 трлн долл.). В таких условиях задача по доведению объема торговли до 200 млрд долл. видится достижимой уже в ближайшей пятилетке.

Следует отметить и рост трансграничной электронной торговли между КНР и Россией, ибо она стала одним из важных факторов, стимулирующих российско-китайские торгово-экономические отношения в целом. По информации Министерства коммерции КНР, объем трансграничной электронной торговли за 9 месяцев 2018 г. составил 3,7 млрд долл.

Онлайновая торговля с Китаем стала развиваться примерно с середины первого десятилетия нынешнего столетия. Очень быстро онлайн-покупки в Китае стали настолько популярными среди наших потребителей, что ими очень быстро заинтересовались не только таможенные структуры, но и компании, специализирующиеся на экспресс-доставке. По данным, например, «Почты России», ожидалось, что в 2019 г. количество почтовых отправок, а это один из популярных способов доставки небольших посылок-приобретений в интернет-магазинах Китая, возрастет на 10—15 %. В результате эта российская корпорация запускает новое направление авиадоставки почтовых отправок из Нанкина в Москву.

Ранее были налажены авиарейсы по доставке почтовых отправок по направлениям Ханчжоу—Новосибирск, Ханчжоу—Казань, Чжэнчжоу—Новосибирск, Харбин—Екатеринбург и другим. Формирование сети доставки грузов, поступающих по линии электронной торговли, оправдывает себя. По данным той же «Почты России», более 90 % международных посылок в Россию приходит именно из Китая.

Онлайновая торговля сегодня стала важным компонентом международных торговых операций. Именно поэтому в конце января те-

кушего года на неформальном заседании министров по электронной коммерции в швейцарском Давосе 76 членов Всемирной торговой организации (ВТО) приняли «Совместное заявление о развитии электронной коммерции». Этот документ подписали также Россия и Китай. Тем самым они подтвердили готовность к началу многосторонних переговоров по электронной торговле, что фактически означает готовность к дальнейшему формированию и упорядочению еще одного сегмента международной деловой активности. Но при этом они не забывают и о совершенствовании электронной торговли между собой.

С ростом интереса российских потребителей к дешевым товарам из Китая стали возникать новые формы электронного шоппинга. Среди них самым популярным стал способ совместных зарубежных покупок. Как считают российские специалисты, например, новосибирская исследовательница Н.А. Решетина, покупательский интерес к Китаю был вызван тем, что КНР обладала рядом преимуществ по сравнению с другими странами. Среди них — невысокая цена товара, широкий ассортимент, развитые торговые интернет-площадки вроде Таобао или Алибаба, относительно низкие расходы на транспортировку товаров.

Форма совместных зарубежных закупок привела к созданию целого направления в электронной торговле, объединившего не только интернет-магазины, но и компании, занимающиеся доставкой, таможенными формальностями, платежами и другими услугами. Более того, как это бывало и раньше, возникли даже серые зоны, в которых не совсем легальным способом решались таможенные и прочие проблемы. Но в то же время появлялись положительные элементы в виде сокращения сроков и уменьшения стоимости доставки. Конечно, все эти компоненты нуждаются в дальнейшем совершенствовании, но важно то, что процессы идут активно, проблемы решаются, хотя и бывают издержки в виде сохраняющейся «серой растаможки» и различных видов мошенничества.

Тем не менее, дальнейшее развитие электронной торговли между двумя нашими странами привело к массовому приходу на российский потребительский рынок китайских интернет-магазинов. Китайские онлайн-торговые площадки, работающие с российскими потребителями, сегодня стараются исключить риски мошен-

нических действий со стороны субъектов электронной торговли, стремятся выработать механизмы финансовой защиты покупателей, обеспечить гарантии в случае отправки бракованных изделий и товаров.

По мнению специалистов, рынок электронной торговли постепенно стабилизируется при одновременном расширении его возможностей. Параллельно снижается число афер со стороны организаторов онлайн-закупок. Тем не менее, возникают определенные противоречия между интернет-торговцами и организаторами розничной торговли. Активное внедрение организаторов розничной торговли в онлайн-зону сглаживает это противоречие, хотя и не устраняет его полностью.

Как бы то ни было, электронная торговля между Китаем и Россией растет и внушает оптимизм. Обе страны сегодня являются активными участниками международной электронной торговли и заявляют о желании внести вклад в формирование нового сегмента международной деловой активности.

Представители Минкоммерции Китая неоднократно заявляли о намерении совместно со всеми членами ВТО, в частности с Россией, проводить переговоры по онлайн-торговле на основе принципов открытости, прозрачности и инклюзивности, концентрировать внимание на ее развитии. Также они неоднократно подчеркивали готовность уважать права членов при проведении контроля над этим процессом и разумные требования развивающихся стран, достигать баланса между техническим прогрессом, предпринимательской деятельностью и национальными интересами. Надеемся, что так оно и будет.

Расширяется и двустороннее инвестиционное сотрудничество. По линии Межправкомиссии реализуются более 70 приоритетных инвестиционных проектов на сумму свыше 20 млрд долл.

Ключевая сфера двустороннего взаимодействия — энергетика. Россия является крупнейшим экспортером топлива на китайский рынок. В 2018 г. в КНР было поставлено более 50 млн т нефти. В январе-апреле 2019 г. этот объем увеличился еще на 26 %. В соответствии с графиком идет строительство газопровода по восточному маршруту.

В соответствии с подписанным в первой половине 2019 г. пактом договоренностей «Росатом» дополнительно строит два энергоблока Тяньваньской АЭС. Кроме того, согласовано строительство в КНР еще одной атомной станции российского дизайна на новой площадке.

При содействии РФ в Китае будет возведен демонстрационный реактор на быстрых нейтронах. Передовые российские наработки найдут применение в китайской лунной программе.

В российско-китайском сотрудничестве сложился еще один весьма важный вектор. 5 июня 2019 г., как сообщила российская газета «Известия», первый вице-премьер — министр финансов РФ А. Силуанов и председатель Народного банка Китая И Ган подписали межправительственное соглашение о переходе на расчеты в национальных валютах. Такая практика поможет двум странам освободиться от внешнего давления и монополии доллара. Эксперты полагают, что она позволит расширить возможности взаимных инвестиций и активизировать контакты между предпринимателями двух стран, в первую очередь — на региональном уровне. Заинтересованность в расширении и мобилизации подобных связей существует с обеих сторон, поскольку сферы деловых контактов постоянно расширяются.

Как сообщило агентство «Россия сегодня» со ссылкой на китайские источники, в 2019 г. китайские компании планируют представить на российском рынке более десяти новых моделей автомобилей. По информации газеты «Китайская торговля» («Чжунго мао бао»), в 2018 г. в России было продано более 32 тыс. автомашин китайских брендов, что на 12 % больше, чем в 2017 г. Эти цифры демонстрируют возрастающий интерес россиян к китайскому автопрому. Тем более что еще совсем недавно российские потребители весьма скептически оценивали достоинства легкового автотранспорта китайского производства. Сегодня это недоверие преодолено.

Еще один факт. В 2018 г. в РФ активно заработал ряд предприятий добывающей промышленности, продукция которых поставляется в Китай. Это добыча медной руды, разработка урановых месторождений и золотодобыча в Забайкалье. Намечены планы и по созданию совместных производственных предприятий, таких, например, как завод в Новосибирской области по производству грузо-

виков, который планируют построить компания «Скоми Авто» и китайская корпорация Norinco с инвестициями в 17 млн долл. В Хабаровском крае планируется построить целлюлозно-бумажный комбинат, соглашение о чем подписали Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций (АПИ) и китайская компания China Chengtong Holdings. Участники проекта намерены вложить в него порядка 1,5 млрд долл.

К началу 2019 г. проявились и новые тенденции в деловом партнерстве бизнесменов двух стран. Как сообщило на днях агентство Синьхуа со ссылкой на источники в Банке Харбина, продолжает развиваться Китайско-российский финансовый союз, созданный в Новом районе Харбина. Количество членов этого межрегионального объединения выросло до 70, в том числе 33 члена — это китайские учреждения, а 37 — российские. Это почти в два раза больше, чем в начале 2016 г., когда Союз был только что создан. Его основатели полагают, что он уже стал важной платформой для финансового сотрудничества между Китаем и Россией.

В связи с этим Китайское информационное агентство сообщает, что к концу 2018 г. члены Китайско-российского финансового союза подписали соглашение о синдицированном кредите на сумму до 10 млрд юаней. Китайские банки из Нового района Харбина в общей сложности перевели российским банкам за границу 120 млн юаней. Платформа онлайн-платежей китайско-российской трансграничной электронной коммерции вобрала 18 основных трансграничных платежных систем России. Расчетный период сократился от 10 до менее чем 3-х дней, сумма расчетов превысила 4 млрд юаней. Банк Харбина в общей сложности предоставил китайским предприятиям, сотрудничающим с российскими предприятиями, финансирование на сумму более 30 млрд юаней. Другими словами, ширится номенклатура деловых контактов по обслуживанию экономических проектов двух стран.

Безусловно, для продвижения экономического взаимодействия необходимы новые условия и новые формы сотрудничества, формирование развитой двусторонней транспортно-логистической инфраструктуры. Что касается последнего, то со введением в конце 2019 — начале 2020 г. двух мостовых переходов через реку Амур (железнодорожного и автомобильного) инфраструктурные возможности несо-

измеримо возрастут, хотя их рано будет считать совершенными, поскольку понадобятся дополнительные ресурсы, включая возможности соседних государств — Монголии и КНДР.

Хотя важнейшим показателем зрелости внешнеэкономических связей считаются объемы товарооборота, однако заметим, что показатели современного международного сотрудничества носят многовекторный характер и охватывают не только торговлю, но и финансовое, инфраструктурное, технологическое взаимодействие, и, что важно — производственную кооперацию. Анализ современного состояния российско-китайских связей показывает, что стороны демонстрируют готовность к новым формам совместной деятельности. Об этом свидетельствует последнее заседание российско-китайской Подкомиссии по промышленности и торговле, состоявшееся в сентябре 2018 г. в Куньмине (КНР), которое показало, что производственный потенциал взаимодействия начинает работать, прежде всего, — на межрегиональном уровне. Напомним, что уже по результатам первого заседания Подкомиссии в 2016 г. было заключено несколько конкретных соглашений. В рамках работы Подкомиссии состоялось подписание ряда важных кооперационных документов.

По данным Минпромторга РФ, компания «РариТЭК Холдинг» стала участником двух соглашений о стратегическом партнерстве с компаниями КНР по строительству в Набережных Челнах производственного комплекса криогенных систем, а также по выпуску газовых и дизельных двигателей для автомобильной, тракторной и судовой техники, гибридных систем, по производству газопоршневых и дизельных электростанций.

Национальная ассоциация участников рынка робототехники заключила соглашение о партнерстве с Китайской ассоциацией робототехники по расширению международной коммуникации в данной области и сотрудничеству в области стандартизации. Теперь РФ и КНР могут прямо говорить о соединении научно-интеллектуальных и производственных потенциалов двух соседей. Сегодня эти возможности расширились и вышли за рамки двусторонних связей. К реализации идеи по созданию российско-китайского широкофюзеляжного самолета подключаются другие страны. Шесть компаний, включая General Electric и Rolls Royce, направили предложения по

разработке силовой установки для российско-китайского широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета CR929.

Оператором проекта CR929 выступает «Китайско-Российская международная коммерческая авиастроительная компания с ограниченной ответственностью» (*China-Russia Commercial Aircraft International Corporation, CRAIC*). Программа CR929 переходит к этапу эскизного проектирования. Одновременно начинается отбор поставщиков авиационных систем и оборудования, который продлится около 1,5 лет. В базовой комплектации авиалайнер будет рассчитан на 280 мест с дальностью полета 12 тыс. км. Собирать самолет будут в Шанхае, а проектировать — в России. Общий бюджет программы оценивается в 13 млрд долл.

Россия и Китай ускоряют переговорный процесс по проекту совместно разрабатываемого тяжелого вертолета AHL (*Advanced Heavy Lifter*). По соглашению 2016 г. российский холдинг «Вертолеты России» осуществил инвестиции в проект в виде технологий, а также разработает техническое предложение и отдельные системы новой машины на контрактной основе. Китайская сторона займется проектированием, постройкой опытных образцов, проведением испытаний, сертификацией, а также продвижением вертолета.

Практическое взаимодействие идет значительно дальше авиастроительной отрасли. Оно охватывает горнодобывающую и перерабатывающую промышленности, логистику и транспортную инфраструктуру, автомобилестроение, сырьевую отрасль, энергетические ресурсы и др. На Дальнем Востоке реализуются более 40 инвестиционных проектов с участием Китая общим объемом капиталовложений 2,7 млрд долл.⁴ Изучаются проекты по строительству нескольких целлюлозных комбинатов. Инвестиции КНР в освоение Сибири и Дальнего Востока пока невелики. Но даже в этом случае Китай стал ведущим иностранным инвестором дальневосточных проектов. Тем не менее, доля Китая в инвестициях в РФ весьма незначительна: по разным оценкам, она составляет 1—2 % общего объема накопленных зарубежных капиталовложений Китая⁵.

Удельный вес России в общей сумме привлеченных в КНР иностранных инвестиций еще меньше — 0,2—0,12 %⁶. Сегодня ситуация начинает корректироваться в пользу увеличения инвестиций из КНР. В 2017 г. наблюдалось увеличение инвестиционной активно-

сти китайских компаний на российском рынке недвижимости. Положительным трендом развития инвестиционного сотрудничества стала диверсификация в сторону технологичных проектов, причем интерес к стартапам и перспективным технологиям отмечался как с китайской, так и с российской стороны⁷.

Безусловно, по ряду проектов переговоры идут сложно. Но бизнес нарабатывает опыт взаимодействия, хотя до этого он активно изучал и применял практику ведения дел с Западом. Теперь настало время для прямых производственных связей с восточным партнером, для которых характерны отсутствие идеологических расхождений и санкционной паранойи.

Процесс налаживания производственной кооперации сталкивается с рядом проблем, среди которых следует выделить следующие:

- слабое знание законодательства друг друга. Китай нередко настаивает на экономическом взаимодействии «по китайским правилам», а в случае их непринятия предлагает опираться на свой опыт деловых связей с США и Европой. Сейчас приходит осознание того, что на российской территории следует играть по российским правилам;
- нередко китайский бизнес во взаимоотношениях с российскими партнерами оглядывается на экономические санкции Запада против России и старается избегать взаимодействия в тех сферах, на которые они распространяются (финансовые транзакции, банковская сфера);
- при реализации тех или иных инфраструктурных и промышленно-производственных проектов в России китайские партнеры обуславливают свои капиталовложения использованием рабочей силы из КНР, что в ряде случаев вызывает недовольство российского населения, особенно — в регионах Сибири и Дальнего Востока, где люди заинтересованы в формировании новых рабочих мест для российских граждан;
- длительное время китайский бизнес в России ориентировался на ресурсно-сырьевой сектор, а также продвижение товаров китайского производства. Понимание того, что экономическое взаимодействие двух стран нуждается в реструктуризации, происходит медленно, однако следует констатировать, что сегодня эта ситуация начинает меняться;

- китайские предприниматели длительное время ориентировались на европейские регионы России, и лишь в последние годы ситуация начинает меняться. Интерес китайских партнеров ныне охватывает сибирский, байкальский и дальневосточный регионы. Однако здесь еще предстоит очень серьезно поработать, особенно с учетом того обстоятельства, что в этих регионах существует весьма обостренное восприятие проблем, относящихся к недопущению загрязнения окружающей среды. Чувствительность местного населения к экологическим проблемам Сибири и Дальнего Востока необходимо учитывать как российским, так и китайским участникам совместных кооперационных проектов;
- китайский бизнес имеет почти 40-летний опыт работы на международных рынках, у России такой опыт (кроме нефтегазового сектора) ограничен последним десятилетием. Длительное время бизнесмены из Поднебесной активно использовали слабости российской экономики и ориентировались сначала на бартерную торговлю, затем мучительно переходили на расчеты валютой, активно пользовались возможностями российских добывающих отраслей, лесной промышленности. Китайские предприниматели по-прежнему пытаются применять старые методики при выходе на российский рынок;
- существуют проблемы со статистикой: внешнеэкономические службы, отчитываясь перед руководством в преддверии саммитов или встреч глав правительств, завышают статистические данные либо прибегают к манипуляциям с ними, что создает привлекательную, но нередко не соответствующую реальной действительности картину двустороннего взаимодействия.

Тем не менее, обе страны параллельно учатся друг у друга, всякий раз преодолевая те проблемы, которые стоят перед ними в экономике. Сегодня можно говорить о том, что Россия и Китай заинтересованы в развитии промышленного взаимодействия и стоят на пороге производственной кооперации. Хочется надеяться на то, что производственная кооперация будет налажена, хотя есть и другие точки зрения. Две страны долго шли к совместному производству, и кое-что уже начали делать на этом пути.

* * *

Технологическое взаимодействие, включая цифровизацию экономик двух стран, в первую очередь — с точки зрения обеспечения безопасности киберпространства, становится еще одним важным направлением совершенствования двусторонних связей.

Две страны вместе идут к цифровому будущему. И в этой сфере актуальной становится задача обеспечения информационной/кибернетической безопасности. Сегодня одновременно с развитием интернета и цифровых технологий происходит расширение медийной, экономической, финансовой, социально-политической и оборонной деятельности в цифровой среде. Бурное развитие киберсреды привело к той ситуации, при которой она используется как зона ведения информационных, экономических и иных войн, как пространство для деятельности международных террористов, международных криминальных группировок, как средство давления на социально-политическую ситуацию. Это делает проблему кибербезопасности чрезвычайно актуальной.

Сегодняшние возможности сотрудничества России и Китая в сфере кибербезопасности видятся вполне благоприятными в силу следующих обстоятельств:

- наличию двустороннего межгосударственного Договора о сотрудничестве в области информационной безопасности, подписанного в 2015 г.;
- достижению договоренностей о сотрудничестве в цифровой среде (в рамках соглашения, подписанного в 2009 г. на саммите ШОС в Екатеринбурге), а также договоренностей в структуре БРИКС;
- сходству национальных концепций и правового регулирования цифровой безопасности, включая обеспечение суверенитета национального сегмента киберпространства;
- наличию действующего механизма сотрудничества, который включает двустороннюю Комиссию по подготовке встреч глав правительств двух стран, Подкомиссию по ИКТ, а также контакты по линии заинтересованных ведомств и госструктур.

В России информационная безопасность рассматривается как обязательная часть системы национальной безопасности, что отра-

жено в национальной Доктрине информационной безопасности, утвержденной 5 декабря 2016 г. Согласно еще одному документу — «Основам государственной политики в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» целью России является содействие установлению международного правового режима, направленного на создание условий для формирования системы международной информационной безопасности. Этот документ в определенной степени близок по своему содержанию к китайской «Международной стратегии сотрудничества в киберпространстве», которая появилась на три года позже российского.

Объявленная Россией и КНР политика распространения национального суверенитета на киберпространство обязывает их искать согласованные критерии и принципы защиты такого суверенитета.

Между тем международно-правовых критериев решения этой задачи не существует. Остаются только технологические инструменты, которых у обеих сторон явно недостаточно, хотя у Китая по сравнению с Россией есть преимущества в этой сфере. Процесс обеспечения киберсуверенитета затратен (Россия, к примеру, потратит на решение этой проблемы более 30 млрд руб.) и расходы будут расти по мере появления новых ИКТ.

Китай более 20 лет ведет на международной арене различные переговоры по проблемам кибернетической безопасности. Определяющими для него в этой области являются дискуссии с США, поскольку именно со стороны Вашингтона исходит основное давление на информационное пространство КНР. При этом США обвиняют Китай в организации проникновений в американские сетевые ресурсы.

Заметим, что с конца 2016 г. накал публичных взаимных обвинений в кибератаках в КНР и США уменьшился, поскольку США сконцентрировали свое основное внимание на т.н. вмешательстве России в американские президентские выборы и на деятельности «пропагандистских СМИ Москвы». Однако на этом фоне резко усилилось давление на китайские корпорации Huawei и ZTE, занимающиеся разработкой и выпуском оборудования для информационно-коммуникационных систем.

Российско-китайские отношения в киберсфере по сравнению с китайско-американскими выглядят более продвинутыми благодаря

взаимодействию КНР и России на двусторонней и многосторонней основе. Две страны не просто принимают во внимание современную ситуацию в этой области — они пытаются выработать платформу для обеспечения международной информационной безопасности. Одним из первых шагов в данном направлении стало подписание в июне 2009 г. в Екатеринбурге Соглашения между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области международной информационной безопасности. Участникам соглашения удалось согласовать систему понятий, выработать общую платформу для дальнейшего продвижения согласованных идей в сфере цифровой безопасности в международных организациях и диалоговых структурах, в которые вовлечены две страны.

Между тем вопрос о кибербезопасности даже среди стран, объединенных в ШОС, сложен и запутан. Это проявляется в том, что нередко хакерские группировки одной страны проникают во внутренние ресурсы других стран, причем специалисты полагают, что это делается с целью получения нелегального доступа к технологиям и закрытой информации, для подрыва экономической инфраструктуры и т. п.

Россия и Китай взаимодействуют по проблемам кибербезопасности в ООН (серия предложений по нормам поведения в Интернете, проекты резолюций по вопросам кибербезопасности), в ШОС и РАТС (выработка согласованных мероприятий по проблемам противодействия киберпреступности, внешнему вмешательству в социальную зону киберсферы и т. п.) и других международных структурах. Их взаимодействие распространилось и на оборонные ведомства. В декабре 2017 г. Россия и Китай провели вторые совместные компьютерные командно-штабные учения по противоракетной обороне «Воздушно-космическая безопасность-2017» (первые такие учения состоялись в мае 2016).

Таким образом, идет поиск удовлетворяющих обе стороны подходов к решению проблем, возникающих в киберсреде. Наблюдается процесс определения взаимоприемлемых критериев и инструментов обеспечения безопасного киберпространства. Параллельно между Россией и Китаем развивается экспертный диалог по проблемам ИКТ, например, в ходе работы российско-китайской секции между-

народного дискуссионного клуба «Валдай» прошло обсуждение перспектив двустороннего взаимодействия в цифровой среде.

К настоящему времени серьезным достижением стало то, что между двумя странами сложились условия для дальнейшего двустороннего взаимодействия по правовым, дипломатическим, технологическим и иным аспектам проблемы. Поскольку обе страны сталкиваются с одинаковыми угрозами, вызовами и рисками в киберпространстве, которые нередко исходят из одних и тех же источников. В результате Россия и Китай со сходных позиций подходят к проблеме выработки международного кодекса поведения в киберпространстве, его суверенизации, совместной борьбы с кибертерроризмом и сетевой преступностью, обмениваются информацией, данными о кибератаках, сетевых преступлениях. Нарботанный опыт позволяет двигаться дальше к достижению определенного уровня взаимного доверия применительно к цифровой среде.

Сфера взаимодействия расширяется, демонстрируя при этом ненаправленность двустороннего сотрудничества в области кибербезопасности против третьих стран при одновременном соблюдении собственных национальных интересов и понимании аналогичных интересов партнера. Более того, возникают условия для сотрудничества в технологической сфере, в области разработки современных технических средств отражения киберугроз. РФ и КНР ведут диалог по созданию телекоммуникационного оборудования для противодействия кибератакам и с целью создания «системы защиты критически важной инфраструктуры».

Вместе с тем следует обратить внимание на проблемы, которые сдерживают диалог и создают риски подрыва доверия.

Во-первых, это разные подходы к проведению внутренней информационной политики и работе с обществом, что несмотря на высокий уровень сотрудничества российских и китайских СМИ ограничивает возможности их взаимодействия в медийной среде киберпространства.

Во-вторых, возникают вопросы доверия к качеству разрабатываемых в КНР и приобретаемых зарубежными странами китайских технологий.

И, в-третьих, существует определенная степень недоверия к практической деятельности стран-партнеров в современной кибер-

среде, имеются в виду частые попытки незаконного проникновения в сетевые ресурсы партнерских стран.

Итак, сходство правовых практик и решений создает особую базу для диалога. Она позволяет России и Китаю при разных подходах к информационной политике, в том числе в области Интернета, уверенно идти по пути взаимодействия. Происходит поиск удовлетворяющих обе стороны подходов к решению проблем, возникающих в киберсреде. Можно констатировать, что на фоне сложных и противоречивых процессов в двустороннем киберсотрудничестве преобладают позитивные тенденции. Несмотря на сохраняющиеся проблемы, российско-китайский диалог по вопросу кибербезопасности продолжает развиваться.

* * *

Любые межгосударственные отношения выстраиваются людьми, и с помощью человеческого фактора разрешаются многие трудности и проблемы. Именно в сфере гуманитарных отношений наиболее ярко проявляется феномен «мягкой силы»: прочные и регулярные связи в областях культуры, образования, здравоохранения, спорта, туризма и молодежных обменов значимо влияют на процесс выстраивания межгосударственных отношений.

До недавнего времени основной движущей силой развития гуманитарных контактов между Россией и КНР были административные ресурсы на официальном центральном и региональном уровнях. Российско-китайские гуманитарные отношения в настоящее время регулируются российско-китайской межправительственной Комиссией по гуманитарному сотрудничеству, которая была учреждена 20 лет назад и которую сегодня возглавляют с российской стороны — зампредседателя Правительства РФ Т. Голикова, а с китайской — вице-премьер Госсовета КНР Сунь Чуньлань. Комиссия готовит материалы для регулярных встреч глав правительств России и Китая.

Но сегодня возникает необходимость обратить внимание на результаты деятельности «народных» учреждений культурно-гуманитарного общения. Человеческие обмены играют в гуманитарном диалоге особую роль. Это не только развитие туризма, но и органи-

зация взаимных поездок граждан с культурно-просветительскими и образовательными целями. Роль и значение этого компонента сотрудничества постоянно возрастает, ибо человеческие обмены способствуют не только распространению знаний о партнерской стране, с которой развивается культурный диалог, но и росту авторитета партнерского государства.

По данным на 2019 г., Россия занимает 2-е место в мире по числу проживающих в стране мигрантов (16 млн человек), уступая только США (49 млн человек) и опережая Германию (12 млн человек). На конец 2012 г. в России временную регистрацию для проживания имели почти 214 тыс. китайцев, в 2015 г. — 236 тыс. Это почти вдвое меньше, чем 10 лет назад.

Несколько сократилось число китайских граждан с российскими паспортами: с 34 тыс. до почти 29 тыс. К этим цифрам стоит добавить 1,5 млн китайцев, которые ежегодно посещают нашу страну с туристическими и иными целями.

Количество русских в Китае не превышает 10 тыс. человек, включая смешанные семьи. Правда, количество россиян, посещающих КНР с туристическими и деловыми целями, в среднем составляет 1,8 млн человек несмотря на закат мелкооптовой торговли.

На фоне некоторого снижения количественных показателей наблюдается подъем числа взаимных визитов граждан двух стран, а также стабилизация диаспор россиян и китайцев, оказавшихся на ПМЖ в соответствующих партнерских странах.

Китайская диаспора в России живет и работает организованно, целенаправленно и активно, с использованием навыков и методик, наработанных поколениями китайцев, проживающих за рубежом и не теряющих при этом связей со своей родиной. И это очень важный инструмент китайской «мягкой силы» на российской территории, решающий, вкупе с другими, задачи по расширению культурно-гуманитарного влияния КНР в мире.

В РФ действует Всероссийская ассоциация китайских соотечественников, которая в свою очередь «разветвляется» на региональные ассоциации. В рамках этих организационных структур существуют дополнительные ассоциации, формируемые по экономическим видам деятельности, ведущейся на территории России: объединения поставщиков обуви, одежды, электроники, ассоциации китайских

рестораторов, союзы специалистов по китайской традиционной медицине и т. д. Диаспора — очень важный инструмент китайской «мягкой силы» на российской территории, решающий вкупе с другими задачами задачи по расширению культурно-гуманитарного взаимодействия.

Российские граждане, живущие в КНР, также сформировали объединения соотечественников, например, в виде Русских клубов в Пекине и Шанхае. Но в отличие от своих китайских аналогов, расположенных в России и структурированных по этническим и экономическим принципам, Русские клубы объединяют людей по языковому (русскоговорящие) признакам. Причем, к русскоговорящим относятся как непосредственно граждане РФ, так и граждане других стран СНГ. Более того, в мероприятиях Русских клубов на территории Китая активно участвуют и «русскоговорящие» граждане КНР. Таким образом, если этнические россияне в Китае успешно сосуществуют в рамках таких Клубов вместе с китайцами, то китайские ассоциации в России работают обособленно, сотрудничая с россиянами в бизнесе, но не допуская их к членству в своих структурах.

В столицах КНР и РФ активно работают Российский культурный центр и Китайский культурный центр, которые проводят культурно-просветительские мероприятия, кинопоказы, осуществляют лекционную деятельность. Их работа ограничена территориями двух столиц.

В более широком географическом пространстве работают институты Конфуция в РФ и Центры русского языка в КНР. В России в настоящее время действуют 17 институтов Конфуция и 5 классов Конфуция. В Китае — 10 Русских центров и 5 кабинетов «Русского мира». Институты и Центры базируются в университетах двух стран и призваны решать образовательные задачи и способствовать развитию культурно-гуманитарных связей.

Китайские институты Конфуция ведут на территории России активную образовательную и научно-исследовательскую работу, организуют научные конференции, в том числе по вопросам двусторонних политико-экономических и научно-культурных отношений, финансируют издательскую деятельность, организуют лекционную работу и т. д.

Российские центры в свою очередь должны знакомить китайскую общественность, молодежь и профессорско-преподавательский состав со всем многообразием «русского мира», служить коммуникативной площадкой, в том числе для научно-экспертных обменов, различных культурно-просветительских мероприятий.

Задачи партнерских учреждений сходны, однако финансовые и кадровые возможности участников этого процесса значительно разнятся. В отличие от российских структур, китайские институты Конфуция финансируются из государственных средств и не испытывают денежных затруднений, используя выделяемые средства как на проведение различного рода мероприятий, так и на привлечение российского экспертного сообщества к своей деятельности, а также финансирование политологических и культурно-исторических научных работ российских авторов.

Заметим, что институты Конфуция во всех странах являют собой приоритетную сферу приложения китайской «мягкой силы». Глобальная сеть этих учреждений по состоянию на 2018 г. объединяет 524 института в 146 странах мира. Только в 2017 г. в мероприятиях институтов Конфуция в мире приняли участие 13 млн человек. При этом, если в РФ работает 17 институтов, то в США их почти 140. Это подчеркивает важность американского направления для дипломатии современного Китая.

В России деятельность институтов Конфуция в целом отличают корректность и сдержанность (правда, на начальном этапе два института Конфуция были закрыты за нарушения). В других странах к институтам существуют большие претензии, в ряде европейских государств (например, в Англии) зафиксированы попытки их вмешательства в свободу научной деятельности, в частности, когда речь шла об изучении китайского Тибета или событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. и т. п.

В целом инструментарий развития культурно-гуманитарных связей между Россией и Китаем обширен. Он сочетает в себе традиционные методы работы и новые формы укрепления гуманитарно-культурного влияния, опирающиеся на серьезные финансовые ресурсы. В России в последние годы резко возрос интерес к изучению китайского языка, к технологическому, культурному и экономическому развитию Китая. Китайский язык сегодня изучают не

только школьники Красноярска, Новосибирска, Иркутска, Читы, Благовещенска и Москвы — география изучения китайского языка постоянно расширяется. С ноября 2019 г. к изучающим китайский язык в Нижнем Новгороде, Омске, Казани и других российских городах прибавились и студенты в Чечне.

Судя по всему, новые формы гуманитарной работы будут совершенствоваться. Ханьбань — Канцелярия по распространению китайского языка при Госсовете КНР — планирует в ближайшие год-два провести реформу институтов Конфуция за рубежом и укрепить их кадровый состав посредством привлечения новых специалистов из КНР. Российским учреждениям, занимающимся гуманитарными связями, следует обратить внимание на данное обстоятельство.

Механизм развития гуманитарных связей дополняется также другими двусторонними структурами и общественными учреждениями, такими, как российско-китайский Комитет дружбы, мира и развития, Общества российско-китайской и китайско-русской дружбы и т. д.

В целом двусторонние гуманитарные связи обрели комплексный и многогранный характер, подкрепляя стратегическое сотрудничество и взаимодействие наших стран. Взаимодействие ведется планомерно, с использованием широкого спектра мероприятий, среди которых масштабные акции типа национальных Годов России и Китая и Годов русского и китайского языков, спортивные состязания, кинонедели, совместное кинопроизводство и т. д. Ежегодно в двух странах проводится до тысячи различных мероприятий, охватывающих практически все сферы гуманитарных отношений.

Однако развитию гуманитарного диалога препятствует ряд обстоятельств. Так, несмотря на постоянно расширяющийся диалог между РФ и КНР, различные культурные, образовательные и иные обмены, молодежные субкультуры в двух странах по-прежнему находятся под влиянием западных стран.

Кроме того, сравнение финансового положения российских институтов «мягкой силы» и соответствующих китайских учреждений говорит в пользу китайской стороны. Немалые финансовые возможности китайских ассоциаций позволяют им заниматься не только благотворительной деятельностью, но и финансированием акций,

связанных с продвижением китайской культуры и традиций. У них есть свои печатные СМИ и другие информационные службы, включая мобильные.

И наконец, в РФ пока нет той четкости приоритетов в деле приложения ее «мягкой силы», которая наблюдается у китайской стороны.

В последние годы выявились и определенные недостатки в реализации гуманитарных обменов.

Возьмем сферу образования. В настоящий момент в российских вузах обучается порядка 36 тыс. китайских юношей и девушек. Это больше, чем в «золотое время» российско-китайских отношений — в 1950-е годы, когда в СССР учились от 10 до 12 тыс. представителей нового Китая. Вернувшись после обучения на родину, эти люди внесли огромный вклад в распространение знаний о Советском Союзе, а их деятельность способствовала укреплению имиджа СССР в континентальном Китае.

Сегодня же, несмотря на количественный рост обучающихся в России китайских граждан, их вклад в ознакомление своих сограждан с культурными, экономическими и социальными аспектами жизни современной РФ значительно меньше, чем вклад китайских граждан, обучавшихся в 1950-е годы.

* * *

Суммируя вышеизложенное, следует отметить, что к настоящему времени российско-китайские отношения можно назвать зрелыми, успешными, способными находить взаимоприемлемые решения и преодолевать серьезные трудности.

Анализ современного состояния двусторонних отношений позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, как подчеркивается в Совместном российско-китайском заявлении от 5 июня 2019 г., КНР и РФ вывели российско-китайские отношения на самый высокий уровень, демонстрируя пример добрососедского сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества. Отношения между Россией и Китаем являются устойчивыми, они не податливы на влияние извне, обладают огромным внутренним потенциалом и имеют широкие перспективы развития.

Во-вторых, современные российско-китайские отношения характеризуются высокой степенью политического доверия; насыщенностью контактов на высшем и высоком уровнях, разнообразием механизмов сотрудничества в различных областях; богатым по содержанию и стратегическим по значению практическим взаимодействием; прочной общественной базой двусторонних отношений, опирающихся на традиции дружбы между народами России и Китая, передаваемые из поколения в поколение; тесной и эффективной координацией на международной арене.

В-третьих, стороны понимают важность дальнейшего развития экономического сотрудничества и делают все возможное для их стабильного и успешного продвижения вперед, для поиска новых форм взаимодействия и развития, производственной и технологической кооперации, использования современных видов торговых отношений, защиты собственных экономических интересов, в том числе посредством постепенного перехода к взаиморасчетам по торговым операциям и другим формам взаимодействия в национальных валютах.

В-четвертых, необходимо дальнейшее совершенствование гуманитарного сотрудничества. Ежегодно в РФ и КНР проводится более тысячи различных совместных культурных мероприятий, миллионы русских и китайцев ежегодно посещают две соседние страны. Однако молодежь двух стран по-прежнему находится под влиянием западных субкультур и мало знает друг о друге. Поэтому в этих условиях возникает необходимость повышения качества культурного диалога, увеличения знаний друг о друге не за счет количества проводимых мероприятий, а посредством более высокого уровня и качества таких акций.

В-пятых, учитывая широкое применение Соединёнными Штатами и в целом Западом практики санкционного давления на экономических и политических оппонентов, в том числе — на Россию и Китай, все более актуальной становится задача по выработке согласованной стратегии по противодействию и нейтрализации санкционного давления на партнерские страны, снижению политико-экономической зависимости от государств, практикующих санкции и другие методы «наказания» за отказ следовать навязываемым политическим курсом. Задача эта крайне сложная, но решать ее придется

ся, исходя из национальных интересов каждой страны. Учитывая экономические и иные интересы наших государств, этот фактор нуждается в самом пристальном и постоянном внимании со стороны Пекина и Москвы, поскольку речь идет об отстаивании политического, экономического и международного суверенитета обеих стран.

В-шестых, принимая во внимание усиливающееся давление со стороны США и их союзников, крайне важно переформатирование интересов различных групп стран с учетом уже работающих диалоговых структур. Неизбежно при таких обстоятельствах повышается роль БРИКС и РИК. В последнем случае стоит напомнить, что диалоговая структура Россия—Индия—Китай с учетом совокупной военно-политической, экономической и технологической мощи стран-партнеров, неизбежно ведет к созданию одного из ведущих и авторитетнейших центров формирования нового международного порядка. Это обстоятельство понимают и в Вашингтоне, и в Брюсселе и свою политику выстраивают таким образом, чтобы ослабить процесс дальнейшего укрепления диалога новых экономик мира.

3.2. Проблемы и перспективы инфраструктурной интеграции РФ и КНР в рамках концепции ОПОП

В последние годы российско-китайские экономические отношения вступили в этап стремительного развития, основанного на «всеобъемлющем партнерстве и стратегическом взаимодействии». Особое место принадлежит региональному и приграничному транспортному сотрудничеству, которое является объективно обусловленным и закономерным этапом на пути стремительного развития экономических связей между сопредельными странами. Благодаря политической воле руководителей двух стран и принятию ряда документов на государственном уровне сегодня взят курс на укрепление российско-китайского стратегического взаимодействия, включая развитие региональной приграничной инфраструктурной интеграции. В мае 2015 г. во время визита Председателя КНР в Москву руководители двух стран подписали около 40 совместных документов, среди которых одним из важнейших является «Совместное заявле-

ние о сотрудничестве по сопряжению ЕАЭС (Евразийский экономический союз) и стратегии ЭПШП (Экономический пояс Шелкового пути). На ведущих мировых форумах (включая встречу с В. Путиным во время проведения саммита АТЭС в Дананге в ноябре 2017 г.) Председатель КНР постоянно подчеркивал крайнюю важность сопряжения этих двух планов. Россия не только поддерживает проект ЭПШП, но и активно участвует в его реализации совместно с китайскими партнерами, государствами Евразийского экономического союза и со всеми другими заинтересованными странами. 4 августа 2016 г. на встрече председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии Т. Саркисяна с вице-премьером Госсовета КНР Чжан Гаоли была одобрена инициатива китайской стороны по созданию общего банка данных по запланированным и действующим проектам КНР со странами ЕАЭС, которые участвуют в сопряжении планов развития ЕАЭС и инициативы о строительстве ЭПШП, и в марте 2017 г. Евразийская экономическая комиссия согласовала и представила на рассмотрение правительству КНР 39 приоритетных транспортных проектов на общую сумму около 30 млрд долл., причем 11 инфраструктурных проектов были внесены в общий перечень проектов по инициативе российской стороны — это строительство новых и модернизация существующих автомобильных дорог, создание транспортно-логистических центров, развитие ключевых транспортных узлов. Реализация этих проектов может вдвое повысить скорость движения грузов из Китая в страны ЕАЭС и Европу, сегодня продолжается рассмотрение и согласование этого списка. 10 марта 2018 г. в Москве была учреждена российско-китайская ассоциации содействия торговле в рамках инициативы создания «пояса и пути», призванная стимулировать реализацию совместных проектов двух стран в области сопряжения ЕАЭС и ЭПШП⁸. Реализация плана сопряжения двух этих проектов происходит по территории России в двух направлениях — западном и восточном.

Западное направление

Согласно большинству оценок, с начала XXI века наиболее интенсивное развитие торговли наблюдается между рынками стран АТР и Европы. Составляющей частью национального дохода РФ

мог бы стать экспорт транспортных услуг, позволяющих России получать доходы от осуществления транзитных перевозок в направлении стран АТР—Европа по своей территории, поскольку Россия имеет на своей территории главные узлы евразийского международного транспортного коридора. Российская транспортная транзитная, с точки зрения логистики, теоретически имеет ряд преимуществ. РФ обладает уже действующей системой транзитных коридоров (хотя с недостаточной пропускной способностью), а территория РФ представляет собой единое правовое, экономическое и административное пространство. Транзитные коридоры РФ проходят в освоенных районах с развитой инфраструктурой, тогда как международные альтернативные транзитные пути порой проходят по пустынным и необжитым местам. Прокладка альтернативных маршрутов зачастую требует поиска сложных политических и экономических компромиссов, вплоть до урегулирования региональных конфликтов. Сухопутный транзит через территорию России более безопасен по сравнению с морским транспортом. В 2018 г. около 80 % мировой торговли осуществлялось через 30 крупнейших портов мира, которые работали с максимальной нагрузкой. Риски, связанные с пиратскими нападениями, увеличивают страховые платежи перевозчиков, что ведет к удорожанию контейнерного транзита морем. Использование альтернативного морского маршрута через мыс Доброй Надежды ведет к увеличению сроков доставки и как следствие повышению стоимости перевозок. В такой ситуации основным конкурентным преимуществом перевозок через территорию РФ становится фактор времени доставки. Есть определенные виды грузов, для которых сроки транспортировки определяют качество и конечную цену товара. В случае коренной модернизации транспортной системы РФ и резкого повышения ее пропускной способности, осуществления оптимальной сбалансированной тарифной политики и выполнения остальных требований, предъявляемых к международным транзитным перевозкам, континентальные транспортные перевозки из стран АТР в Европу по Транссибирской магистрали могли бы стать сопоставимы с морскими и были бы примерно вдвое быстрее морского транзита через Суэцкий канал.

Следует заметить, что потенциал западного полигона Транссиба не в полной мере отвечает потребностям евразийского транзита.

Распад Советского Союза и последующие кризисные явления в экономике России, процессы дезинтеграции на постсоветском пространстве привели к тому, что российская транспортная инфраструктура в последние десятилетия практически не развивалась. Сегодня она находится в крайне неудовлетворительном состоянии и деградирует вследствие предыдущего недофинансирования и недостаточного объема капиталовложений в ее развитие, содержание и ремонт в настоящее время. Техническое состояние железнодорожной инфраструктуры Транссиба не отвечает потребностям роста рынка грузовых перевозок — коэффициенты использования мощности на большинстве участков превышают предельно допустимые значения. Пропускные способности транспортировки транзитных грузов западного полигона Транссиба ограничены по объемам, в последние 10 лет на восточном полигоне нагрузка на сеть Транссибирской магистрали увеличилась почти в 2 раза — с 340 млрд до 570 млрд т/км в год. И продолжает расти, несмотря на общее падение перевозок в период 2013—2015 гг. В 2017 г. протяженность участков с лимитированной провозной способностью на восточном полигоне Транссиба составляла 3,2 тыс. км. В случае недостаточных объемов инвестиций на их реконструкцию к 2018 г. общая протяженность этих участков достигнет уже 8,1 тыс. км, составив 75 % протяженности всей сети полигона магистрали. Железнодорожная инфраструктура — самая изношенная часть хозяйства ОАО «РЖД». В 2018 г. уровень износа основных фондов составлял 87 %, а объемы инвестиций ОАО «РЖД», направляемые на их восстановление, не свидетельствуют о возможности решения этой проблемы в ближайшее время. Недофинансирование ремонта путей грозит еще большим снижением скорости движения на сети (219 км/сутки в 2017 г.) и ростом числа аварий. Вследствие этого не выдерживается фактор сокращения времени перевозки, что превращает сухопутный вариант российского сегмента евразийского транзита в неконкурентоспособный. Одной из основных причин недостаточной загруженности Транссибирской магистрали является непоследовательная и завышенная стоимость железнодорожных тарифов ОАО «РЖД» и неразвитая система отношений в сфере страхования грузов. Даже во время мирового финансового кризиса 2008 г. грузоперевозчики старались снижать ставки фрахта во избежание потери клиентской

базы. В целях сохранения конкурентоспособности морских маршрутов транзита десять крупнейших морских компаний КНР, занимающихся транспортировкой экспортных грузов по маршрутам Азия — Европа и Азия — побережье США, с начала финансового кризиса сохраняли пониженные ставки грузового фрахта. И лишь в условиях заметного оживления международной торговли китайские морские компании приняли решение о повышении с 2011 г. стоимости морской перевозки в направлении Азия—Европа 20-футового контейнера на 500 долл. Несмотря на последнее повышение ставки морского грузового фрахта до 2 тыс. долл. за 1 стандартный контейнер, экспорт товаров в КНР и другие страны АТР из Европы через дальневосточные порты с доставкой внешнеторговых грузов к ним по Транссибирской магистрали (5—6 тыс. долл.) по-прежнему обходится в 2—3 раза дороже, чем экспорт морским путем⁹.

Таблица 1. Тарифы на морские и железнодорожные контейнерные перевозки из порта Шанхай

Порты и пункты назначения	20 ДФЭ	40 ДФЭ	Время доставки (дни)
Порт Гамбург	1475	2500	26
Порт Таллинн	1925	3240	32
Порт Новороссийск	2025	3750	32
Порт Санкт-Петербург	1980	3170	32
Порт Владивосток	1350	1950	10
Москва (по железнодорожной дороге)	3585	6510	15

Источник: Эмерсон М., Винокуров Е. Оптимизация наземных транспортных коридоров в Центральной Азии и Европе. Рабочий доклад № 7 EUCAM (Европе—Central Asia Monitoring — Проект по мониторингу стратегии ЕС в Центральной Азии). 2010. С. 6; *Huang Ge.* China-Europe trains on track. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1043740.shtml> (Global Times Published: 2017/4/23); *Mei Xinyu.* China should focus on benefits of 'One Road'. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1036534.shtml> (Source: Global Times Published: 3.8.2017; *Huang Ge.* China-Europe trains on track. Cooperation benefits B&R initiative, facilitates trade. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1043740.shtml> (Global Times Published: 2017/4/23).

Чрезмерно высокие тарифы ОАО «РЖД» создают китайским отправителям и грузоперевозчикам много проблем при обеспечении экспорта китайских товаров и осуществлении транзитных перевозок грузов из стран АТР в Европу по территории РФ, поскольку для получения хотя бы минимальной прибыли приходится «собирать» по всем провинциям страны и комплектовать на транзитных складах небольшие партии высокомаржинальных и небольших по объемам грузов с высокой добавленной стоимостью для последующего формирования полностью заполненного железнодорожного состава, направляющегося в страны Европы. Также европейским экспортным компаниям приходится выбирать те виды грузов для отправки в КНР и страны АТР через территорию РФ, чья значительная себестоимость и небольшой габарит могли бы быть перевезены с учетом чрезмерных тарифов ОАО «РЖД» (сегодня это в основном запчасти для совместных автосборочных заводов в КНР и странах ЮВА). Это приводит к тому, что при транзитных перевозках через территорию РФ большинство составов из стран ЕС в восточном направлении идут либо недогруженными, либо следуют порожняком для возврата китайским владельцам.

Из-за более высокой стоимости континентального железнодорожного транзита по сравнению со ставками грузового фрахта на морские перевозки существенная часть грузов из стран АТР доставляется в европейскую часть России не коротким маршрутом через российские дальневосточные порты и по Транссибирской магистрали, а морским путем через Суэцкий канал и порты Европы. Совокупность этих негативных факторов привела к тому, что сегодня объем перевозок транзитных грузов между Европой и странами АТР через российскую территорию крайне невелик. Ежегодно между странами ЕС и АТР перемещается около 40 млн контейнеров (более 1 млрд т грузов на общую сумму более 1 трлн долл.), а около 95 % этого потока перевозится иностранным морским флотом через зарубежные порты, минуя территорию России¹⁰. В 2018 г. объем железнодорожного транзита из КНР в РФ и страны Европы (через территорию Казахстана Алашанькоу—Достык через КПП Забайкальск—Маньчжоули и КПП Наушки составил около 180 тыс. контейнеров — объем евразийского транзита через российскую территорию составил всего 0,2 % существующего объема товарооборота между

странами Европы и Азии¹¹, то есть используется не более 1 % транзитного потенциала Транссиба. Китайская сторона неоднократно заявляла, что готова повысить объем транзитного грузооборота через территорию Казахстана и России до 500 тыс. контейнеров в год и увеличить долю континентальной транспортировки грузов в общем объеме транзита из КНР в Европу до 2—3 % в 2022 г.¹²

В 2015 г. общее количество грузовых железнодорожных маршрутов из КНР в страны Центральной Азии и Европы составило 62, увеличившись на 17 маршрутов по сравнению с предыдущим годом. В 2015 г. по этим маршрутам прошло в общей сложности 815 грузовых составов, которые перевезли 47,4 тыс. контейнеров¹³, 2016 г. 1702 грузовых поезда по 40 международным евразийским железнодорожным линиям перевезли около 185 тыс. контейнеров с грузом на общую сумму 18 млрд долл., преодолев общее расстояние в 17 млн км¹⁴. В 2017 г. общее количество грузовых поездов, проследовавших по евроазиатскому маршруту, составило 3271, а с начала перевозок транзитных грузов по маршруту КНР—Европа в марте 2011 г. и до 2019 г. по континентальному маршруту Китай—Европа в общей сложности было осуществлено около 7,6 тыс. рейсов¹⁵. В 2018 г. 61 континентальный транзитный железнодорожный маршрут связывал 38 городов КНР с 36 городами 13 стран Европы¹⁶. Китайская железнодорожная корпорация в 2018 г. отправила около 4 тыс. поездов, причем упор был сделан на снижение числа составов, возвращающихся из Европы пустыми¹⁷. Следует отметить, что вышеперечисленные маршруты евразийских грузовых перевозок являются самыми короткими континентальными железнодорожными транспортными коридорами между Азией и Европой — они на 2,1 тыс. км короче маршрута Транссибирской магистрали от российских дальневосточных портов. Согласно плану Государственного комитета по делам развития и реформ Госсовета КНР ежегодное количество транзитных поездов на континентальных евроазиатских маршрутах, курсирующих в рамках реализации плана строительства ЭПШП, должно возрасти до 5 тыс. в 2020 г.¹⁸ С этими цифрами согласны эксперты Евразийского банка развития (ЕАБР), которые утверждают, что в 2020 г. объем грузопотока по маршруту КНР—ЕАЭС—страны ЕС может вырасти до 200 тыс. 40-футовых контейнеров¹⁹.

Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития в 2018 г. провел исследование возможности увеличения железнодорожного транзита из Китая в Евросоюз через Казахстан и по Транссибу. Расчеты показали, что для роста перевозок до 500 тыс. 40-футовых контейнеров в год необходимо снизить стоимость их перевозки примерно на 1 тыс. долл. за контейнер. По словам директора Центра интеграционных исследований ЕАБР Е. Винокурова, расчеты показали, что при нынешней стоимости транспортировки в 5,5 тыс. — 6 тыс. долл. за 40-футовый контейнер предел роста перевозок наступит уже через 2 года и составит примерно 250 тыс. контейнеров год, а чтобы увеличить перевозки до 500 тыс., необходимо достичь уровня цены транзитных евразийских континентальных перевозок в размере «стоимость морского фрахта плюс 1 тыс. долл.». Проблема, однако, состоит в том, что дальше снижать цену перевозки административным методом невозможно, поскольку провинциальные власти КНР и так субсидируют тариф на перевозку одного контейнера в среднем на 2,5 тыс. долл., а российское АО «Объединенная транспортно-логистическая компания — Евразийский железнодорожный альянс» (ОТЛК) везет груз с самой минимальной маржой. Поэтому следует наладить тесное взаимодействие с логистическими партнерами из Евросоюза и увеличить объемы инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры, что позволило бы технологически удешевить всю систему контейнерных перевозок, поскольку сегодня она явно не очень эффективна. На территориях Казахстана, России и Белоруссии необходимо построить как минимум 10 транспортно-логистических центров (ТЛЦ), способных обрабатывать от 150 до 300 тыс. контейнеров в год. К примеру, если сейчас контейнер из Китая едет в Москву, то оттуда он вынужден возвратиться порожним в Поволжье на существующий терминал, где будет ожидать подходящий груз в Европу, вместо того чтобы загрузиться им в Подмоскowie и продолжить путь дальше на Запад. Это вызывает лишние пробеги, уменьшение скорости оборота и рост стоимости транспортировки контейнеров. Цена строительства одного ТЛЦ в среднем составляет 100—150 млн долл., т. е. только в их строительство необходимо вложить около 1,5 млрд долл., что позволит оптимизировать перевозки контейнеров и снизить стоимость транзита. Другой задачей является необходимость убедить Евросоюз

инвестировать в развитие польской железнодорожной инфраструктуры, поскольку сегодня польские железные дороги физически не могут пропустить свыше 250 тыс. контейнеров в год, что является естественным ограничителем для роста перевозок. Руководство ОТЛК утверждает, что у российских перевозчиков существуют проблемы на границе с Польшей — если по территории ЕАЭС грузовые составы ОТЛК идут с 73 платформами со скоростью более 1 тыс. км/сут., то на территории ЕС грузовые поезда везут всего 23 платформы со скоростью 600 км/сут. Последние 2 года компания постоянно снижала тариф на перевозки и уже приблизилась к тарифу «морская перевозка плюс 1 тыс. долл., что позволит в 2020 г. увеличить перевозки до 200 тыс. контейнеров в 40-футовом эквиваленте. Однако в будущем российским грузоперевозчикам потребуются значительные объемы инвестиций, причем не только в строительство ТЛЦ, но и в увеличение пропускной способности Транссибирской магистрали и БАМа (необходимо сделать его двухпутным). Придется инвестировать гораздо большие объемы средств, чем в строительство новых терминалов, однако это позволит обеспечить дополнительные перевозки контейнеров с Дальнего Востока РФ. Стоит подчеркнуть, что уровень транзитного тарифа в размере «стоимость морского фрахта плюс 1 тыс. долл.», позволит российским железным дорогам эффективно конкурировать с морским транспортом — это аналитики в области железнодорожных перевозок рассчитали еще около 15 лет назад, и к этому тарифу действительно нужно стремиться²⁰.

Отдельно следует отметить, что непродуманная тарифная политика на транзитные перевозки, вылившаяся в двукратное повышение стоимости перевозки по Транссибирской магистрали, привела к тому, что транзитный грузопоток в XXI века практически иссяк. Очевидно, что для его восстановления и перехода на новый качественный уровень транзитного потока, к чему имеются предпосылки, требуется гармонизация транспортной политики различных ведомств, активное внедрение системы мультимодальных перевозок транзитных грузов. Еще одним средством привлечения дополнительных объемов транзитных грузов из КНР и других стран ЮВА является применение гибкого тарифного регулирования с понижающими коэффициентами, зависящими от класса транзитного груза либо перевозки этих грузов в определенном направлении, а также в

зависимости от степени загрузки вагонов и дальности транспортировки контейнеров. Это позволит гармонизировать ставки тарифов на транзит грузов через территорию РФ и обеспечить его конкурентоспособность по сравнению с со ставками морского фрахта на транзитные грузы, перевозимые из стран АТР в Европу и обратно. Сегодня каждая новая тонна груза для ОАО «РЖД» высокомаржинальна, и следует добиваться того, чтобы на каждую новую тонну груза, предъявленную к перевозке, грузоотправитель мог получить большую (преференциальную) скидку (например, 50—70 %, а размер будет зависеть от маржинальности груза). Причем грузоотправителям не придется добиваться скидки — она будет построена по принципу публичной оферты, т. е. грузоотправитель будет обладать «правом на преференцию по скидке», а сама скидка будет носить долгосрочный характер (например, на 10—15 лет). Таким образом дисбаланс доходов и расходов ОАО «РЖД» будет покрываться не ростом тарифов, а приростом грузовой базы транзитных евразийских потоков. Именно в этой логике необходимо определять долгосрочные финансовые планы и тарифы главного российского монополиста континентальных транзитных перевозок — ОАО «РЖД».

В рамках стратегии ЭПШП в 2013 г. в Урумчи (КНР) руководители восьми стран подписали соглашение об организации транзитных автомобильных грузоперевозок из Китая в страны Европы, а на 14 саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), который состоялся в Душанбе в 2014 г., было подписано «Соглашение о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок», которое предусматривало формирование сети транзитных автомобильных маршрутов перевозки, включая транспортный коридор Западная Европа — Западный Китай, соединяющий китайские порты Желтого моря с российскими портами в Ленинградской области²¹. В рамках этого Соглашения было запланировано до 2022 г. запустить в эксплуатацию 4 международных автомобильных маршрута: 1. Барнаул—Веселоярск (РФ)—Ауыл—Семипалатинск—Вахты (Казахстан)—Тачэн—Куйтунь—Урумчи (КНР); 2. Санкт-Петербург—Оренбург (РФ)—Жайсан—Алматы (Казахстан)—Хоргос—Урумчи—Ляньюньган (КНР); 3. Урумчи—Кашгар—Карасу (КНР)—Кульма—Мургаб—Хорог—Душанбе (Таджикистан); 4. Урумчи—Хоргос (КНР)—Коргас—Алматы—Тараз—Шымкент—

Коньсбаева (Казахстан)—Ялама (Узбекистан). В 2015 г. РФ и КНР заключили Соглашение Министерства транспорта КНР и Министерства транспорта РФ о временных автоперевозках грузов транзитом через территорию Казахстана²², которое обеспечило значительное упрощение процедуры таможенных формальностей в Казахстане. В результате улучшилась и ускорилась логистика международных автомобильных перевозок, поскольку и российские, и китайские компании были освобождены от необходимости перегрузки товаров и заполнения нескольких таможенных деклараций, что способствовало снижению себестоимости автомобильных перевозок и сокращению времени транспортировки. 15 февраля 2016 г. в г. Урумчи Управление транспорта СУАР и подразделения Министерства транспорта РФ обменялись разрешениями на транзитные автоперевозки грузов через территорию Казахстана. Международный транспортный коридор Западная Европа—Западный Китай (МТК ЗЕЗК) является одним из крупнейших международных инфраструктурных проектов современности, который первоначально должен быть реализован к 2023 г. на территории трех стран — КНР, Казахстана и РФ. Меморандум о сотрудничестве, предполагающий развитие МТК ЗЕЗК, президенты РФ и Казахстана подписали еще в 2008 г., а в рамках визита В. Путина в Китай в 2015 г. лидеры двух стран договорились развивать проект новой скоростной автодороги, которая к 2025 г. соединит Европу с КНР и позволит грузоперевозчикам кардинально сократить себестоимость и время транспортировки. Протяженность МТК ЗЕЗК определена в 8445 км, из которых 2233 км будут проходить по территории России, 2787 км — Казахстана и 3425 км составят часть маршрута по территории КНР. Грузовые перевозки по этому маршруту будут осуществляться по маршруту Ляньюньган (пров. Цзянсу)—Хоргос—Алматы—Кордай—Тараз—Шымкент—Кызылорда—Актобе—Оренбург—Казань—Нижний Новгород—Москва—Санкт-Петербург. Маршрут МТК ЗЕЗК по России будет проходить по территории 8 административных единиц РФ, а именно по пяти областям: Московской, Владимирской, Нижегородской, Самарской, Ульяновской и трем республикам: Татарстан, Чувашия и Мордовия, создавая значительный мультипликативный эффект в отраслях промышленности, увеличивая количество новых рабочих мест, способствуя привлечению новых объемов

прямых иностранных и российских частных инвестиций. Он будет обеспечивать устойчивое социально-экономическое развитие этих и прилегающих к маршруту российских регионов. В дальнейшем этот автомобильный коридор будет продлен в Белоруссию, Польшу, Германию, Францию и Италию. Сроки транспортировки грузов из КНР до российского г. Санкт-Петербург по сравнению с морскими перевозками из восточных китайских (сегодня в значительной степени перегруженных) портов (45—50 дней) уменьшится в 4 раза и не превысит срока в 10 дней, а объем ежегодного грузопотока в 2020 г. увеличится до 33—36 млн т²³. Из Санкт-Петербурга автомобильный транспорт будет доставлять контейнеры с грузом в современный, глубоководный и незамерзающий порт Усть-Луга, оборудованный 15 действующими терминалами и расположенный всего в 150 км от Санкт-Петербурга, куда имеют прямой судозаход практически все ведущие мировые морские линии. Принимая во внимание инфраструктурные ограничения на железнодорожном пограничном переходе Брест—Малашевичи и ограничения пропускной способности железнодорожных магистралей Польши, альтернативный маршрут доставки грузов автомобильным транспортом в страны Европы, в том числе через территорию Калининградской области и через российские порты на Балтийском море становится конкурентоспособным и привлекательным для китайских грузоотправителей. В 2018 г. российская компания «Новотранс» приступила к строительству в порту Усть-Луга многофункционального транспортно-перевалочного комплекса, способного обрабатывать до 7 млн т генеральных грузов и контейнеров. Условия навигации дают возможность проводить практически круглогодичную эксплуатацию порта Усть-Луга с коротким временным периодом ледовой проводки — до 325 дней в году. Акватория Усть-Луги обладает значительными глубинами (до 20 м), обеспечивающая возможность принимать крупнотоннажные сухогрузы (до 230 тыс. т) и контейнеровозы, и короткий подходной канал (3,85 км), что делает порт единственной конкурентоспособной гаванью на Балтийском море, которая в состоянии обрабатывать суда грузоподъемностью до 160 тыс. т, и чей грузооборот к 2020 г. вырастет до 115 млн т, а контейнерооборот превысит 145 тыс. контейнеров²⁴. Рост перевозок из Китая в европейские страны требует развития новых маршрутов — на направлении все чаще начина-

ет ощущаться нехватка пропускных способностей автодорожной и железнодорожной инфраструктуры. Один из выходов из ситуации — осуществление транспортировки из портов Санкт-Петербурга в порты Северной Европы. Для российских логистических компаний принципиально важно развивать новые транспортные коридоры, потому что в наши дни использовать при транзите в Европу только один маршрут уже невозможно — он будет попросту перегружен. Так, например, все чаще наблюдаются заторы на пограничном переходе у железнодорожных станций Мала и Брест (Польша—Белоруссия). В первую очередь это обусловлено колоссальным ростом грузоперевозок из Китая в Европу, и кроме того, инфраструктура польских железных дорог не всегда справляется с таким объемом грузоперевозок. Согласно майским указам Президента России В.В. Путина к 2024 г. РФ должна сократить сроки доставки контейнеров с Дальнего Востока до западной границы России до 7 дней, а объемы железнодорожного контейнерного транзита увеличить в 4 раза. Такое увеличение возможно только при использовании новых транспортных коридоров, поскольку один маршрут не сможет выдержать всей нагрузки на инфраструктуру, которая должна быть задействована равномерно и эксплуатироваться максимально эффективно. Именно поэтому следует использовать различные транспортные коридоры в Европу. Одним из путей решения является развитие нового мультимодального транзитного маршрута из Китая до порта Бронка в Санкт-Петербурге и оттуда коротким морским плечом — в порты Северной Европы, в том числе Хельсинки, Гамбург, Роттердам. Новый маршрут позволит избежать простоев на входе в Европу и будет способствовать развитию торговых отношений между Китаем и такими странами, как Финляндия, Германия, Нидерланды и др. Порт Бронка имеет прямое автомобильное сообщение и способен ежегодно обрабатывать до 500 тыс. контейнеров. В инфраструктуру терминала, отвечающую всем современным требованиям, входят теплый склад и точки подключения рефконтейнеров — этот маршрут не только увеличит скорость доставки грузов и уменьшит количество пересекаемых границ по пути следования, но и сделает возможным диверсификацию экспорта и импорта из Китая в Европу в рамках реализации проекта «Один пояс, один путь».

Восточное направление

Долгосрочные интересы России, заключающиеся в создании современной экономики инновационного типа, интегрированной в Евроазиатское экономическое пространство, во многом определяются той ролью, которую играет Дальний Восток России. Это обусловлено географическим положением ДФО РФ, наличием природных ресурсов, научно-технического, образовательного и кадрового потенциала. При пассивном отношении федерального центра к этому огромному региону он может превратиться в депрессивный анклав и в конечном счете будет препятствовать решению стратегических задач полномасштабной интеграции России в мировую экономику. Транспортная доступность является одним из самых актуальных вопросов для Дальнего Востока, а полноценное развитие региона, занимающего более трети страны, невозможно без преодоления существующих инфраструктурных ограничений.

Благодаря своему географическому положению Дальний Восток РФ более тесно связан с Китаем и СВА, чем с европейской частью России — ДФО РФ и СВК составляют «естественный географический и экономический пояс». Для Дальнего Востока РФ тесные экономические связи с Китаем (в первую очередь), Японией, РК и странами ЮВА могут стать столь же полезными, как и с регионами европейской части РФ. А существующие политические и экономические препятствия, осложняющие взаимовыгодное сотрудничество, могут быть преодолены за счет создания эффективной региональной интеграции российско-китайских транспортных систем. Адресная и адекватная государственная поддержка развития транспорта ДФО РФ, привлечение российского частного капитала, прямых зарубежных инвестиций позволила бы органично встроить дальневосточную инфраструктурную сеть в китайские и международные транспортные коридоры и обеспечить их императивное объединение с транспортной системой РФ. Россия и Китай могли бы стать ведущими региональными интеграционными магнитами, которые при определенных условиях способны обеспечить превращение приграничной инфраструктурной сети в многополярную региональную транзитную структуру. Несомненно, что в случае присоединения к ней и использования ее мультипликативного эффекта реальную выгоду смогут

получить все страны АТР: транспортная инфраструктура ДФО РФ является идеальным полигоном, который может стать «транспортно-коммуникационными воротами» России как в Китай, являющийся «турбогенератором» регионального экономического развития, так и в страны АТР. Общие интересы Китая и России заключаются в создании российско-китайской интегрированной сети, которая может стать новой платформой для расширения торгово-экономического сотрудничества между странами Евразии.

Значительную выгоду мы можем получить от реализации разработанных в 1990-е годы дальневосточными учеными проектов МТК «Приморье-1» и «Приморье-2», которые предусматривают транзит товаров, производимых в северо-восточных провинциях Китая, через порты Приморского края. Общий объем товарооборота провинций СВК со странами АТР превышает 10 млн т грузов ежегодно при тенденции его дальнейшего роста, а объем транзита через территорию Приморского края сегодня составляет менее 1 %²⁵. При этом товары, произведенные в северо-восточных провинциях КНР с общей площадью 1,45 млн кв. км и населением свыше 120 млн человек, не имеющих собственного выхода к Японскому морю, транспортируются на большие расстояния для вывоза через северные порты КНР²⁶, что приводит к значительному увеличению себестоимости товаров²⁷. Из г. Хуньчунь, например, до ближайшего порта Далянь груз приходится перевозить почти 1,5 тыс. км, тогда как от Хуньчуна до порта Зарубино расстояние транспортировки сокращается до 75 км (время транспортировки уменьшается на 5 дней), до порта Посьета — 42 км, до порта Славянки — 200 км. Кроме того, железнодорожная сеть северо-восточных провинций Китая перегружена региональными грузами и не справляется с внешнеторговыми потоками. В 2018 г. вследствие лимитирующих ограничений инфраструктурной сети СВК не было вывезено около 130 млн т различных грузов²⁸.

Транспортные коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2» призваны соединить китайские провинции Хэйлуцзян и Цзилинь с морскими портами Приморского края. Китайские грузовладельцы смогут экономить на времени и стоимости доставки экспортно-импортных и каботажных грузов, а Дальний Восток России, российская транспортная отрасль получают значительные инвестиции и доходы.

Таблица 2. Средняя стоимость транспортировки грузов из провинций Северо-Востока Китая до ближайших китайских/российских портов

Сухопутный маршрут из провинций СВК до ближайших китайских/российских портов:	Зерновые (долл. за 1 т)		Контейнеры (долл. за 1 ДФЭ)	
	Ж/д транспорт	Автотранспорт	Ж/д транспорт	Автотранспорт
Порт Далянь (КНР)	55	95	1190	1650
Порт Тяньцзинь (КНР)	120	150	1400	1850
Порт Владивосток («Приморье-1»)	60	75	1350	1200
Порт Находка («Приморье-1»)	65	90	1550	1400
Порт Зарубино («Приморье-2»)	35	55	850	1050

Источник: Чжан Сяодун, Кан Фуцяоань. Гунлу чжичао бэйцзинся тэлу шанпинь цичэ улю фачжань дуйцэ таньтао : [Дискуссия о соотношении логистических цен при автомобильных и железнодорожных и перевозках] // Железнодорожный транспорт и экономика (кит. яз.). 2017. № 3. С. 25.

Это яркий пример развития и укрепления взаимовыгодного сотрудничества России и Китая на Дальнем Востоке, сопряжения ЕАЭС, ЭПШП и МШП-21 в. К 2030 г. общий объем транзитного китайского грузопотока по двум МТК («Приморье-1» и «Приморье-2») может составить около 50 млн т. Из них через МТК «Приморье-2» к перевозкам может быть предъявлено 23 млн т зерновых и 15 млн т контейнерных грузов (1,9—2 млн контейнеров)²⁹. При этом, помимо собственно китайского транзита, по маршрутам должны пойти и экспортные российские грузы (в основном, навалочные), а на третьем этапе (2025—2030 гг.) возможно привлечь и контейнеры других государств Юго-Восточной Азии. Дополнительная ежегодная выручка портовых и транспортных компаний к 2030 г. оценивается в 91 млрд руб. (портов — 40 млрд руб., железнодорожного и автомобильного транспорта — 51 млрд руб.). Согласно расчетам консалтинговой компании McKinsey, которые опирались на существующие тарифы, инвестиции в создание МТК окупятся за 10 лет с доходно-

стью 10 % годовых, а основным бенефициаром станет Приморский край (порядка 70 %). Проекты предполагают расширение автодорожной, железнодорожной инфраструктуры и пограничных пунктов пропуска. При транспортировке грузов из провинций СВК по российским МТК снижение себестоимости перевозки 1 т груза автомобильным транспортом составит 20 долл., железнодорожным транспортом — 10 долл., а совокупная ежегодная экономия — 0,7 млрд долл. Приморье сможет абсорбировать 10 % всего внутреннего китайского грузопотока между северными и центральными провинциями КНР (30—45 млн т к 2030 г.), что позволит удвоить объем обработки грузов в российских дальневосточных портах, увеличит ВРП на 29 млрд руб. и обеспечить рост налоговой базы ДФО РФ к 2030 г. на 5,7 млрд руб.³⁰ Практически все инвестиции будут носить частный характер, однако некоторое количество средств предполагается переориентировать из соответствующих государственных программ на расширение инфраструктуры (к примеру, пунктов пропуска). В железнодорожной части МТК «Приморье-1» необходимо расширить железнодорожный КПП Гродеково, наиболее капиталоёмкими объектами являются участок Смоляниново—Находка и автомобильные/железнодорожные подходы к портам Находка и Уссурийск. В техническом решении модернизация железнодорожной инфраструктуры Хасанского района (строительство развязов Пожарский и Барский и железной дороги Хуньчунь—Махалино—Зарубино) позволит организовать транзит грузов северо-восточных провинций Китая через порты южного Приморья — Славянку, Зарубино и Посыет и сократить время транспортировки транзитных грузов по международному транспортному коридору «Приморье-2» с нынешних 24 часов до 4—5 часов³¹. Основным каналом для роста объемов российско-китайских транзитных контейнерных перевозок должен стать пограничный переход Махалино (Приморский край) — Хуньчунь (пров. Цзилинь), ежегодный объем пропуска грузов следует увеличить с нынешних 2 млн т до 8—10 млн т в 2030 г.

Инфраструктура МТК «Приморье-1» с выходом на порты Находка или Владивосток уже сегодня способна обеспечивать транзит до 7 млн т грузов, а транспортировка груза из Суйфэньхэ в порт Владивостока либо на железнодорожную станцию Находка-Восточная занимает всего 13 часов³². Для увеличения объемов транзитного гру-

зопотока по МТК «Приморье-1» следует расширить российскую часть КПП Гродеково—Суйфэньхэ, модернизировать станцию Гродеково и провести реконструкцию региональной автомобильной дороги Уссурийск—Госграница. Наиболее капиталоемкими станут работы по строительству железнодорожного участка Смоляниново—Находка и развитию подходов к портам Находка и Уссурийск.

Следует отметить, что при введении новых административных правил развитие транспортных коридоров не требует значительных дополнительных инвестиций. Проводя расчеты на основе существующих тарифов, Минэкономразвития определил, что инвестиции в реконструкцию МТК могут окупиться за 10 лет с доходностью 10—12 % годовых. Модернизация всей инфраструктуры МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» (автомобильных дорог, участков подъездных железных дорог, контрольно-пропускных и перевалочных пунктов, портовых терминалов) создает значительный инвестиционный интерес, что позволяет осуществлять модернизацию инфраструктуры, привлекая средства частных инвесторов и минимизируя бюджетные расходы. Причем, основным бенефициаром станет Приморский край, который будет получать около 75 % прибыли³³.

Главным звеном проекта МТК «Приморье-2» должен стать порт Зарубино, расположенный в 80 км северо-западнее порта Владивостока и всего в 18 км от российско-китайской границы, который станет альтернативой доставке китайских грузов по железной дороге до китайского порта Далянь. Порт Зарубино находится на стыке границ России, Китая и КНДР и в нескольких десятках километров от автомобильного (Краскино) и железнодорожного (Махалино) пунктов пропуска, важного звена в торгово-экономическом сотрудничестве между Приморским краем и провинцией Цзилинь (КНР)³⁴. Также он является частью международного транспортного коридора «Приморье-2» с выходом на Транссибирскую магистраль через линию Барановский—Сухановка и федеральную трассу Раздольное—Хасан, автомагистраль Владивосток—Хабаровск, автодороги в направлении Китая и Корейского полуострова. Проложена железнодорожная ветка от станции Зарубино до станции Сухановка протяженностью 11 км.

Реконструкция российского порта Зарубино придаст импульс развитию бассейна р. Туманная (Тумэньцзян), СВК и стран СВА.

Власти провинции Цзилинь намерены инвестировать 3 млрд долл. в увеличение ежегодного грузооборота незамерзающего порта Зарубино до 60 млн т, а в перспективе до 100 млн т³⁵. Порт объединит специализированный зерновой терминал (СТЗ) на 40 млн т, контейнерный терминал на 2 млн ДФЭ, терминал ро-ро (накатных) грузов на 1,5 млн ед. в год, терминал для перевалки генеральных грузов (более 25 млн т). Проект реконструкции порта предполагает увеличение количества причалов с действующих четырех до 12—15³⁶. Это даст возможность использовать 60 % мощности российского порта для вывоза продукции провинций СВК в южные регионы КНР, а 30 % — для экспорта товаров в страны АТР и Северную Америку. В 2016 г. власти провинции Цзилинь согласились передать российской группе «Сумма» в аренду на 50 лет 310 га земли в Хуньчуне для строительства логистического центра по обработке грузов с ежегодной мощностью до 40 млн т³⁷. Здесь станут обрабатываться китайские грузы, прибывающие в Хуньчунь, будет производиться их сортировка и формирование судовых партий. Группа «Сумма» нашла китайского соинвестора — *China Merchants Holding International* (Сянган), которая обеспечит порт грузовой базой (на первом этапе — до 4 млн т зерна и 500 тыс. ДФЭ). Группа «Сумма» намерена инвестировать 300—350 млн долл. в строительство логистического центра и реконструировать российский участок железной дороги до порта Зарубино (построить вторые пути и провести электрификацию участка), а также планирует подать заявку в Фонд национального благосостояния для финансирования проекта «Большой порт Зарубино» в размере около 46 млрд руб. В качестве соинвесторов также рассматриваются банки из КНР (Банк Китая, Фонд развития Сянгана) и РФ. Цзилиньское подразделение Китайской железнодорожной корпорации *Northeast Railway Group* в декабре 2014 г. выразило готовность участвовать в реконструкции железной дороги до порта Зарубино. По мнению Минэкономразвития, работы по развитию порта Зарубино позволят создать более 3 тыс. новых рабочих мест и до 4 тыс. новых рабочих мест для обслуживания вновь созданных объектов инфраструктуры порта³⁸. В 2014 г. ДВЖД организовала пробный пропуск большегрузных контейнеров по маршруту Хуньчунь—Зарубино, а власти порта уже заявили о готовности без дополнительного увеличения собственных мощностей ежегодно принимать от

российских железнодорожников до 5—10 тыс. контейнеров. В декабре 2017 г. из Китая через железнодорожный погранпереход Махалино—Хуньчунь проследовал транзитный поезд из девяти фитинговых платформ с 40-футовыми рефрижераторными контейнерами, груженными продуктами рыбопереработки. Груз прибыл в порт Зарубино в бухте Троицы, который работает с припортовой станцией Сухановка, а прохождение границы и собственно перевозка заняли менее трех часов. Освободившиеся платформы возвратились в Китай не пустыми: после прибытия в порт Зарубино с южнокорейского корабля на них были перегружены контейнеры с грузами для КНР. Китайские эксперты полагают, что при условии соединения порта Зарубино с Транссибирской магистралью, роста портовых мощностей, упрощения таможенных процедур и увеличения пропускной способности железнодорожного перехода Махалино—Хуньчунь через 10—15 лет дальневосточный порт Зарубино сможет конкурировать с китайскими портами Далянь или Шанхай. В целях повышения логистических возможностей порта Зарубино власти провинция Цзилинь выразили готовность финансировать строительство высокоскоростной железной дороги Владивосток—Хуньчунь и соединение ее с китайской железнодорожной сетью. Руководство провинции Цзилинь не раз подчеркивало, что в случае повышения пропускной способности железнодорожного перехода Махалино—Хуньчунь и российских приморских портов взаимную выгоду от транзитных грузовых потоков будут иметь не только КНР и РФ, но и Япония, РК и страны ЮВА. Российские и китайские стивидорные компании, администрация дальневосточного порта Славянка также заявляют о планах по наращиванию грузопотока в направлении китайского г. Хуньчунь. В конце 2017 г. в порту Славянка была налажена выгрузка контейнеров с помощью современного рейдово-перегрузочного комплекса, а крупнейшая морская грузовая компания из Израиля Zim Integrated Shipping Services, являющаяся одним из 20 крупнейших мировых морских перевозчиков (обслуживает 70 международных морских грузовых линий, соединяющих около 180 портов мира) включила российский порт Славянка в расписание своих судозаходов³⁹. Строительство новых грузовых терминалов в порту Зарубино повлечет за собой необходимость развития не только подъездных железнодорожных путей, но и припортовой станции и

внутрипортовых путей. Помимо реконструкции участка линии Хуньчунь—Махалино, Камышовая—порт Зарубино потребуются также развитие и станции Сухановка — основной железнодорожной станции транспортного коридора. При дальнейшем развитии порта Зарубино необходимо будет строить отдельный припортовый железнодорожный парк, который позволит принимать поезда длиной 1050 м и весовой нормой 6 тыс. т.

В настоящее время Китай приступил к строительству трех континентальных маршрутов Евроазиатской транспортной магистрали, которые будут пролегать южнее Транссибирской магистрали. Центральный маршрут, обеспечив прямой выход через Казахстан, Узбекистан, Туркмению, Иран в Турцию и далее в европейские страны, позволяет Китаю оптимизировать перевозки грузов в страны Ближнего и Среднего Востока, а также страны Персидского залива. Южный маршрут посредством железной и автомобильной дорог протяженностью 2 тыс. км соединит СУАР и пакистанский порт Гвадар. В перспективе Китай рассматривает возможность подключения к этому плечу и стран «Шелкового пути БКИМ» (Бангладеш—Китай—Индия—Мьянма). Для выполнения этой ключевой задачи в 2014 г. были созданы специальные финансовые институты, призванные обеспечить выполнение инициатив Председателя КПК — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонды финансирования создания «пояса и пути». Финансирование Китаем строительства транспортных путей в странах, прилегающих к ЭПШП, стимулирует экономическое развитие самого Китая. Поставка китайского подвижного состава для новых зарубежных магистралей (в том числе и высокоскоростных железных дорог) позволит увеличить объемы производства высокотехнологичной техники в Китае. Этот экспорт будет создавать мультипликативный эффект в сопряженных отраслях экономики, позволит обеспечить заказами многие отрасли китайской промышленности, испытывающие сегодня острый кризис перепроизводства. Строительство транспортных магистралей за рубежом позволит Китаю внедриться на новые рынки сбыта продукции, а также будет стимулировать рост объемов китайской внешней торговли. Новые транспортные маршруты активизируют экономический рост провинций Центрального и Западного Китая,

которые в логистическом отношении становятся важнейшим звеном маршрута ЭПШП.

На фоне создания нескольких альтернативных маршрутов транзитных перевозок в направлении Азия—Европа российскому руководству необходимо отказаться от упования на мифические географические, транспортные и иные преимущества, которые способны автоматически гарантировать России место среди стран, обеспечивающих наполняемость своих транспортных сетей евроазиатским транзитным потоком грузов. В силу дезинтеграционных процессов последних десятилетий Россия растеряла большинство из этих преимуществ, либо они утратили свое определяющее значение. Стремительное превращение КНР в ключевое звено евроазиатских перевозок должно побудить российское руководство активизировать развитие российско-китайской инфраструктурной интеграции, которая в первую очередь связана с реализацией регионального транспортного сотрудничества Дальнего Востока РФ и провинций Северо-Востока Китая. Отсутствие прямого выхода к морским портам побуждает промышленно развитые провинции СВК к использованию железнодорожной транспортной сети и морских портов ДФО РФ для вывоза своей экспортной продукции. В дальнейшем с опорой на российские порты Зарубино (в рамках международного транспортного коридора «Приморье-2») и Сабетта часть транзитного грузопотока может транспортироваться по маршруту МШП-21 в. и по российскому Северному морскому пути. Заинтересованность китайской стороны в сотрудничестве с Россией подтверждается желанием провинциальных властей СВК инвестировать значительные средства в развитие транспортного комплекса ДФО РФ (строительство высокоскоростной железной дороги Хуньчунь—Владивосток, модернизация пограничных КПП и морского порта Зарубино). Если Россия с помощью Китая сумеет обеспечить повышение пропускной способности восточного полигона Транссиба, дальневосточных портов и Северного морского пути, то у нее появится наиболее реальный шанс обеспечить превращение ДФО РФ в значимое звено транзитных перевозок из СВК в страны АТР и Европы. Наличие такого ключевого азиатского партнера, как КНР, в этом стратегически важном проекте может оказаться самым ценным преимуществом.

3.3. Особенности современного этапа развития сотрудничества России и Китая в нефтегазовой сфере и электроэнергетике

Необходимо признать, что высокие темпы роста экономики Китая не обеспечиваются соответствующим развитием топливно-энергетического комплекса. В результате Китай все в большей степени переходит в категорию нетто-импортеров энергоносителей. Со временем дефицит высокоэффективных энергоресурсов только нарастает и обеспечение ими потребностей народного хозяйства в полной мере становится одним из активных факторов внешнеполитической стратегии КНР. Ключевым звеном современной энергетической политики Китая является стабильное и гарантированное обеспечение потребностей страны в высокоэффективных энергоресурсах, к которым относятся нефть и природный газ.

Задача стабилизации энергетических поставок на протяжении последних лет выступает одной из приоритетных во внешней политике Китая, а ее решение возведено в категорию обеспечения выживания страны в будущем. Здесь на первое место выходят вопросы энергетической безопасности, безопасности поставок энергоресурсов.

Как известно, большая часть импортируемых энергоресурсов Китая поступает морем (нефть и СПГ), что не является надежным каналом и не обеспечивает стабильность энергопоставок, несмотря на активные китайские инвестиции в разработку внешних источников энергоресурсов. Отсюда высокая заинтересованность Китая в инвестициях в нефтяные и газовые месторождения Центральной Азии и России.

В официальных документах правительства Китая, касающихся национальной безопасности, приняты в качестве ведущих принципов энергетической политики ставка на развитие собственных энергоресурсов, а также многовекторность каналов получения импортных энергоресурсов и широкомасштабное строительство резервных мощностей.

В настоящее время Китай по добыче нефти уверенно находится на позиции четвертого производителя в мире. Недавнее распоряжение председателя КНР Си Цзиньпина предписывает китайским го-

сударственным компаниям, не слишком считаясь с затратами, нарастить разведку и добычу нефти и газа в Китае с целью поддержания энергетической безопасности страны⁴⁰. Особенно важно в этом отношении стимулирование расширения объемов геологоразведочных работ с целью повышения коэффициента возмещения запасов нефти. В настоящее время этот знаковый показатель находится на крайне низком уровне, поскольку увеличение запасов нефти не перекрывает объемы добычи в стране. Поэтому недавно CNPC сообщила о планах увеличения геологоразведочных работ внутри страны с целью наращивания доказанных запасов нефти и газа вдвое в течение семи лет⁴¹. Приоритетным является развитие нефтедобывающих мощностей в Таримском и Северокитайском нефтегазовых бассейнах и на шельфе.

Вместе с тем ряд аналитиков подчеркивает тренд нарастающей неопределенности как главной тенденции в развитии энергетики КНР в среднесрочной перспективе⁴². На фоне структурных изменений в экономическом развитии Китая замедление темпов роста спроса на энергию неизбежно. Тем не менее, этот спрос (пусть и медленно) продолжит расти вплоть до 2035 г.

За последние годы в политике страны произошло несколько фундаментальных сдвигов в стратегии дальнейшего развития энергетики Китая. Во многом определяющей стала программная установка на экологическое развитие. Среди определяющих направлений новой государственной политики КНР в сфере энергетики можно также выделить снижение спроса на уголь как энергоноситель, рост и диверсификацию предложения энергетических ресурсов за счет нетрадиционных видов газа и возобновляемых источников энергии (ВИЭ), а также повышение эффективности использования энергоресурсов.

Как уже говорилось, не менее важную стратегическую роль будут играть и расширяющиеся сухопутные поставки трубопроводами из ресурсоизбыточных регионов Центральной Азии и России.

Важно подчеркнуть, что замедление экономики Китая, наблюдаемое в последние годы, не приведет к снижению импорта нефти и газа.

Добыча собственной нефти в стране снижается третий год подряд. В 2018 г. она сократилась на 1,3 %, до 189,11 млн т (3,78 млн

баррелей в сутки). Путем резкого усиления геологоразведочных работ Китай планирует стабилизировать добычу нефти, а к 2020 г. увеличить ее внутри страны до 200 млн т⁴³. Между тем спрос на нефть в Китае продолжает расти, в 2019 г. он, по прогнозам, должен был вырасти на 6,9 % по сравнению с 2018 г. и составить 667,9 млн т. В результате импорт нефти должен был вырасти с 460 млн т в 2018 г. до 505,3 млн т (10,15 млн баррелей в сутки) в 2019 г. Таким образом, зависимость страны от поставок нефти из-за рубежа растет угрожающими темпами, в 2019 г. она должна была составить 72,8 % по сравнению с 68,4 % годом ранее⁴⁴. При этом китайские эксперты объясняют рост спроса на нефть в Китае политикой властей, которая обеспечивает развитие промышленности и стабильный экономический рост, способствует наращиванию нефтеперерабатывающих мощностей, в том числе в частном секторе, и увеличению экспорта товарной продукции с высокой добавленной стоимостью — авиатоплива, бензина, газойля, дизеля.

Россия вышла на позиции ведущего нефтяного поставщика. И здесь весьма важно, что ресурсных ограничений для расширения поставок нефти в Китай из России нет, есть обоюдный интерес к углублению энергетического сотрудничества. Для России Китай является важнейшим стратегическим потребителем энергоресурсов, а потенциал России в ресурсной сфере огромен. Сегодня на повестке дня Программа развития Восточной Сибири и Дальнего Востока РФ, чрезвычайно капиталоемкая и рассчитанная на многие десятилетия, среди задач которой — освоение крупных нефтяных и газовых месторождений, широкомасштабное развитие нефтегазопереработки и газохимии, а также инфраструктурное обеспечение доставки сырья внутренним потребителям и на экспорт, в основном, в направлении АТР.

Российско-китайское сотрудничество в нефтяном комплексе в последние годы развивается достаточно активно. В 2005 г. Роснефть заключила с CNPC ряд долгосрочных контрактов, в рамках которых совокупный объем поставок превысит 700 млн т нефти⁴⁵.

Сейчас расширяющиеся поставки Роснефти в адрес CNPC во многом мотивированы необходимостью оплаты предоставленных ранее кредитов. Поэтому для подачи нефти в Китай снимается часть европейской квоты и перенаправляется в Китай через Казахстан.

Для этого планируется расширение нефтепровода Омск—Павлодар—Атасу—Алашанькоу. Роснефть хочет увеличить экспорт по этому маршруту с 10 млн т до 13 млн т, а в середине 2020-х годов довести его до 18 млн т в год⁴⁶. При этом «Роснефть» надеется на введение предоплаты от китайской CNPC. Впрочем, вопрос расширения транспортировки по данному направлению не прост и требует согласования с правительством РФ и «Транснефтью», поскольку переброска экспортных объемов тюменской нефти на восток может ухудшить качество нефти, поставляемой сейчас на запад.

В целом в 2018 г. объем поставок нефти от Роснефти в Китай составил 50 млн т. «Роснефть» поставляет нефть в Китай (в основном в адрес CNPC в счет поставок в обеспечение кредитов) по долгосрочным контрактам трубопроводами по отводу от ВСТО Сковородино—Мохэ, через Казахстан, а также танкерами из порта Козьмино.

За счет поступающей из России относительно недорогой нефти Китай стал достаточно конкурентоспособным на рынке нефтепродуктов в АТР. При этом российские эксперты отмечают закрытость китайского рынка нефтепродуктов, а попытки инвесторов из России, Кувейта, Саудовской Аравии выйти на этот рынок до сих пор были тщетны⁴⁷.

Так, например, до сих пор не реализован считавшийся перспективным направлением развития сотрудничества Роснефти с CNPC проект строительства Тяньцзиньского НПЗ, который должна была осуществить совместная компания с ограниченной ответственностью «Китайско-российская Восточная нефтехимическая компания (г. Тяньцзинь)» (*PetroChina — Rosneft Orient Petrochemical Company Ltd.*), где доля Роснефти составляет 49 %⁴⁸. Напомним, что Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в строительстве и эксплуатации Тяньцзиньского нефтеперерабатывающего и нефтехимического завода было подписано еще в 2013 г. в Москве в ходе первого зарубежного визита Председателя КНР Си Цзиньпина. Мощность Тяньцзиньского НПЗ по первичной переработке нефти должна была составить 16 млн т в год, а глубина переработки — более 95 %. В качестве целевых рынков сбыта нефтепродуктов были определены Северный Китай и регион Центральной равнины, а также побережье Восточного Китая. В перспективе в составе СП должны были быть также нефтехимическое производст-

во и сеть АЗС⁴⁹. На настоящий момент стороны завершили разработку ТЭО проекта в части НПЗ и комплекса ароматических углеводородов. Однако строительство так и не началось, а в связи с проблемами финансирования проекта откладывается.

Двумя другими наиболее динамичными секторами китайской энергетики являются электроэнергетика и газовая отрасль.

Электроэнергетика в Китае развивается активно по всем направлениям. При этом за последние годы в Китае произошел настоящий прорыв в области возобновляемой энергетики. Только в прошлом году, по данным ВР, в КНР было установлено 50 ГВт мощностей солнечной энергетики⁵⁰.

Что касается сферы сотрудничества в тепловой энергетике и трансграничной транспортировки электроэнергии, то поле сотрудничества сужается. Импорт электроэнергии из России перестал быть актуальным. Имеются три высоковольтные линии, работающие по большей части в компенсационном режиме. Импорт в настоящее время небольшой и имеет тенденцию к сокращению. Так, в 2018 г. объем поставленной в Китай электроэнергии составил 3 млрд 109 млн кВт·ч, что меньше объемов поставки в 2015—2017 гг.⁵¹

В настоящее время на ведущее место в энергетическом сотрудничестве двух стран выдвигается газовая отрасль, которая является наиболее перспективной сферой сотрудничества России и Китая. В Китае происходит настоящая газовая революция — среднегодовой рост потребления газа в стране продолжает расти двухзначными цифрами. К этому же подталкивает и нарастающий дефицит нефти. Сейчас газовая промышленность объективно становится определяющим фактором дальнейшего развития экономики Китая, и ускоренная газификация страны является актуальнейшей проблемой. В Китае в этой сфере реализуются весьма капиталоемкие проекты. Это, во-первых, массированное вложение средств в геологоразведку, разработку месторождений и широкомасштабное строительство магистральных газопроводов. Во-вторых, развитие инфраструктуры регазификации и снабжения сжиженным газом таких сфер, как энергетика, химическая промышленность и металлургия, преимущественно в южных, восточных и северо-восточных провинциях КНР. В-третьих, активизация китайского участия в разведке и разработке газовых ресурсов по всему миру и их транспортировке в

КНР. В-четвертых, интенсивное развитие газораспределительной инфраструктуры, в частности, сооружение подземных газохранилищ и сетей.

При таких масштабах перехода экономики на газ его собственная добыча в Китае уже не покрывает растущие потребности народного хозяйства, и поэтому в среднесрочной перспективе страной взят курс на значительное увеличение инвестиций в импортоориентированную газотранспортную инфраструктуру и регазификационные мощности, что позволяет укрепить энергетическую безопасность страны и оптимизировать ценовую конкуренцию между экспортерами газа. При этом Китай стоит перед широким выбором источников традиционного и альтернативных видов газа.

Тем не менее, Китай в первую очередь надеется на рост собственной добычи газа, прежде всего нетрадиционного, за счет разработки сланцевых залежей. Согласно принятым плановым ориентирам китайского правительства, к 2020 г. добыча сланцевого газа в стране должна достигнуть 30 млрд м³, а к 2030 г. — 100 млрд м³. Однако, согласно оценкам Wood Mackenzie, к 2020 г. добыча сланцевого газа в Китае не превысит 17 млрд м³ из-за неплановых сложностей⁵². Запасы сланцевого газа находятся, как правило, на большой глубине в горных участках, что приводит к более высоким затратам и осложнениям при бурении. Исследования и совместные разработки ведущих мировых компаний, таких как Shell, BP, ExxonMobil Corp. и Total в китайских сланцевых блоках не принесли особого результата. Shell, которая обещала вложить миллиарды долларов инвестиций в сланцевый сектор Китая, несколько лет назад свернула свои операции по добыче сланцевого газа в Сычуани.

В качестве конкретного примера можно привести ситуацию с крупнейшим сланцевым месторождением Китая — Фулинг. Разработка месторождения началась в 2016 г., когда здесь было добыто 5 млрд м³. В марте 2017 г. Sinopec анонсировала амбициозные планы довести объем годовой добычи до 10 млрд м³, но по итогам года было добыто только 6,0 млрд м³. В 2018 г. объем производства (6,02 млрд м³) практически не изменился⁵³.

В целом проблемы с разработкой сланцевых залежей весьма серьезны и требуют очень больших инвестиций. Для этого китайским правительством принимаются меры по снижению налогового

бремени. Так, с 1 апреля 2018 г. снижен почти на треть налог на добычу сланцевого газа, чтобы поддержать его производство внутри страны. Ставка налога, составлявшая ранее 6 %, снижена до 4,2 %, и будет действовать в течение трех лет⁵⁴.

Однако в целом в стране ощущается нехватка газа, замещаемая растущим импортом. В 2018 г. импорт газа Китаем составил 125 млрд м³, из которых 47,4 млрд м³ — из Центральной Азии, 4 млрд м³ — из Мьянмы и 74 млрд м³ (53,7 млн т до регазификации) — в виде СПГ. Эксперты CNPC прогнозировали, что в 2019 г. спрос на природный газ в Китае увеличится на 11,4 % по сравнению с годом ранее и достигнет 308 млрд м³. При этом собственная добыча прогнозировалась на уровне 170,8 млрд м³ (то есть 55 %), остальной объем (137 млрд) должен был быть закуплен за рубежом, преимущественно в виде СПГ⁵⁵.

Объем потребления в 2020 г. ожидается в 340 млрд м³ газа. Покрывать этот спрос Пекин собирается, прежде всего, за счет роста собственной добычи до 220 млрд м³, из которых традиционный газ даст 170 млрд, сланцевый — 30 млрд, а остальное — метан угольных пластов. Соответственно доля импорта может вырасти с нынешних 69,9 до 120 млрд м³. В соответствии с долгосрочными стратегическими планами к 2030 г. Китай может увеличить импорт газа до 270 млрд м³, еще более чем в 2 раза⁵⁶.

Ввод Россией в конце 2019 г. трубопроводного проекта Сила Сибири-1 мощностью 38 млрд м³ делает ее серьезным конкурентом на газовом рынке Китая для поставщиков из стран Центральной Азии и Мьянмы. На Северо-Востоке Китая российский газ в сравнении с центральноазиатским газом и СПГ является наиболее конкурентоспособным.

Кроме того, Россией и Китаем обсуждаются еще два новых трубопроводных проекта — Сила Сибири-2 и Сила Сибири-3. Проект Сила Сибири-2, раньше называвшийся «Алтай», будет начинаться от Уренгойского центра газодобычи мощностью 30 млрд м³ и весьма важен с геополитических позиций, поскольку он базируется на сырьевой базе европейских газопроводов. Сила Сибири-3 будет являться продолжением уже существующего магистрального газопровода Сахалин — Хабаровск — Владивосток с шельфовых месторождений Сахалин-3 с ныне скорректированной мощностью 10 млрд м³.

Таким образом, Россия в ближайшую пятилетку способна обеспечить поставку в Китай до 80 млрд м³ трубопроводного газа.

Весьма важно, что российско-китайское сотрудничество в газовой сфере предусматривает не только поставку в Китай российского природного газа, но и совместную деятельность в сфере газопереработки, распределении газа и строительстве и эксплуатации подземных хранилищ газа в Китае. Достигнуто соглашение о координации действий на рынках третьих стран, о формировании совместных предприятий для реализации конкретных проектов и о разработке документов по вопросам стратегического сотрудничества в газовой сфере.

Кроме того, Китай участвует в арктических проектах России по производству сжиженного природного газа (СПГ), в частности в проекте Ямал СПГ по производству СПГ российской компании НОВАТЭК. Акционерами этого проекта, кроме французской Total (20 %), являются китайские CNPC (20 %) и Фонд Шелкового пути (9,9 %) ⁵⁷. Завод «Ямал СПГ» мощностью 16,5 млн т в год вступил в строй в декабре 2018 г. и теперь продает газ собственным акционерам пропорционально их долям, а они затем реализуют его далее в зависимости от своих потребностей. Бизнесу НОВАТЭКа по продаже СПГ способствует существенный рост цен, вызванный началом поставок по долгосрочным контрактам в Азию — в третьем квартале 2018 г. НОВАТЭК уже продавал СПГ в среднем по 312 долл. за 1000 м³ против 264 долл. за 1000 м³ во втором ⁵⁸. А в начале 2019 г. благодаря гибкой торговой политике НОВАТЭК сумел договориться о своповых (по схеме замещения) поставках с производителями СПГ в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это позволило российской компании сократить транспортные издержки и выполнить обязательства перед своими партнерами в Юго-Восточной Азии.

На финишной прямой находится обсуждение второго проекта НОВАТЭКа по сжижению газа Арктик СПГ-2 стоимостью 35 млрд долл. и мощностью 19,8 млн т (запуск в 2023 г.) ⁵⁹. Обсуждается вхождение в проект, кроме Total и Saudi Aramco, и китайской CNPC.

Россия нацелена на дальнейшие шаги по углублению сотрудничества с Китаем в нефтегазовой сфере, прежде всего, в производстве продукции с высокой добавленной стоимостью.

3.4. Подход КНР к проблемам климатических изменений, экологии и сотрудничеству с РФ

Экологическое загрязнение Китая — не только внутренняя проблема этой страны, она имеет и международное значение. На исходящее из Китая атмосферное и водное загрязнение жалуются соседние с КНР страны — Южная Корея, Япония, озабоченные судьбой Меконга страны Юго-Восточной Азии. В частности, в начале марта показатели плотности мелкодисперсных частиц $PM_{2,5}$ в Сеуле превысили отметку 111 мг/м^3 . И власти, и ученые обвинили в этом Китай. Президент Южной Кореи предписал Министерству окружающей среды наладить сотрудничество с китайскими коллегами в этой сфере⁶⁰.

Это лишь один из примеров того, как внимательно следят соседи Китая за происходящим в сфере охраны окружающей среды в КНР. В Пекине это понимают и полагают, что решение проблем с загрязнением отвечает прежде всего интересам самого Китая, без предрешения относятся к налаживанию международного сотрудничества в этой сфере.

Тем более что Китаю есть, чем поделиться. Экологическая ситуация в стране в 2017—2018 гг. постепенно улучшается. Выпущенный в мае 2018 г. отчет Министерства экологии и окружающей среды (МЭОС) КНР утверждает, что в 2017 г. 99 из 338 городов Китая (примерно 30 %) смогли обеспечить качество воздуха на уровне, соответствующем нормативам. Показатель среднегодовой плотности мелкодисперсных частиц $PM_{2,5}$ в среднем по Китаю в 2017 г. составил 43 мг/м^3 (ниже показателя 2016 г. на 6,5 %), а в Пекине показатель $PM_{2,5}$ составил 58 мг/м^3 (снижение на 20,5 %)⁶¹. Однако заметим, что это по-прежнему значительно выше нормативов ВОЗ по качеству атмосферного воздуха, которые рекомендуют поддержание данного показателя по содержанию частиц $PM_{2,5}$ на отметке 10 мг/м^3 .

В 2018 г., по данным МЭОС, показатель среднегодовой плотности мелкодисперсных частиц $PM_{2,5}$ в среднем по Китаю составил 39 мг/м^3 (снижение 9,3 %). В трех ключевых регионах, Цзин-Цзинь-Цзи (имеется в виду Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй и окружающие рай-

оны), дельта реки Янцзы и равнина Фэньвэй, плотность PM_{2,5} снизилась соответственно на 11,8 %, 10,2 %, 10,8 %. В Пекине этот показатель составил 51 мг/м³ (снижение 12,1 %) ⁶².

В международном взаимодействии в сфере охраны окружающей среды различают обычно глобальные, региональные и двусторонние аспекты. На глобальном уровне Китай — активный участник Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК), ратифицировавший и саму конвенцию (5 января 1993 г.) ⁶³, и Киотский протокол (30 августа 2002 г.), и Парижское соглашение (3 сентября 2016 г.) ⁶⁴. В качестве участника РКИК Китай включен в категорию развивающихся стран (Non-Annex I), хотя Китай — крупнейший в мире эмитент (почти 30 % в 2017 г.) парниковых газов ⁶⁵.

На официальном, в том числе самом высоком, уровне Китай регулярно выступает за противодействие климатическим изменениям и координацию общемировых усилий в этой сфере. В ноябре 2015 г. на Всемирной конференции по вопросам изменения климата (COP21, Париж) председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что «противостояние климатическим изменениям является общим делом человечества... Нужно объединять усилия и внести общий вклад в продвижение формирования справедливого и эффективного механизма противостояния климатическим изменениям на глобальном уровне» ⁶⁶.

На XIX съезде КПК осенью 2017 г. Си Цзиньпин призвал «народы всех стран... общими усилиями строить сообщество единой судьбы человечества, создавать чистый и прекрасный мир... дружелюбно относиться к окружающей среде, совместными усилиями реагировать на климатические изменения, эффективно оберегать общий очаг человечества — планету Земля». В этом же выступлении глава китайской компартии назвал «климатические изменения» «нетрадиционными угрозами безопасности», являющимися общими вызовами для всего человечества ⁶⁷.

На 13-й встрече лидеров G-20 в Буэнос-Айресе 30 ноября — 1 декабря 2018 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что «все стороны должны без скидок и поблажек выполнять все обязательства, данные в Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Парижском соглашении по климату». По его словам, китайская сторона надеется, что включенные в Парижское соглашение по климату принципы

«общей, но дифференцированной ответственности» и соответствующих ей возможностей будут претворены в жизнь⁶⁸.

Наконец, тема экологического благополучия и противодействия изменениям климата присутствовала и в рамках китайской внешнеполитической инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). Выступая на первом форуме ОПОП в мае 2017 г. в Пекине, глава Китая заявил, что «в рамках инициативы «Пояс и путь» мы предлагаем сформировать международную коалицию по экологически чистому развитию и предоставим помощь странам — участницам этой инициативы в адаптации к изменениям климата»⁶⁹. В Китае также заговорили о «Шелковом пути зеленого развития»⁷⁰, согласно которому экономические проекты в странах ОПОП должны исходить из необходимости экологической сбалансированности и устойчивости. На втором форуме ОПОП в конце апреля 2019 г. планировалось дать официальный старт упомянутой выше международной коалиции под названием «Международный союз зеленого развития Пояса и Пути». За прошедшие с первого форума два года была проведена подготовительная работа, свыше 80 организаций подтвердили намерение стать участниками и партнерами данной инициативы⁷¹.

Важно отметить, что экология все больше становится самостоятельной составляющей ОПОП. В частности, классическая для описания инициативы «Пояса и Пути» схема «пяти соединений» в меморандуме о взаимопонимании между Италией и КНР, подписанном в конце марта 2019 г. в Риме, дополнилась шестым — сотрудничеством в сфере окружающей среды, продвижением устойчивого и экологического развития.

На региональном уровне (помимо сравнительно недавно существующей инициативы ОПОП) площадкой сотрудничества в сфере экологии является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Экспертные заседания министерств и ведомств государств — членов ШОС, отвечающих за вопросы охраны окружающей среды, проводятся с 2005 г.

Национальные обязательства Китая по РКИК и конвенциональным соглашениям (так называемый национальный определяемый вклад, NDC) предполагают: снижение выбросов диоксида углерода к 2030 г. или ранее; сокращение углеродоемкости ВВП (отношение суммарного объема выбросов диоксида углерода к ВВП

страны за год) на 60—65 % относительно уровня 2005 г.; рост доли неископаемых источников энергии до уровня около 20 % в суммарном первичном потреблении энергии; расширение объема лесного фонда примерно на 4,5 млрд м³ относительно 2005 г.⁷² Согласно взятым на себя обязательствам по Копенгагенскому соглашению (2009), Китай обещает к 2020 г. снизить углеродоемкость ВВП на 40—45 % к 2005 г., увеличить долю неископаемых источников энергии до 15 %. Лесной фонд должен быть увеличен на 1,3 млрд м³.

В ноябре 2018 г. Министерство экологии и окружающей среды КНР (вопросы противодействия климатическим изменениям переданы в это министерство из Госкомитета КНР по развитию и реформам в марте 2018 г.) опубликовало отчет о выполнении программы национальных обязательств по борьбе с климатическими изменениями. Согласно этим данным, по итогам 2017 г. цель снижения углеродоемкости ВВП уже выполнена (снижение составило приблизительно 46 %), доля неископаемых источников энергии в совокупном первичном потреблении энергии составила 13,8 %⁷³. Китаю пока не удалось запустить общенациональную систему торговли эмиссионными квотами (ETS), с декабря 2017 г. действует ограниченный по масштабам механизм, включающий лишь энергетический сектор экономики⁷⁴. 3 апреля 2019 г. МЭОС КНР опубликовало проект «Временных правил по управлению системой торговли квотами на выброс парниковых газов»⁷⁵, в котором содержится просьба ко всем заинтересованным сторонам предоставить свои соображения по проекту до 2 мая 2019 г. Ожидается, что система может быть запущена в 2020 г., как и предполагается по «Рабочему плану 13-й пятилетки по контролю выбросов парниковых газов»⁷⁶. Сложность с запуском общенациональной системы ETS связана прежде всего с недостаточностью данных по выбросам⁷⁷.

В целом, как видно из вышеупомянутого отчета и рабочего плана 13-й пятилетки, стратегия низкоуглеродного развития китайской экономики строится на следующих пунктах: совершенствование структуры экономики, оптимизация топливно-энергетического баланса, энергосбережение и энергоэффективность, контроль за выбросами парниковых газов вне энергетического сектора, увеличение лесных насаждений.

В части совершенствования экономической структуры работа строится на так называемой реформе предложения, на ликвидации избыточных мощностей. В 2017 г. было закрыто свыше 55 млн т избыточных мощностей в сталелитейной промышленности, 250 млн т мощностей в угледобывающей, выведено из строя и остановлено строительство угольных ТЭС общей мощностью 65 млн кВт⁷⁸.

Безусловно, самое важное — сокращение потребления угля и все большее использование «чистой» энергетики. По рабочему плану 13-й пятилетки к 2020 г. установленная мощность обычных гидроэнергетических объектов должна достичь 340 млн кВт, объектов ветряной энергетики — 200 млн кВт, солнечной — 100 млн кВт, атомной — 58 млн кВт⁷⁹. По плану развития энергетики на 13-ю пятилетку, опубликованному в январе 2017 г. Госкомитетом по развитию и реформам КНР, доля угля в энергопотреблении к 2020 г. должна снизиться до 58 %⁸⁰.

Своего пика потребление угля в Китае достигло в 2013 г. (4,2 млрд т)⁸¹. Затем усилия правительства по изменению структуры энергетики и борьба с атмосферным загрязнением привели к снижению потребления угля, но в 2017 и особенно в 2018 г. потребление угля вновь выросло (на 0,4 % в 2017 г. и на 1 % в 2018 г.)⁸², составив 3,68 млрд т (рост 4,5 %).

Тем не менее, впервые в истории доля угля в совокупном энергопотреблении упала до менее 60 % и составила в 2018 г. 59 % (падение 1,4 %), а доля чистой энергии (включая газ) составила 22,1 %⁸³.

Сейчас исследователи уверены, что климатические цели по снижению выбросов до 2030 г. Китай должен выполнить⁸⁴. Условием этого является эффективная реализация существующей политики в этой сфере, скорейшее завершение реформы энергетического сектора, запуск национальной ETS. По мнению экспертов, наиболее эффективно содействовать достижению поставленных целей будут такие меры, как субсидирование возобновляемой энергетики, внедрение стандартов эффективности электростанций и т. п.⁸⁵ По данным СМИ, угольные проекты в скором времени могут быть исключены из схем «зеленого» финансирования («зеленые облигации»)⁸⁶.

Озабоченность экологов, однако, вызывает произошедший в Китае рост выбросов CO₂. По оценке Greenpeace, в 2018 г. он впервые за последние годы составил около 3 %⁸⁷ (самый значительный

рост выбросов диоксида углерода с 2013 г.). По данным Международного энергетического агентства, рост выбросов CO₂ в Китае составил 2,5 %⁸⁸. Рост выбросов здесь связывают с пятипроцентным увеличением объемов электрогенерации на угольных электростанциях, что «перекрывает» снижение объемов использования угля вне энергетического сектора.

Парижское соглашение ставит цель удержать потепление на уровне не более двух градусов, а лучше — полтора. Недавний проведенный межправительственной группой экспертов ООН по изменению климата анализ⁸⁹ указывает, что поддержание глобального потепления на этом уровне потребует 70 % снижения объемов угольной энергогенерации к 2030 г. и полного ее запрета к 2050 г. Двухградусное потепление потребует соответственно 55 % снижения и практически полного запрета угольной энергогенерации к 2050 г.

В 2000—2018 гг. в Китае было построено 864 ГВт новой угольной электрогенерации. В рамках борьбы с избыточными мощностями с марта 2016 г. власти Китая стали ограничивать строительство новых угольных мощностей (за исключением находящихся в бедных районах и предоставляющих тепло и электричество в жилые кварталы), в 2017 г. был опубликован список ограничиваемых станций совокупной мощностью в 170 ГВт. Четверти из них (44 ГВт) было предписано замедлить строительство, 16 % (28 ГВт) — остановить до получения разрешений, 60 % (98 ГВт) отложить строительство до 2020 г. Тем не менее, по данным со спутников, на конец 2018 г. строительство осуществлялось на почти половине (78 ГВт, или 46 %) мощностей⁹⁰.

В марте 2019 г. Китайская ассоциация электричества опубликовала проект среднесрочного развития электроэнергетики в стране, в котором предложила установить к 2030 г. потолок угольной электрогенерации в 1300 ГВт⁹¹. Исходя из того, что сейчас совокупный объем угольной электрогенерации в КНР составляет 1010 ГВт, это означает прирост на 290 ГВт (больше, чем вся угольная генерация США).

Одновременно КНР стала одним из главных источников финансирования угольных электростанций за пределами КНР. Согласно исследованию IEEFA, китайские финансовые организации (банки развития и госбанки) финансируют или обещали финансирование объемом 36 млрд долл. на зарубежные угольные электростанции со-

вокупной мощностью в 102 ГВт (из 399 ГВт в целом). Правда, эти инвестиции включают в себя угледобычу, собственно генерирующие мощности и сопутствующую транспортную инфраструктуру⁹². При этом типична ситуация, когда китайский банк финансирует строительство угольной ЭС за рубежом, но ЭС строится китайской строительной компанией с использованием китайской же рабочей силы.

Страны ОПОП являются главным направлением строительства угольных станций с китайским участием. За 2014—2017 гг. КНР потратила на угольные проекты в регионе ОПОП 18,2 млрд долл. (36 % от всех инвестиций в электрогенерацию и передачу электроэнергии). На солнечную и ветряную энергетику было потрачено 5,9 млрд долл.⁹³ Активное финансирование Китаем строительства угольных электростанций в странах ОПОП, возможно, решает отдельные местные экономические проблемы, но увеличивает количество угольной электрогенерации в мире, соответственно, увеличивает объем выбросов ПГ.

После публикаций о масштабном финансировании Китаем угольных проектов в странах «пояса и пути» в конце 2018 — начале 2019 г. группа журналистов и экологов провела серию интервью с китайскими участниками проектов⁹⁴ — руководством государственных строительных компаний, финансистами, страховщиками и консультантами-юристами. Интервьюеры стремились выяснить, насколько артикулируемые властями КНР пожелания более «зеленых» инвестиций, выпускаемые ими «мнения», «руководства» и иные необязывающие документы транслируются в реальную политику.

Вывод, к которому они пришли — у китайских компаний и банков нет мотивации соблюдать более жесткие экологические нормативы, чем предписывают местные правила и нормы. Действует исключительно логика максимизации прибыли — применение более жестких стандартов будет снижать конкурентоспособность компании. Репутационный фактор пока не является ключевым для подавляющего большинства инвестирующих за рубеж госкомпаний. Напротив, респонденты говорили, что «выход за рамки обычного рыночного поведения за рубежом может привлечь больше ненужного внимания к компании».

По оценкам опрашиваемых, для того, чтобы изменить инвестиционное поведение китайских госкомпаний, недостаточно одних

призывов. Необходимы изменения в критериях оценки эффективности деятельности, которые применяет Комитет Госсовета КНР по контролю и управлению госимуществом (ККУГИ). Свою роль могли бы сыграть и страховщики, занимающиеся страхованием экспортных кредитов.

Если говорить об экологических проблемах в применении к российско-китайским отношениям, то на межправительственном уровне экология и охрана окружающей среды, поддержание биоразнообразия обсуждаются в рамках Подкомиссии по охране окружающей среды Российско-Китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств. В ее структуре работают три рабочих группы: по предотвращению загрязнения окружающей среды при ЧС экологического характера, по мониторингу качества вод трансграничных водных объектов, по вопросам трансграничных особо охраняемых природных территорий и сохранения биологического разнообразия. На последнем заседании подкомиссии в сентябре 2018 г. была также достигнута договоренность о сотрудничестве в обращении с отходами.

На уровне бизнеса в рамках Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития в декабре 2014 г. также был создан Экологический совет. Его цель — содействие в установлении прямых контактов с китайскими деловыми организациями и экспертным сообществом, оказание информационно-аналитического сопровождения и поддержки реализации двусторонних проектов в сфере экологии.

Россия также является участником РКИК. Парижское соглашение нашей страной не ратифицировано, но Россия присоединилась к РКИК Постановлением Правительства РФ от 23 сентября 2019 г. Так что поле для сотрудничества с Китаем по этой теме есть — прежде всего в части обмена опытом и наилучшими мировыми практиками в деле развития низкоуглеродной экономики.

Китайская сторона регулярно приглашает Россию присоединиться к экологическим программам китайской инициативы «Один пояс, один путь». На заседании Подкомиссии в сентябре 2018 г. министр экологии и окружающей среды КНР Ли Ганьцзе призвал Россию участвовать в совместном строительстве «зеленого пояса и пути» и наладить взаимодействие в части обмена информацией о за-

конодательных практиках и наиболее эффективных природоохран-ных технологиях.

Постепенно налаживается сотрудничество между российскими и китайскими экологическими НКО. Предметом сотрудничества является, как правило, обмен информацией об экологических практиках двух стран. В последние годы с ростом объемов китайского туризма становится актуальной тема пропаганды ответственного экологического поведения тургрупп из Китая, особенно в таких экологически хрупких регионах, как Байкал. В связи с этим в конце марта 2019 г. фонд «Озеро Байкал» выпустил памятку для китайских туристов о правилах поведения в заповеднике и начал ее активно распространять.

Поле для сотрудничества с Китаем в сфере экологии велико. Происходящие в самом Китае перемены, активная экологическая политика, самым непосредственным образом влияющая на экономику и общество, должны находиться в центре любого российского бизнеса, ведущего с Китаем инвестиционную и торговую деятельность. Россия и Китай могут и должны обмениваться информацией о наилучших практиках в экологии, осуществлять совместное продвижение экологических ценностей. В рамках сопряжения инициатив ЕврАзЭС и ОПОП также, вероятно, необходим учет наилучших экологических политик и правил, стимулирование более зеленого поведения в общем экономическом пространстве.

3.5. Российско-китайское межрегиональное сотрудничество

Межрегиональное сотрудничество России и КНР является важной составной частью широкого комплекса двусторонних экономических связей наших стран. В соответствии с данными российской таможенной статистики в 2018 г. торгово-экономические связи с КНР в различной степени поддерживали практически все субъекты Российской Федерации. В 2018—2019 гг. проводятся Годы межрегионального взаимодействия России и Китая, поэтому в повестку многих межгосударственных мероприятий тем или иным образом включен «региональный контент».

Среди 85 субъектов Российской Федерации существуют такие, для которых экономическое взаимодействие с КНР за последние 25—30 лет стало жизненно важным.

Попытки говорить о межрегиональном экономическом взаимодействии на высоком уровне можно отнести к середине 90-х годов XX века, первым же зримым результатом подобного сотрудничества стала неоднозначная «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 гг.)» (далее «Программа 2009—2018», или Программа). Что касается данной Программы, то по состоянию на сентябрь 2018 г. в стадии реализации находилось 20 проектов, из них 9 — с участием китайских инвесторов, 11 — без участия китайских инвесторов. В стадии подготовки технической и нормативно-правовой документации, а также в стадии поиска инвесторов и ведения переговоров с потенциальными инвесторами — 8 проектов, 5 проектов утратили актуальность, реализация 2 проектов в рамках Программы состоялась. С таким результатом она и завершилась.

Именно Программа 2009—2018, при всей своей слабости и непроработанности, стала «катализатором» создания новых механизмов регионального экономического взаимодействия наших стран. Рассмотрим наиболее значимые события.

Летом 2014 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании в области межрегионального и приграничного сотрудничества между Министерством регионального развития Российской Федерации и Государственным комитетом Китайской Народной Республики по делам развития и реформ»⁹⁵. В сентябре 2015 г. «Меморандум о взаимопонимании в области межрегионального и приграничного сотрудничества между Министерством экономического развития Российской Федерации и Государственным комитетом по делам развития и реформ Китайской Народной Республики»⁹⁶.

В декабре 2015 г. в ходе визита Д.А. Медведева в КНР был подписан «Меморандум о взаимопонимании по укреплению российско-китайского регионального, производственного и инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке». С российской стороны ответственным было назначено Министерство развития Дальнего Востока (Минвостокразвития), с китайской — Государственный ко-

митет КНР по делам развития и реформ. В данном Меморандуме впервые были детально прописаны все направления сотрудничества включая развитие Северного морского пути, транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2», привлечение китайских инвесторов в дальневосточные ТОРы и Свободный порт Владивосток и даже перенос производственных мощностей 12 отраслей из КНР на Дальний Восток России⁹⁷.

Для того чтобы все вышеперечисленные проекты начали работать, требовалось финансовое сопровождение. С этой целью в апреле 2016 г. в рамках Российско-Китайского финансового совета было подписано «Рамочное соглашение о финансовом сотрудничестве в области развития Сибири и Дальнего Востока России». С российской стороны документ подписали Дальневосточный банк ПАО Сбербанк, Байкальский банк ПАО Сбербанк, ПАО «Азиатско-Тихоокеанский банк», АО «Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона»; с китайской стороны — ООО «Банк Харбина», ООО «Банк Чунцина», ООО «Банк Даляня», ООО «Банк Внутренней Монголии», ООО «Банк Хайнаня»⁹⁸.

В ноябре 2016 г. в рамках 21-й регулярной встречи глав правительств в г. Санкт-Петербурге был подписан Протокол к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая от 27 июня 1997 г. об учреждении Межправительственной Российско-Китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики⁹⁹. Состоялось два заседания данной комиссии: 8 сентября 2017 г. в Хабаровске было проведено первое заседание, сопредседателями Комиссии выступили Заместитель председателя Правительства РФ — полномочный представитель президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Юрий Трутнев и вице-премьер Госсовета КНР Ван Ян. Стороны обсудили вопросы сотрудничества в сфере спорта, туризма и поддержки совместных бизнес-проектов, договорились о регулярном обмене информацией в части появления новых инвестиционных возможностей, изменения в законодательстве и мер поддержки¹⁰⁰. В августе 2018 г. в Даляне состоялось второе

заседание межрегиональной МПК, главной целью которого было согласование и подготовка к подписанию на высоком уровне трех важных документов, что и было сделано в ходе 23-й регулярной встречи глав правительств России и КНР в Пекине (ноябрь 2018 г.), а именно:

1. Меморандум о взаимопонимании между Министерством Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Министерством коммерции Китайской Народной Республики по вопросу создания Делового Совета Дальнего Востока и Байкальского региона Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики;

2. Меморандум о взаимопонимании между Министерством Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Комитетом Государственного совета Китайской Народной Республики по контролю и управлению государственным имуществом по укреплению российско-китайского регионального, производственного и инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке;

3. Меморандум о взаимопонимании между Министерством Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Министерством коммерции Китайской Народной Республики о Программе развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018—2024 гг. (с проектом Программы)¹⁰¹.

В последнем Меморандуме указано название «Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018—2024 годы» (далее «Программа 2018—2024 гг.»), которая стала «условным» продолжением «Программы 2009—2018 гг.». Существенным различием, очевидным даже при беглом взгляде на новый документ, является отсутствие в названии Северо-Востока Китая. То есть данная программа рассчитана на китайские инвестиции в Тихоокеанскую Россию и Байкальский регион. Отличительной чертой нового документа стало уменьшение количества «навязываемых» инвесторам проектов. В общей сложности предложено 6 проектов в нефтегазовой сфере, 11 проектов по освоению и переработке твердых полезных ископаемых, включая освоение месторождений золота, платины, руд цветных металлов и др.,

а также 7 проектов в области транспорта. В отношении остальных сфер указаны лишь общие контуры и направления, в которых китайские инвестиции интересны дальневосточникам. При этом настораживает раздел «Сельское хозяйство», в котором для китайских инвесторов предлагается «обширный земельный банк, включающий более 2,5 млн га посевных площадей и 4 млн га пастбищ и сенокосов». Крайне странным выглядят пункты 3.4. в разделе «Государственная политика по поддержке иностранных инвесторов на Дальнем Востоке Российской Федерации и возможности для инвесторов из Китайской Народной Республики», указывается, что «в случае, если инвестор из Китайской Народной Республики планирует реализацию нового инвестиционного проекта на Дальнем Востоке России в месте, где пока не создана территория опережающего развития, Российская сторона будет оценивать возможность распространения режима территории опережающего развития путем расширения границ одной из действующих территорий или создания новой территории опережающего развития на указанном месте», т. е. если, к примеру, китайский инвестор захочет открыть новый инвестиционный проект на другом берегу Петропавловска-Камчатского, то ему предоставят участок земли¹⁰².

Помимо «Программы 2018—2024 гг.» в которой, как мы указали, фигурирует сельское хозяйство как отдельная отрасль инвестиционного взаимодействия, в ходе 23-й регулярной встречи глав правительств был подписан «План развития сельского хозяйства Северо-Востока Китая и российских Дальнего Востока и Байкальского региона». С российской стороны его подписали министр сельского хозяйства Дмитрий Патрушев и министр экономического развития Максим Орешкин¹⁰³. Как отметил министр сельского хозяйства РФ: «Сельское хозяйство в настоящее время является важной сферой сотрудничества России и КНР, китайские инвестиции в российское сельское хозяйство составляют 13 % всех иностранных инвестиций в этой сфере, большая их часть вложена в дальневосточном регионе»¹⁰⁴. Изучить текст или хотя бы узнать отдельные детали данного Плана из российских СМИ или на сайтах российских профильных ведомств информации оказалось нереальным, российская сторона, видимо, опасается адекватной и бурной реакции общественности на данный двусторонний документ. Короткие «выжимки» удалось об-

наружить на сайте Министерства коммерции КНР, где указано, что подписанный план представляет собой систематизированный документ, регулирующий сотрудничество в области сельского хозяйства на приграничных территориях двух стран. Его целью является улучшение сельскохозяйственной инфраструктуры, повышение степени безопасности сельхозоборудования, а также развитие сельскохозяйственной техники и увеличение производства основных сельхозкультур. В Плате указано, что основными направлениями сотрудничества будут зерноводство, животноводство, рыбоводство, а также маслобойная промышленность. Страны планируют взаимодействовать по вопросам выращивания соевых бобов, поливного риса, овощей; будет развиваться животноводство, в том числе скотоводство, свиноводство, птицеводство. Планируется создание животноводческих и рыбоводческих совместных российско-китайских ферм с дальнейшей переработкой и создание продукции с высокой добавленной стоимостью. Помимо этого, стороны планируют создание логистических узлов и объектов для транспортировки выращенной и переработанной сельхозпродукции. Из этой короткой информации не понятно, кто будет работать на полях, какие будут применяться «ограничительные» меры по использованию ядохимикатов, пестицидов и иных опасных химикатов на землях Тихоокеанской России....

В ноябре 2018 г. также подписан документ о создании Делового Совета Дальнего Востока и Байкальского региона Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики. Ранее полпред президента РФ в ДФО говорил, что данный совет «станет постоянным рабочим органом, который будет предоставлять нашим коллегам из Китая всю информацию о том, что происходит нового на Дальнем Востоке РФ»¹⁰⁵.

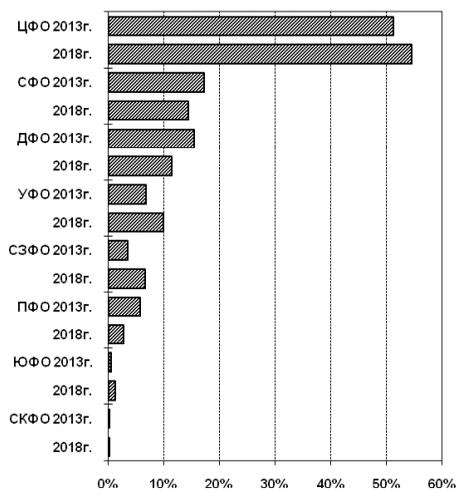
Создаются и другие механизмы, способствующие привлечению китайских инвесторов на территорию Дальнего Востока. В июле 2017 г. между Агентством Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта (АПИ) и Китайской ассоциацией по развитию предприятий за рубежом подписано соглашение, предусматривающее создание совместного Центра привлечения и поддержки китайских инвестиций на Дальнем Востоке. В соответствии с подписанным документом Центр должен оказывать содействие при-

влечению прямых инвестиций из КНР на Дальний Восток и осуществлять поддержку китайских предпринимателей, реализующих проекты в макрорегионе, работая по принципу «одного окна». Стороны договорились совместно работать над повышением информированности китайского делового сообщества о Дальнем Востоке, возможностях для инвестиций на Дальний Восток, в том числе посредством применения современных информационно-коммуникационных технологий, а также проводить совместные исследования новых возможностей и точек роста двустороннего российско-китайского инвестиционного сотрудничества¹⁰⁶. АПИ уже открыло свои представительства в Харбине, Пекине, открывается офис в Шанхае¹⁰⁷.

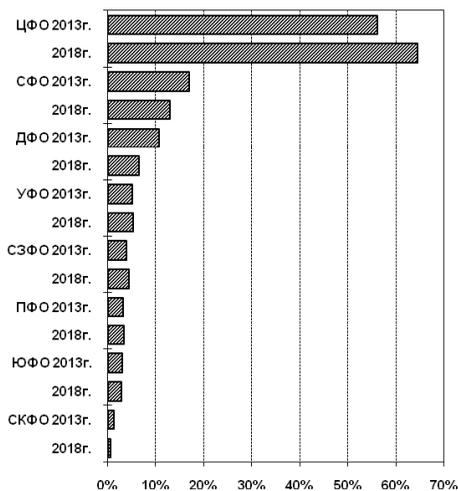
В рамках официального визита Президента РФ в Пекин в июне 2018 г. было подписано соглашение о начале создания Регионального Китайско-российского фонда в юанях — это совместный проект Российско-китайского инвестиционного фонда и китайских компаний *Suiyong Holding Ltd u Dazheng Investment Group*. Создаваемый фонд займется реализацией стратегически важных инвестиционных проектов, сфокусировавшись на Центральном федеральном округе, на Дальнем Востоке и Северо-Востоке КНР. Целевой капитал фонда, к формированию которого будут привлечены ведущие институциональные инвесторы из Китая, составляет 5 млрд юаней. На первом этапе фонд аккумулировал под управлением 1,5 млрд юаней (около 225 млн долл.)¹⁰⁸.

Все сказанное может создать впечатление, что российский Дальний Восток является ключевым «игроком» межрегионального сотрудничества, но это лишь иллюзия. Несмотря на столь масштабные мероприятия, направленные на повышение значения Дальнего Востока в российско-китайском региональном сотрудничестве, его роль по-прежнему невелика. ДФО занимает лишь 3-е или 4-е место по товарообороту, о чем наглядно свидетельствует статистика.

Учитывая положение Дальнего Востока и его место в экономике страны, очевидно, что все попытки превознести значимость региона даже в российско-китайском экономическом сотрудничестве пока не могут увенчаться значимым успехом. Так, к примеру, экспорт только одного города Москвы в КНР в 4,6 раз больше экспорта всего ДФО, а импорт Москвы больше импорта ДФО в КНР в 7,8 раз. Конечно, в этой статистике много лукавства, особенно в товарном со-

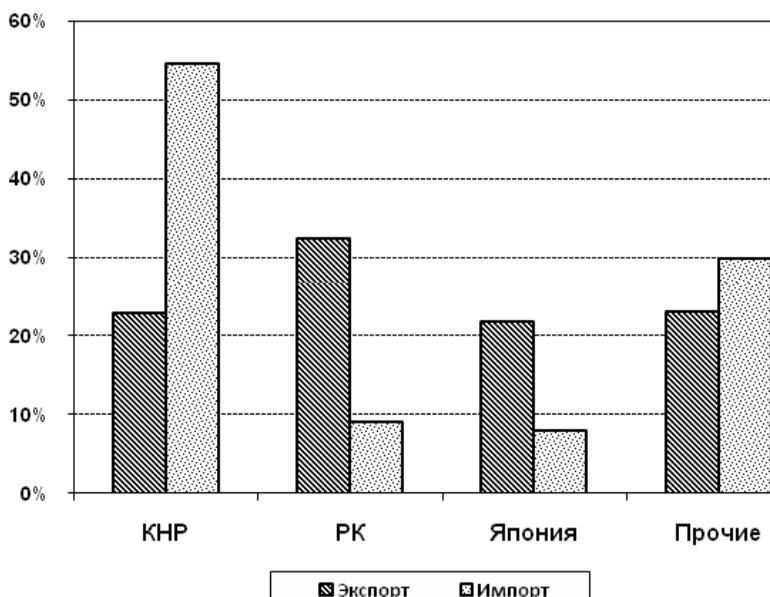

а

б

Диаграмма № 1. а — доля федеральных округов в российском экспорте в КНР; б — доля федеральных округов в российском импорте из КНР. Построено на основании данных российской таможенной статистики. URL: <http://customs.ru>

Диаграмма № 2. Доля по основным стран-контрагентам в ВТО Дальнего Востока. Построено по данным: Итоги внешней торговли Дальневосточного федерального округа в 2018 г. // Информационный портал Дальневосточного таможенного управления. URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=25739:-2018-&catid=295:2017-04-12-04-47-16&Itemid=340 (дата обращения: 17.04.2019).

ставе экспорта Москвы, поскольку более 96 % экспорта столицы приходится на статью «топливо минеральное и нефть».

Что же касается самого Дальнего Востока, то торговля с КНР играет для него крайне важную роль: на нее приходится более 28 % всего внешнеторгового оборота данного ФО.

При этом в состав ДФО входят 3 субъекта федерации, у которых сформировалась максимально опасная степень зависимости от торговли с КНР — это ЕАО, Забайкальский край, Амурская область (табл. 3).

Структура экспорта ДФО в КНР несколько отличается от общероссийского экспорта, как видно из данных, представленных в табл. 4, на сельхозпродукцию приходится порядка 28 % экспорта

Таблица 3. Субъекты ДФО, имеющие максимальную зависимость от торговли с КНР

Название субъекта ФО	Доля КНР в экспорте, %	Доля КНР в импорте, %
Еврейская АО	94,9	93,2
Забайкальский край	83,2	98,5
Амурская область	91,5	74,0

Источник: Итоги внешней торговли Дальневосточного федерального округа в 2018 году // Информационный портал Дальневосточного таможенного управления. URL: <http://dvtu.customs.ru/>

Дальнего Востока в КНР, когда как в общероссийском экспорте это лишь 4,5 %. Данный факт связан со значительными объемами экспорта водно-биологических ресурсов (ВБР). В настоящее время основной потенциал для роста экспорта рассматриваемого региона в КНР у продукции растениеводства и рыбохозяйственного комплекса. Так, в 2018 г. экспорт продукции АПК из ДФО в Китай составил 1,84 млрд долл., или 49 % от всего объема экспорта продукции АПК из ДФО¹⁰⁹. Ежегодно увеличиваются отгрузки сои. Лидером по выращиванию данной масличной культуры на Дальнем Востоке и в России исторически является Амурская область. Площади амурского региона, отданные под зернобобовые, составляют более 40 % общего «соевого клина» страны. В 2017 г. в КНР из Приамурья экспортировано более 233 тыс. т соевых бобов¹¹⁰. В 2018 г. Поднебесная получила свыше 420 тыс. т амурской сои стоимостью 130 млн долл. Цена на тонну бобовых в КНР выше, чем в России, на внутреннем рынке тонна сои стоит по средним подсчетам около 27 тыс. руб., в Поднебесной за этот же объем дают как минимум в 4 раза больше. Покупатели предъявляют и свои требования к продукции. Основное условие — высокая доля протеина, от 38 %. Лишь часть импортируемой из РФ сои китайцы отдают на переработку, большинство бобовых идет на корм скоту¹¹¹. Причина в том, что российская соя, хотя и экологически чистая, но по сравнению с высокобелковой ГМО-соей из США доля протеина (белков) в ней значительно ниже, поэтому она не подходит для пищевой промышленности.

Таблица 4. Структура экспорта РФ и ДФО в КНР, %

Группа товаров	Доля в экспорте РФ в КНР	Доля в экспорте ДФО в КНР
Минеральные продукты	76,2	43,6
Древесина и изделия из нее	6,3	14,4
С/х и пищевкусовая продукция	4,5	28,3
Продукция машиностроения	3,0	0,2
Продукция химической промышленности	2,6	0,6
Металлы и изделия из них	2,4	0,1
Продукция ЦБП	2,3	0,1
Прочие	2,7	12,7

Расчитано на основании данных российской таможенной статистики.
URL: <http://customs.ru>

Структура импорта в целом по России и ДФО из КНР практически совпадает, порядка 50 % приходится на машинотехническую группу. Единственным существенным отличием импорта ДФО из КНР является высокая доля импорта сельскохозяйственной и пищевкусовой продукции.

Таблица 3. Структура импорт РФ и ДФО из КНР, %

Группа товаров	Доля в импорте РФ в КНР	Доля в импорте ДФО в КНР
Продукция машиностроения	57,3	47
Продукция легкой промышленности	12,4	8,8
Продукция химической промышленности	9,9	11,3
Металлы и изделия из них	7,7	9
С/х и пищевкусовая продукция	3,6	12,9
Прочие	9,1	11

Расчитано на основании данных российской таможенной статистики.
URL: <http://customs.ru>

Последние годы чиновники Минвостокразвития много пишут и говорят значимости китайских инвестиций для экономики Дальнего Востока. Как уже было сказано, создано несколько механизмов для их привлечения. Хотелось бы разобраться, как реально обстоят дела.

В 2011—2012 гг. доля китайских инвестиций в экономику ДФО составляла 1 % от всех ПИИ, привлеченных в ДФО. В 2018 г. доля китайских инвестиций составила 7 %¹¹² от всех инвестиций, привлеченных в регион, при этом следует учесть, что 90 % из них приходится на российские инвестиции¹¹³.

Что касается количества китайских проектов и реального объема инвестиций, то тут существует немало загадок. В январе 2017 г. министр А.С. Галушка в интервью газете «Известия» отметил: «В настоящее время российско-китайское сотрудничество на Дальнем Востоке развивается весьма активно — реализуется 23 проекта с привлечением инвестиций из Китая на общую сумму около 3 млрд долл. (почти 1/4 всех иностранных инвестиций, привлеченных в регион)»¹¹⁴. Месяцем ранее (в декабре 2016 г.) тот же министр сообщил: «Из общего объема инвестиций, которые привлечены на Дальний Восток, более 14 % приходится на КНР»¹¹⁵. Из этих туманных высказываний сложно понять, речь идет о ПИИ или же суммарных инвестициях в ФО. В октябре 2016 г. тот же министр заявлял: «Десятки инвесторов из Китая уже воспользовались новыми возможностями, которые получает инвестор на Дальнем Востоке. Мы видим готовность китайской стороны все более активно участвовать в новых проектах. Сейчас это уже 21 проект с участием инвесторов из КНР с объемом инвестиций более 180 млрд рублей»¹¹⁶. Из большого потока цифр можно понять, что на начало 2017 г. китайские инвестиции в ДФО составили 180 млрд руб. (3 млрд долл.). Вероятнее всего, речь идет о накопленных инвестициях, но даже эта цифра вызывает некоторые сомнения, постольку за первое полугодие 2016 г. суммарный объем всех накопленных в РФ китайских инвестиций составлял 8,963 млрд долл.

Заметим, что после отставки министра Галушки вопросы объемов китайских инвестиций в дальневосточную экономику не стали прозрачнее. В мае 2018 г. со ссылкой на Минвостокразвития была опубликована следующая информация: «В ТОП свои проекты реали-

зуют 11 компаний с участием китайского капитала на общую сумму 180,767 млрд руб. В свободном порту Владивосток инвестиционные проекты реализуют 20 компаний с участием китайского капитала, общая сумма инвестиций составляет 21,651 млрд руб.»¹¹⁷. Если перевести эти цифры по средневзвешенному курсу, то получится порядка 3,22 млрд долл. В авторитетном дальневосточном журнале «ДВ капитал» в августе 2018 г. были приведены несколько иные данные: «На разных стадиях реализации находятся 24 проекта с общим объемом инвестиций 3,35 млрд долларов», из них 21 проект — на территории Приморского края¹¹⁸.

Еще более интересная цифра, поражающая воображение, была заявлена послом КНР в РФ Ли Хуэем: «Общий объем уже реализующихся или готовых к старту дальневосточных проектов с китайскими инвестициями достиг к настоящему моменту 30 млрд долл. — в рамках ТОР и СПВ работают почти 30 компаний с китайским участием. Почти 85 % всех зарубежных инвестиций в регионе приходится на долю китайского капитала, который вкладывается в строительство перерабатывающих производств, в сельскохозяйственные и инфраструктурные проекты»¹¹⁹. Но о китайских оценках инвестиций в российский Дальний Восток мы поговорим ниже...

Что касается более «свежих» российских цифр, то по данным полномочного представителя Президента в ДФО, озвученным в Дале, в августе 2018 г. «в ТОРы и Свободный порт ДФО пришло 32 китайских проекта с инвестициями в объеме 4,2 млрд долл.»¹²⁰. На официальном сайте Минвостокразвития в октябре 2018 г. были опубликованы следующие данные: «На сегодняшний день на дальневосточных территориях опережающего развития и в свободном порту Владивосток работает 76 компаний с участием иностранных инвестиций. Общая стоимость этих проектов составляет 253,2 млрд руб. (4,019 млрд долл.)»¹²¹. Если осуществить элементарные математические действия, то доля китайских инвестиций в ТОРы и свободный порт превысит 100 % (!).

Поскольку высокие государственные чиновники окончательно запутались в цифрах, им на «помощь» пришли чиновники, которые находятся ближе к «земле». В апреле 2019 г. на одном из Круглых столов генеральный директор Агентства Дальнего Востока по при-

влечению инвестиций и поддержке экспорта (АНО АПИ) озвучил следующие статистические данные: «Проекты инвесторов из Китая занимают 1-е место среди иностранных инвестиций (на Дальнем Востоке) — более 75 %. С помощью преференциальных режимов ТОР и свободного порта на Дальнем Востоке реализуется 45 проектов с объемом инвестиций 2,6 млрд долл. США»¹²². Вслед за представителями АНО АПИ в конце апреля 2019 г. на встрече сопредседателей Межправительственной российско-китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая в рамках 2-го Международного форума «Один пояс, один путь» Полпред в ДФО сообщил, что: «На ТОРах и СПВ реализуется 45 проектов с участием инвесторов из Китая с объемом инвестиций 2,6 млрд долл., что составляет 63 % от всех иностранных инвестиций в ДФО. Еще по 35 инвестиционным проектам на сумму 17,8 млрд долл. ведется активное взаимодействие»¹²³.

Заметим, что в августе 2018 г. этот же Полпред в Даляне заявлял о китайских инвестициях в размере 4,2 млрд долл. и вдруг к апрелю 2019 г. они сократились до 2,6 млрд долл. ...

Рассмотрим конкретные примеры китайских инвестиций в ДФО.

В Приморском крае в ТОР «Михайловский» реализуется проект в области сельского хозяйства. Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта и китайская компания *Zhong Ding United Dairy Farming Co., Ltd* подписали меморандум о намерениях, согласно которому компания планирует инвестировать 302 млн долл.¹²⁴ Будет реализован инвестиционный проект по строительству животноводческих комплексов на 50 тыс. голов КРС, развитию кормовой базы и производству 500 т молока в сутки. В комплексе будет создано в общей сложности более 2 тыс. рабочих мест. В соглашении с российской стороной оговорено, что только 300 из них займут китайские граждане, остальные предназначены для местных жителей. Компания уже инвестировала 18,3 млн долл. в аренду земли, строительство фермы, покупку техники и первой партии поголовья молочного стада. Создано 70 рабочих мест, 40 из них занимают местные жители¹²⁵.

В рамках ВЭФ-2017 были подписаны соглашения с китайскими инвесторами в области рыбопереработки. Так к примеру, компания «ВЕЛЕС-Снек» планирует наладить в ТОР «Надеждинская» выпуск рыбных снеков из сушеной и вяленой рыбы, а также кальмаров, из рыбных отходов инвесторы планируют производить рыбную муку. Сумма заявленных инвестиций в проект — 135 млн руб., из них доля китайского инвестора — 108 млн руб.¹²⁶

Резидент СПВ, «Дальневосточная инвестиционная компания «Цяосин» запустила в Приморье сельскохозяйственный комплекс стоимостью около 96 млн руб., который подразумевает приобретение техники, оборудования, инвентаря, обработку земель с учетом новейших технологий и оказание услуг по сушке зерна, проект будет реализован с участием китайских инвесторов в рамках соглашения с АО «Корпорация развития Дальнего Востока». Создано 15 рабочих мест. В 2018 г. компанией был собран первый урожай¹²⁷.

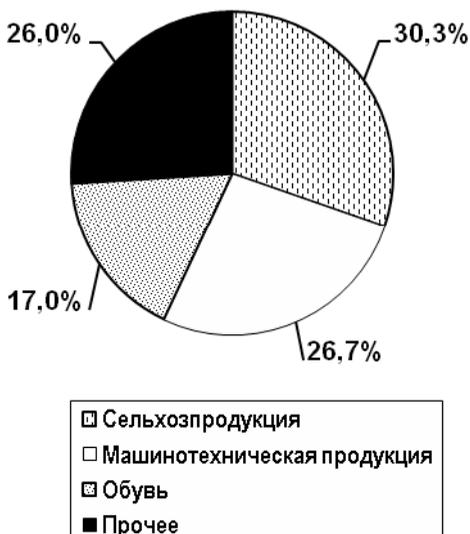
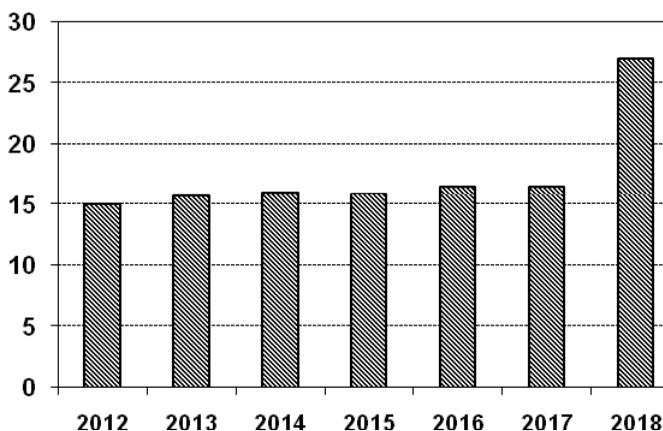

Диаграмма № 3. Структура экспорта Хэйлунцзяна в Россию.

Источник: Harbin Customs District P. R. China. URL: <http://harbin.customs.gov>.

Мы привели лишь три примера, однако понятно, что ни о каких значительных суммах инвестиций речь не идет. Для китайской стороны значимость экономического взаимодействия с Россией не столь очевидна. Только для одной провинции КНР жизненно важно сотрудничество с Россией — для Хэйлунцзяна. В 2018 г. значимость России для провинции значительно выросла, что наглядно демонстрирует статистика. Товарооборот провинции с нашей страной составил 18,5 млрд юаней или 69,8 % внешнеторгового оборота (ВТО) провинции и 17,3 % двустороннего ВТО наших стран. Темпы прироста составили 64,7 %, что на 28,3 п. п. выше темпов прироста ВТО провинции и на 40,7 % выше, чем темпы роста суммарного российско-китайского товарооборота. Но при этом экспорт провинции в

Диаграмма № 4. Экспорт нефти по нефтепроводу «Сковородино—Мохэ». *Источник:* Александрова М.В. Российско-китайское межрегиональное и приграничное сотрудничество: новые тенденции и проблемы // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014—2015. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 221—254.; Сковородино против Козьмино. Что происходит с ВСТО. 20.12.2018. URL: <http://neftianka.ru/skovorodino-protiv-kozmino-chto-proisxodit-s-vsto> (дата обращения: 03.02.2019); 2018 нянь Хэйлунцзян ю Э цзинькоу юанью 2725.2 вань дунь тунби цэнзя 67.1 %: [В 2018 г. Хэйлунцзян импортировал из России 27,252 млн т сырой нефти, прирост составил 67,1 %] // Информационный портал Хэйлунцзянской объединенной нефтехимической компании. 23.01.2019. URL: <http://www.hljuoc.com/newscontent.do?id=1643&basechannel=270> (дата обращения: 11.03.2019).

Россию составил всего 1,13 млрд долл., 74,1 % экспорта пришлось на 3 позиции: сельхозпродукция, машино-техническая продукция и обувь¹²⁸.

Если в 1990-х и начале 2000-х годов провинция ежегодно демонстрировала положительное сальдо в торговле с РФ, то после запуска нефтепровода «Сковородино—Мохэ» год от года российский нефтяной экспорт через хэйлунцзянскую таможню возрастает, о чем наглядно свидетельствуют данные диаграммы.

В 2018 г. из России через провинцию Хэйлунцзян было импортировано нефти на 14,3 млрд долл., или порядка 27 млн т — 82,4 % всего импорта Хэйлунцзяна из России. Помимо нефти, импорт из России на 4,1 % был представлен круглым лесом, 4 % приходится на пиловочник¹²⁹; также наша страна экспортировала в Хэйлунцзян сельхозпродукцию: 803 тыс. т соевых бобов (прирост 60,1 %), 100 тыс. т зерновых (прирост 76,2 %), мясо птицы, сырое молоко и др.¹³⁰

Китайские СМИ приводят крайне интересные данные по инвестициям Хэйлунцзяна в Россию. В китайском «исполнении» история про инвестиции в Россию выглядит еще более запутанной, чем российская история об объеме привлеченных китайских инвестиций в ДФО. Так, в марте 2016 г. губернатор Хэйлунцзяна Лу Хао отмечал, что у «инвестиционного сотрудничества российского Дальнего Востока и Дунбэя огромный инвестиционный потенциал». В подтверждение своих слов он указал объемы хэйлунцзянских инвестиции в Россию: 2013 г. — 510 млн долл., 2014 г. — 1,48 млрд долл., 2015 г. — 4,17 млрд долл.¹³¹ В сентябре 2016 г. тот же господин Лу Хао озвучивал уже иные (хотя и похожие) цифры провинциальных инвестиций в Россию: в 2013 г. — 407 млн долл., 2014 г. — 700 млн долл., 2015 г. — 4,1 млрд долл.¹³² Но уже в конце 2017 г. объемы прямых нефинансовых инвестиций Хэйлунцзяна в Россию сократились и составили 2,979 млрд долл., при этом было инвестировано в 674 объекта на территории нашей страны¹³³. Другой источник на конец того же 2017 г. указывает, что было инвестировано в 574 фирмы и строится 674 проекта.

По заявлениям хэйлунцзянских СМИ, провинция — «самый крупный» китайский инвестор в России, на нее приходится 1/3 всех китайских инвестиций в РФ. Предприниматели Хэйлунцзяна рабо-

тают во всех 18 ТОРах, где ими открыты 146 фирм, китайские предприниматели в виде налогов и сборов выплатили российской стороне 300 млн долл., создано более 5 тыс. рабочих мест. Указывается что предприниматели Хэйлуцзяна инвестировали в 222 проекта агробизнеса на территории России, которые обрабатывают 8,7 млн му (580 тыс. га) российской земли. Растет поголовье скота и птицы: так, на хэйлуцзянских фермах в России насчитывается 11 тыс. КРС, 80 тыс. свиней, 430 тыс. голов птицы¹³⁴.

Среди промышленных объектов упоминается компания «С Технология», которая пыталась реализовать проект по переработке цемента в селе Березовка (Амурской области). На самом деле предприятие выпустило лишь одну партию цемента в размере 11 тыс. т при заявленной годовой мощности предприятия в 500 тыс. т. Не начав работать, уже в 2016 г. фирма остановила производство из-за недостатка сырья и финансирования¹³⁵. Поскольку предприятие расположено в ТОРе, для него были созданы максимально благоприятные условия, но даже они не помогли китайцам наладить выпуск продукции.

Крупнейший проект, как и прежде, в ТОР «Приамурская» — ООО «Амурская энергетическая компания». По состоянию на март 2019 г. имеется следующая информация: «Учредителями ООО «Амурская энергетическая компания» подведены итоги совместной работы по реализации проекта строительства Амурского НПЗ, финансирование которого приостановлено из-за изменения состава акционеров основного участника компании — АКОО «Мэн Лань Син Хэ» (*Menglan Galaxy Energy Corporation*) (пров. Хэйлуцзян).

Изменение состава группы инвесторов было обусловлено невозможностью обеспечения должного финансирования предыдущими акционерами. Поиск новых инвесторов и разработка параметров и условий корректировки акционерной структуры «Мэн Лань Син Хэ» заняли более двух лет.

В настоящий момент все корпоративные договоренности достигнуты, ведется работа по оценке активов и оформлению сделок. Результатом этого процесса станет превращение проекта Амурского НПЗ из инициативы нескольких частных компаний в объект сотрудничества крупных китайских корпораций с общим объемом активов более 150 млрд юаней.

До конца мая 2019 г. главным акционером должна была стать ООО «Сычуаньская энергетическая инвестиционная группа», чтобы в дальнейшем управлять Амурским НПЗ¹³⁶. Со сменой главного инвестора *Menglan Galaxy Energy Corporation* (90 % инвестиций проекта) провинция Хэйлунцзян не может претендовать на то, что этот инвестиционный проект финансируется их предпринимателями, но о подобных коллизиях китайская сторона старается умалчивать.

К другим проектам, в которые инвестирует провинция Хэйлунцзян, относится мост Благовещенск—Хэйхэ, железнодорожный мост Нижнеленинское (Еврейская автономная область)—Тунцзян (КНР) и, что самое интересное, строительство газопровода «Сила Сибири»¹³⁷.

Второй провинцией, которая также создает много информационного шума по поводу своих успехов в России, является Цзилинь. Исходя из официальной информации, Цзилинь имеет с Россией небольшой товарооборот, в 2018 г. он составил — 0,94 млрд долл., с приростом в 61,9 %¹³⁸. Но несмотря на столь скромные показатели взаимного товарооборота, Цзилинь «крайне активна» в инвестиционном сотрудничестве. Так, по данным китайских СМИ, провинция зарегистрировала в России 174 предприятия с суммарным объемом инвестиций в 2,44 млрд долл. Только за 2017 г. провинция инвестировала в 13 объектов на Дальнем Востоке¹³⁹. В другой статье за 2019 г. указано, что у провинции Цзилинь 28 инвестиционных проектов в России с суммарным объемом инвестиций 18,4 млрд долл.¹⁴⁰

По данным российских источников, единственным крупным проектом, реализованным цзилиньскими предпринимателями на российском Дальнем Востоке, стал совместный проект по производству и дистрибуции грузовой и спецтехники ведущей китайской марки FAW, который стартовал в городе Артем. Инициатива принадлежит резиденту свободного порта «Владивосток» — российской производственной компании «Юбо-Сумотори», которая специализируется на торговле и обслуживании легковых и коммерческих автомобилей. Инвестором проекта выступил автоконцерн *First Automotive Works* (FAW). Инвестиции составили 28 млн руб.¹⁴¹

Самым крупным из возможных совместных проектов Цзилиня с Россией может стать создание совместного предприятия корпора-

ции *CRRC Changchun railway vehicles* (Чанчунь) и российской компании «Скоростные магистрали» РЖД по выпуску высокоскоростных поездов для ВСМ «Москва — Казань». Пока этот проект находится в стадии исследования, поскольку, по словам главы инженерно-исследовательского центра компании *CRRC Changchun railway vehicles* Чжу Яня, «камнем преткновения для ВСМ в России являются экстремально низкие температуры воздуха». По его словам, если в Китае высокоскоростные поезда могут нормально функционировать при минимальной температуре 40 °С, то для работы в России поезда должны выдержать испытание морозом до –50 °С¹⁴². Но это пока лишь проекты, поскольку в России многие высокие чиновники считают нецелесообразным строить дорогостоящую магистраль, пассажиропоток по которой будет не очень велик¹⁴³.

Для России крайне важна провинция Ляонин, экспорт в которую год от года растет. В 2018 г. товарооборот Ляонина с РФ составил 4,109 млрд долл., при этом импорт из РФ достиг 3,009 млрд долл. Основное наполнение российского экспорта — это минеральное топливо, поступающее на переработку на ляонинские НПЗ. Однако, если взглянуть на восточное побережье КНР, то товарооборот только одного Чжэцзяна с РФ составил 11,055 млрд долл., при этом экспорт провинции в Россию — 9,07 млрд долл. С этой провинцией у нашей страны устойчиво отрицательное сальдо торговли, поскольку в основном российская сторона импортирует машино-техническую и легкопромышленную продукцию из Чжэцзяна.

В заключении хотелось бы отметить, что межрегиональное сотрудничество России и КНР имеет более чем 25 летнюю историю. За эти годы определились лидеры сотрудничества и фэйк-лидеры. Разговоры о наращивании и углублении межрегионального сотрудничества в большинстве своем пока приносят скромные и зачастую сомнительные результаты. Китайские «крупные» и «шумные» инвестиционные проекты на Дальнем Востоке, о которых много говорилось в 2016—2017 гг., провалились. Ныне китайские предприниматели, как и в 90-х годах, предпочитают через российских лиц открывать предприятия и заниматься теневым или полутеневым бизнесом, поэтому вряд ли российская сторона реально сможет подсчитать китайские инвестиции в тот или иной ФО нашей страны.

Примечания

¹ Интернет-газета «Столетие». URL: http://www.stoletie.ru/na_pervuiu_polu_su/v_putin_bolshaja_jevrazija_eto_ne_abstraktnaja_geopoliticheskaja_skhema_a_civilizacionnyj_projekt_864.htm (дата обращения: 24.08.2019).

² Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. 8 июня 2018 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/57699> (дата обращения: 22.09.2018).

³ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017—2018. М.: ИД «ФОРУМ», 2018. С. 251—252.

⁴ Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений / отв. ред.-сост. А.О. Виноградов. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 89.

⁵ Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина (отв. ред.). М.: ДеЛи плюс, 2017. С. 83.

⁶ Там же.

⁷ Российско-китайский диалог: модель 2018: доклад № 39/2018 / С.Г. Лузянин (руководитель) и др.; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2018. С. 82.

⁸ В Москве создана Российско-китайская ассоциация содействия торговле в рамках «Одного пояса, одного пути». URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0313/c31518-9436496.html> (дата обращения: 05.03.2019).

⁹ *Mei Xinyu*. China should focus on benefits of ‘One Road’. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1036534.shtml> (Source: Global Times Published: 2017/3/8).

¹⁰ *Lo J. (China Daily)*. Finding a fast route to European nations. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-11/24/content_18967230_2.htm (дата обращения: 09.02.2018).

¹¹ В 2018 г. около 140 млн т грузов было перевезено морем из КНР в Европу и лишь менее 1 млн т пришлось на сухопутный транзит (*Lo J. Finding a fast route to European nations*. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2019-04/24/content_18967230_2.htm (дата обращения: 22.03.2019).

¹² *Lo J. (China Daily)*. Finding a fast route to European nations. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2018-11/24/content_18967230_3.htm (дата обращения: 18.02.2019).

¹³ China — Europe cargo trains create wealth. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201701/15/t201701/15_14879898.shtml (дата обращения: 05.04.2018); China Railway Express: The New Passage for Trade between China and Europe. URL: http://www.bjreview.com.cn/201705/t20170518_800096582.html (дата обращения: 17.02.2019)

¹⁴ *Huang Ge*. China-Europe trains on track. Cooperation benefits B&R initiative, facilitates trade. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1043740.shtml> (Global

Times Published: 2017/4/23); *Sun Wenyu* (People's Daily Online). China-Europe freight train boosts European industrial growth. URL: <http://en.people.cn/n3/2017/0606/c90000-9225007.html> (дата обращения: 27.03.2018).

¹⁵ Fuxing trains eyeing global markets. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-03/09/content_50689501.htm (дата обращения: 16.01.2019).

¹⁶ *Luo Weiteng*. Deeper integration is the answer: CE URL: http://o53xo.mn.ugs3tbmrqws3dz.mnxw2ltdny.cmle.ru/hkedition/2017-11/14/content_34504504.htm (дата обращения: 28.05.2018); Record number of freight trains link China, Europe. URL: http://china.org.cn/business/2017-11/18/content_41911951.htm (дата обращения: 16.05.2018); *Li Qiaoyi, Song Shengxia, Chen Qingqing*. China, Europe see busiest rail traffic. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1076091.shtml> (Source: Global Times Published: 2017/11/19).

¹⁷ В рамках международных железнодорожных грузовых перевозок Китай — Европа открыто уже 57 маршрутов. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-12/27/content_0168141.htm (дата обращения: 02.03.2018).

¹⁸ 5,000 China — Europe cargo trains expected by 2020. URL: http://www.china.org.cn/china/Off_the_Wire/2016-10/18/content_39513862.htm (дата обращения: 21.11.2018); *Hu Weijia*. China's B&R initiative to stimulate global growth with Europe rail connections. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1041976.shtml> (Source: Global Times Published: 2017/4/11); China vigorously propels free trade across Asia-Pacific. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-11/06/content_34192302.htm (дата обращения: 07.12.2018).

¹⁹ *Штанов В.* Транзит с китайским акцентом. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2017/12/21/746034-tranzit-kitaiskim> (дата обращения: 18.03.2019); Trains to better support Belt, Road. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201705/27/t20170527_23265881.shtml (дата обращения: 03.12.2018); *Wang Cong*. ChinaEu — Europe cargo trains reach 5,000. Shippers struggle to make profits as routes expand. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1065359.shtml> (дата обращения: 10.10.2017).

²⁰ *Плетнев С.* Транзиту посчитали цену // Гудок. Вып. № 12. 26.01.2018; *Zhang Yi* (*China Daily*). Logistics hub promotes exports and efficiency. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201811/02/WS5bdba3e0a310eff303286160.html> (дата обращения: 05.06.2018); Logistics improvements boost transportation and profits. URL: http://www.chinadaily.com.cn/regional/bda/2019-01/30/content_37433527.htm (дата обращения: 23.02.2019).

²¹ 14th SCO summit held in Dushanbe. URL: http://www.china.org.cn/world/2014-09/12/content_33494649.htm (дата обращения: 07.05.2018).

²² СУАР впервые открыл международные автодорожные перевозки в другие страны. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-02/19/content_37824715.htm (дата обращения: 08.05.2018).

²³ New Asia — Europe corridor to boost regional growth. URL: http://www.china-daily.com.cn/business/2017-11/30/content_17142130.htm (дата обращения: 23.11.2018); Транзитный коридор «Западная Европа — Западный Китай» наращивает грузооборот. URL: <http://www.europe-china.kz/news/12228> (дата обращения: 26.12.2018).

²⁴ Грузооборот порта Усть-Луга к 2020 г. вырастет до 115 млн т. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3443280> (дата обращения: 24.11.2018).

²⁵ *Sun Zhiyan, Hou Yongzhi* (Research Team on «Strategic Policies on Leading Economic Development in the State of New Normal», DRC). Regional Policies: A Strong Diver for Economic Restructuring (No.107, 2017). URL: http://www.china-daily.com.cn/cndy/2017-11/24/content_34924892.htm (дата обращения: 09.12.2018).

²⁶ Все экспортно-импортные перевозки провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и восточной части АРВМ осуществляются через провинцию Ляонин и ее порты Далянь, Инкоу и Цзиньчжоу, либо порт Тяньцзинь по крайне перегруженной железной дороге Харбин—Чанчунь—Шэньян—Далянь, тогда как буквально рядом в 13 км от пограничного поста (рядом со станцией Хасан) находится Японское море.

²⁷ На железнодорожном КПП Хунчунь на границе Китая и России резко повысилась пропускная способность, что стимулирует открытие второго рейса в Европу из Цзилиня. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-02/11/content_40267954.htm (дата обращения: 07.10.2018)

²⁸ Growing China brings prosperity to Eurasia. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/2019/02/27/WS5a42fb4ca31008cf16da3af3.html> (дата обращения: 07.04.2019).

²⁹ Китайскому транзиту нужен выход // Гудок. 27.04.2017. Вып. 71; Belt and Road cooperation report released. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-10/13/content_33211027.htm (дата обращения: 13.12.2018).

³⁰ *Нехайчук Ю.* Создание транспортных коридоров Китай — Приморье оценили в 315 млрд рублей. Они принесут инвесторам 10—15 % годовых, подсчитали Минвостокразвития и McKinsey. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/03/24/634897-sozдание-transportnih-koridorov-kitai-primore-otsenili-315-mlrd-rublei> (дата обращения: 21.12.2017).

³¹ Минвостокразвития РФ намерено сократить время транспортировки грузов из КНР. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0506/c31518-9211902.html> (дата обращения: 25.12.2018).

³² Коридоры к морю. Транзитные контейнеры из китайских провинций перекладывают на приморские порты. URL: <http://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1362712&archive=20> (дата обращения: 26.01.2017); Минвостокразвития РФ намерено сократить время транспортировки грузов из КНР. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0506/c31518-9211902.html> (дата обращения: 09.11.2018).

³³ Дальнему Востоку поставили в пример Африку. Правительство утвердило Концепцию развития транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» // Гудок. 18.01.2017. Вып. 5.

³⁴ Порт расположен на юге Приморского края в поселке Зарубино Хасанского района в юго-западной части бухты Троицы. Размеры бухты: 6 км с севера на юг и 3,5 км с запада на восток. В центральной части бухты глубина достигает 20 м. Портовые сооружения расположены у основания полуострова Зарубино и защищены от волнения со стороны открытого моря. Порт находится в незамерзающей бухте Троицы и его географическое положение уникально — это транзитный узел с железнодорожным и автомобильными подходами от российско-китайской границы без конкуренции грузопотокам по Транссибу, а от КПП Краскино — Хунчунь порт Зарубино находится на расстоянии всего 66 км. Таким образом, порт является наиболее коротким путем для транзитных грузов из КНР в Японию, Республику Корея и страны ЮВА.

³⁵ Реконструкция российского порта Зарубино принесет новые возможности странам Северо-Восточной Азии — эксперты. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-10/09/content_33705174.htm (дата обращения: 25.12.2018); China, Russia share much to expand economic cooperation. URL: http://www.china-daily.com.cn/business/2017-05/31/content_29559079.htm (дата обращения: 28.12.2018).

³⁶ Расширение порта Зарубино будет способствовать возрождению Севмор-пути. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2016-10/13/content_33751106.htm (дата обращения: 01.02.2018).

³⁷ *Sun Zhiyan, Hou Yongzhi* (Research Team on «Strategic Policies on Leading Economic Development in the State of New Normal», DRC). Regional Policies: A Strong Diver for Economic Restructuring (No.107, 2017). URL: http://www.china-daily.com.cn/cndy/2017-11/24/content_34924892.htm (дата обращения: 09.02.2018).

³⁸ *Галушка А.* Плечо Востока. Приморье проложит новый путь для Китая. URL: <https://rg.ru/2016/03/28/primore-prolozhit-novyj-put-dlia-kitaia.html> (дата обращения: 29.03.2016).

³⁹ *Усов П.* Экспорт в Китай через юг Приморья нарастает. Объем грузовых перевозок через железнодорожный погранпереход Махалино—Хунчунь (КНР) за год вырос почти в два раза. URL: <http://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1315422> (дата обращения: 12.12.2017).

⁴⁰ *Матвеев В.А.* Ставка на газ в энергетической политике Китая: некоторые вопросы внутреннего ценообразования в свете конъюнктуры мирового рынка // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. 24. 2019. С. 347—362.

⁴¹ Там же.

⁴² Другой Китай... URL: <http://neftianka.ru/drugoj-kitaj/> (дата обращения: 23.02.2019).

⁴³ Китай в 2018 г. нарастил импорт нефти на 10 % // Информационный портал «Вести. Экономика». 21.01.2019. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/113423> (дата обращения: 19.03.2019).

⁴⁴ *Матвеев В.А.* Указ. соч. С. 347—362.

⁴⁵ Казахстанский транзит. Роснефть увеличит поставки нефти в Китай через территорию Казахстана. Роснефть и CNPC договорились о продлении контракта и увеличении поставок нефти в Китай через территорию Казахстана. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/213653-kazakhstanskiy-tranzit-rosneft-uvelic-hit-postavki-nefti-v-kitay-cherez-territoriyu-kazakhstana/> (дата обращения: 08.04.2019).

⁴⁶ «Роснефть» течет на восток. Компания хочет увеличить поставки в Китай // Коммерсантъ . 10.10.2017, № 188. С. 7.

⁴⁷ Другой Китай... URL: <http://neftianka.ru/drugoj-kitaj/> (дата обращения: 23.02.2019).

⁴⁸ Строительство новых мощностей в Китае (г. Тяньцзинь) и Индонезии (г. Тубан) // Информационный портал ПАО «НК «Роснефть» URL: <https://www.rosneft.ru/business/Downstream/refining/Construction/> (дата обращения: 05.03.2019).

⁴⁹ Роснефть подпишет 2 соглашения с китайской CNPC. О совместной добыче и НПЗ в Тяньцзине. Роснефть планирует подписать 2 соглашения с китайской CNPC на саммите G20. URL: <https://neftegaz.ru/news/companies/254348-ros-neft-podpishet-2-soglasheniya-s-kitayskoj-cnpc-o-sovmestnoy-dobyche-i-npzh-v-tyan-tszine> (дата обращения: 19.12.2018).

⁵⁰ Китай: энергобаланс и источники поставок... URL: <http://neftianka.ru/kitaj-energobalans-i-istochniki-postavok> (дата обращения: 05.03.2019).

⁵¹ Интер ПАО обеспокоена снижением экспорта электроэнергии в Китай. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6519587> (дата обращения: 13.04.2019).

⁵² Китай не сможет добиться целей по добыче сланцевого газа на 2020 г. — Wood Mackenzie. URL: <http://oilreview.kiev.ua/2018/04/17/kitaj-ne-smozhet-dobit-sya-celej-po-dobyche-slancevogo-gaza-na-2020g-wood-mackenzie> (дата обращения: 13.04.2019).

⁵³ Спрос на нефть и газ в Китае растет. URL: <https://www.benzol.ru/news/?id=382416> (дата обращения: 13.04.2019).

⁵⁴ Китай не сможет добиться целей по добыче сланцевого газа на 2020 г. — Wood Mackenzie. URL: <http://oilreview.kiev.ua/2018/04/17/kitaj-ne-smozhet-dobitsya-a-celej-po-dobyche-slancevogo-gaza-na-2020g-wood-mackenzie> (дата обращения: 13.04.2019).

⁵⁵ *Матвеев В.А.* Указ. соч. С. 347—362.

⁵⁶ Китай усиленно развивает свою газовую отрасль промышленности, но речь об отказе от импортного газа не идет. Китай наращивает добычу газа — за 10-летие с 2005 по 2015 г. страна увеличила добычу в 2,7 раза — с 50 млрд м³ до 135 млрд м³. URL: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/214237-kitaj-usilenno-razviva-et-svoyu-gazovuyu-otrasl-promyshlennosti-no-rech-ob-otkaze-ot-importnogo-gaza> (дата обращения: 22.03.2019).

⁵⁷ Борьба на рынке ПГУРЛ. URL: http://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2018/1/456/ (дата обращения: 22.03.2019).

⁵⁸ Сжижение газа в твердой валюте. СПГ приносит НОВАТЭК уже 17 % выручки // Коммерсантъ. 25.10.2018. С. 7.

⁵⁹ «Новатэк» подписал первый крупный контракт на строительство второго СПГ-завода. Сумма сделки с итальянской Saipem и турецкой Renaissance — \$ 2,2 млрд // Ведомости онлайн. 2018. 19 дек. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/12/20/789816-novatek> (дата обращения: 17.01.2019).

⁶⁰ *Achin K.* South Korean Air Pollution Puts Focus on Government, China// VOA News. 08/03/2019. URL: <https://www.voanews.com/a/south-korean-air-pollution-puts-focus-on-government-china/4820005.html> (дата обращения: 09.04.2019).

⁶¹ 2017 нянь Чжунго шэнтай хуаньцзин гунбао: [Коммюнике о состоянии окружающей среды в Китае в 2017 году] // Информационный сайт Министерства экологии и окружающей среды КНР. URL: <http://www.mee.gov.cn/hjzl/zghjzkgb/lnzghjzkgb/201805/P020180531534645032372.pdf> (дата обращения: 09.04.2019).

⁶² Шэнтай хуаньцзинбу 2019 нянь 1 юе лисин синьвэнь фабухуй шилу: [Запись регулярной пресс-конференции в МЭОС за январь 2019 г.] // Информационный сайт Министерства экологии и окружающей среды КНР. 21/01/2019. URL: http://www.mee.gov.cn/xxgk/xxgk15/201901/t20190122_690319.html (дата обращения: 09.04.2019).

⁶³ United Nations Climate Change. Parties and Observers States URL: http://unfccc.int/tools_xml/country_CN.html (дата обращения: 09.04.2019).

⁶⁴ United Nations Climate Change. China. URL: <https://unfccc.int/node/180417> (дата обращения: 09.04.2019).

⁶⁵ How is China managing its greenhouse gas emissions? // China Power Project, Center for Strategic and International Studies. URL: <https://chinapower.csis.org/china-greenhouse-gas-emissions/> (дата обращения: 09.04.2019).

⁶⁶ Си Цзиньпин выступил с важной речью на церемонии открытия Климатической конференции в Париже // Синьхуа. 01/12/2015. URL: http://russian.news.cn/2015-12/01/c_134870777_2.htm (дата обращения : 09.04.2019).

⁶⁷ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК // Синьхуа. 03.11.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 09.04.2019).

⁶⁸ Си Цзиньпин принял участие в 13-м саммите «Группы 20» // Информационный центр Китая. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2018-12/02/content_74230630.htm (дата обращения: 09.04.2019).

⁶⁹ «Один пояс, один путь»: полный текст речи Си Цзиньпина // Портал Иносми.ру. 19/05/2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170519/239391693.html> (дата обращения: 09.04.2019).

⁷⁰ Основные цели инициативы «Пояс и путь» // Международное радио Китая онлайн. 08/05/2017. URL: <http://russian.cri.cn/3060/2017/05/08/1s604049.htm> (дата обращения: 09.04.2019).

⁷¹ 80 до цзя цзигоу чэнвэй «и дай и лу» люсэ фачжань гоцзи ляньюэн хэцэ хобань: [Свыше 80 организаций стали партнерами по сотрудничеству с Международной ассоциацией зеленого развития «Один пояс, один путь»] // Синьхуа. 05.11.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-11/05/c_129986337.htm (дата обращения: 09.04.2019).

⁷² Климатическая повестка 2030. Итоги климатической конференции в Париже 2015 г., обзор обязательств стран-участниц. Китай // Российский совет по международным делам URL: <http://russiancouncil.ru/climate2030#china> (дата обращения: 09.04.2019).

⁷³ Чжунго индуй цихоу бьяньхуа дэ чжэнцэ юй синдун 2018 няньду баогао: [Ежегодный доклад о действиях и политике Китая по противодействию климатическим изменениям в 2018 году] // Информационный сайт Министерства экологии и окружающей среды КНР, Пекин, 2018. С. 1. URL: <http://qhs.mee.gov.cn/zcfg/201811/P020181129539211385741.pdf> (дата обращения: 09.04.2019).

⁷⁴ Climate Action Tracker. China. Current Policy Projections. URL: <https://climateactiontracker.org/countries/china/current-policy-projections/> (дата обращения: 09.04.2019).

⁷⁵ Гуаньюй гункай чженцю таньпайфанцюань цзяю гуаньли цзаньсин тяоле (чжэнцюицзяньгао): [Временные правила по управлению системой торговли квотами на выброс парниковых газов, проект к получению комментариев] // информационный сайт Министерства экологии и окружающей среды КНР. URL: http://fgs.mee.gov.cn/yfxzyfzjfs/201904/t20190403_698483.shtml (дата обращения: 09.04.2019).

⁷⁶ Экологическое законодательство КНР. М.: Прогресс, 2018. С. 328.

⁷⁷ How is China managing its greenhouse gas emissions? China Power Project, Center for Strategic and International Studies. URL: <https://chinapower.csis.org/china-greenhouse-gas-emissions/> (дата обращения: 09.04.2019).

⁷⁸ Чжунго индуй цихоу бьяньхуа дэ чжэнцэ юй синдун 2018 няньду баогао: [Ежегодный доклад о действиях и политике Китая по противодействию климатическим изменениям в 2018 году] // Информационный сайт Министерства экологии и окружающей среды КНР. Пекин, 2018. С. 1. URL: <http://qhs.mee.gov.cn/zcfg/201811/P020181129539211385741.pdf> (дата обращения: 09.04.2019).

⁷⁹ Экологическое законодательство КНР. М.: Прогресс, 2018. С. 320.

⁸⁰ Нэньюань фачжан «шисань» гуйхуа: [План развития энергетики на «13-ю пятилетку»] // Информационный сайт Госсовета КНР, Пекин, 2017. С. 14. URL: <http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbghwb/201701/W020170117350627940556.pdf> (дата обращения: 09.04.2019).

⁸¹ Чжунго мэйтань сяофэй цзунлян 2013 нянь хо и да фэнчжи: [Общий объем потребления угля в Китае в 2013 г. вероятно достиг пикового значения] // Соху URL: http://www.sohu.com/a/69949240_257413 (дата обращения: 09.04.2019).

⁸² 2018 нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци гунбао: [Официальный статистический бюллетень о экономико-социальном развитии страны в 2018 г.] // Национальное статистическое бюро КНР. 28/02/2019. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201902/t20190228_1651265.html (дата обращения: 09.04.2019).

⁸³ Там же.

⁸⁴ *Gallagher K., Zhang F., Orvis R., Rissman J., Q. Liu.* Assessing the Policy gaps for achieving China's climate targets in the Paris Agreement // *Nature Communications*. 2019. С. 1. URL: <https://doi.org/10.1038/s41467-019-09159-0> (дата обращения: 11.04.2019).

⁸⁵ Там же. С. 3

⁸⁶ *Stanway D., Gailbraith A.* China to cut coal from new green bond standards — sources // *Reuters*. 22/03/2019. URL: <https://www.reuters.com/article/china-bonds-environment/rpt-china-to-cut-coal-from-new-green-bond-standards-sources-idUSL3N2181LK> (дата обращения: 09.04.2019).

⁸⁷ *Myllyvirta L.* China's CO2 emissions surged in 2018 despite clean energy gains // *Unearthed*. 28/02/2019. URL: <https://unearthed.greenpeace.org/2019/02/28/china-coal-renewable-energy-2018-data-trends/> (дата обращения: 09.04.2019).

⁸⁸ *Global Energy & CO2 Status Report.* International Energy Agency. URL: <http://www.iea.org/geco/emissions> (дата обращения: 09.04.2019).

⁸⁹ *Rogelj J., D. Shindell K. Jiang, S. Fifita P. Forster V. Ginzburg, C. Handa, H. Khesghi, S. Kobayashi, E. Kriegler, L. Mundaca, R. Seferian, and M.V. Vilarino,* 2018: Mitigation Pathways Compatible with 1.5°C in the Context of Sustainable Development. In: *Global Warming of 1.5°C. An IPCC Special Report on the impacts of global warming of 1.5°C above pre-industrial levels and related global greenhouse gas emission pathways, in the context of strengthening the global response to the threat of climate change, sustainable development, and efforts to eradicate poverty* [Masson-Delmotte, V., P. Zhai, H.-O. Portner, D. Roberts, J. Skea, P.R. Shukla, A. Pirani, W. Moufouma-Okia, C. Pean, R. Pidcock, S. Connors, J.B.R. Matthews, Y. Chen, X. Zhou, M.I. Gomis, E. Lonnoy, T. Maycock, M. Tignor, and T. Waterfield (eds.)]. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/02/SR15_Chapter2_Low_Res.pdf (дата обращения: 11.04.2019).

⁹⁰ *Shearer C., Mathew-Shah N., Myllyvirta L., A.Yu, Nace T.* Boom and Bust 2019 Tracking the Global Coal Plant Pipeline // *Global Energy Monitor-Sierra Club-Greenpeace*. С. 9. URL: https://endcoal.org/wp-content/uploads/2019/03/BoomAndBust_2019_r6.pdf (дата обращения: 09.04.2019).

⁹¹ Дяньли «шисань» гуйхуа чжунци пингу цзи юхуа: [Среднесрочная оценка и усовершенствование плана развития электроэнергетики на 13-ю пятилетку] //

Информационный сайт «Бэйцзисин». 03/18/2019. URL: <http://shupeidian.bjx.com.cn/html/20190318/969403.shtml> (дата обращения: 09.04.2019).

⁹² China: Lender of last resort for coal plants // The Institute for Energy Economics and Financial Analysis. URL: <http://ieefa.org/ieefa-china-lender-of-last-resort-for-coal-plants/> (дата обращения: 09.04.2019).

⁹³ *Shearer C., Brown M., Buckley T.* China at a Crossroads: Continued Support for Coal Power Erodes Country's Clean Energy Leadership // The Institute for Energy Economics and Financial Analysis. С. 4 URL: http://ieefa.org/wp-content/uploads/2019/01/China-at-a-Crossroads_January-2019.pdf (дата обращения: 09.04.2019).

⁹⁴ *Huang W. Baxter T.* Belt and Road insiders: What we think about "greening" the initiative // Panda Paw Dragon Claw. URL: <https://pandapawdragonclaw.blog/2018/12/26/belt-and-road-insiders-what-we-think-about-greening-the-initiative/> (дата обращения: 09.04.2019).

⁹⁵ Меморандум о взаимопонимании в области межрегионального и приграничного сотрудничества между Министерством регионального развития Российской Федерации и Государственным комитетом Китайской Народной Республики по делам развития и реформ // Портал информационного фонда правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420202484> (дата обращения: 15.04.2019).

⁹⁶ Россия и Китай подписали Меморандум о приграничном сотрудничестве // Информационный портал Министерства экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/press/news/2015030902> (дата обращения: 17.05.2019).

⁹⁷ Минвостокразвития и Государственный комитет КНР по делам развития и реформ подписали Меморандум о сотрудничестве на Дальнем Востоке // Информационный портал Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. 17.12.2015. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/1866> (дата обращения: 01.05.2019).

⁹⁸ Сбербанк подписал Рамочное соглашение между российскими и китайскими банками о финансовом сотрудничестве. Развивать намерены Сибирь и Дальний Восток. 12.04.2016. URL: <https://deita.ru/ru/news/5099880-sberbank-podpisal-ramochnoe-soglashenie-mezhdu-rossiyskim-i-i-kitayskimi-bankami-o-finansovom-sotrudn/?page=2%22> (дата обращения: 29.04.2019).

⁹⁹ 22-я регулярная встреча глав правительств России и Китая // Портал Правительства РФ. 01.11.2017 URL: <http://m.government.ru/all/29983> (дата обращения: 17.04.2019).

¹⁰⁰ Первое заседание Российско-китайской Комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР // Информационный портал Министерства экономического развития Хабаровского края, 11.09.2017. URL: <https://minec.khabkrai.ru/events/Novosti/2091> (дата обращения: 21.04.2019).

¹⁰¹ Документы, подписанные в ходе рабочего визита Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в Российскую Федерацию // Портал Президента РФ. 11.09.2018. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5341/print> (дата обращения: 03.05.2019).

¹⁰² Чжун Э цзай Элосы Юаньдун дицю хэцзо фачжань гуйхуа 2018—2024: [План развития и сотрудничества России и Китая на российском Дальнем Востоке (2018—2024)] // Информационный портал Министерства коммерции КНР. 15.11.2018. URL: <http://images.mofcom.gov.cn/www/201811/20181115164728217.pdf> (дата обращения: 22.04.2019).

¹⁰³ Россия и КНР планируют развивать сельское хозяйство на Дальнем Востоке // Информационный портал Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. 07.11.2018. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/19653> (дата обращения: 27.04.2019).

¹⁰⁴ Нунебу цзици пинцзя «Чжунго Дунбэй дицю хэ Элосы Юаньдун цзи Бэйцзяэр дицю нуне фачжань гуйхуа»: [В Минсельхозе России положительно оценили «План развития сельского хозяйства Северо-Востока Китая и российских Дальнего Востока и Байкальского региона»] // Информационный портал Министерства коммерции КНР. 19.11.2018. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/e/201811/20181102807911.shtml> (дата обращения: 02.05.2019).

¹⁰⁵ Россия и Китай создадут деловой совет по развитию Дальнего Востока. 08.09.2017. URL: <https://ria.ru/20170908/1502073272.html> (дата обращения: 14.04.2019).

¹⁰⁶ Подписано соглашение о создании Центра привлечения и поддержки китайских инвесторов в ДФО // Информационный портал Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. 06.07.2017. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/6245> (дата обращения 21.04.2019).

¹⁰⁷ АПИ намерено открыть в Китае еще один офис — в Шанхае // Информационно-аналитическое агентство «Восток России». 08.09.2017. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/api-namereno-otkryt-v-kitae-eshche-odin-ofis-v-shankhae> (дата обращения: 02.05.2019).

¹⁰⁸ Региональный российско-китайский фонд будет реализовывать стратегические инвестпроекты на Дальнем Востоке // Информационный портал Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. 09.06.2018. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/16121> (дата обращения: 17.04.2019).

¹⁰⁹ Сопредседатели российско-китайской МПК обсудили сотрудничество на Дальнем Востоке РФ // Информационный портал Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. 26.04.2019. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/21868> (дата обращения: 27.04.2019).

¹¹⁰ Доценко И., Митрофанов М. Поднялись на бобах. Амурская соя завоевывает Китай // Российская газета. Спецвыпуск № 270 (7733). 29.11.2018. URL:

<https://rg.ru/2018/11/29/amurskaia-soia-zavoevyvaet-kitaj.html> (дата обращения: 06.05.2019).

¹¹¹ Приамурье экспортировало в Китай рекордное количество сои // Амурская правда. 05.02.2019. URL: <https://www.ampravda.ru/2019/02/05/086701.html> (дата обращения: 10.05.2018).

¹¹² *Юрий Трутнев*: Китай — основной экономический партнер РФ на Дальнем Востоке // Yakutia 24/Якутия 24. Сетевое издание. 23.08.2018. URL: <http://yakutia24.ru/news/politika/48782-yurij-trutnev-kitaj-osnovnoj-ekonomicheskij-partner-rg-na-dalнем-vostoke> (дата обращения: 29.04.2019).

¹¹³ *Блаккисруд Х., Вакульчук Р., Уилсон Рове Э.* Российский Дальний Восток во времена геополитических потрясений // Россия в глобальной политике. Электронный журнал. Валдайские записки. 13.09.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Rossiskii-Dalnii-Vostok-vo-vremena-geopoliticheskikh-potryasenii-19740> (дата обращения: 03.04.2019).

¹¹⁴ Александр Галушка о Дальнем Востоке, Японии, Китае и ВЭФе // Ежедневные новости Владивостока. Сетевое издание. 09.01.2017. URL: <http://novo.stivl.ru/msg/22792.htm> (дата обращения: 02.05.2019).

¹¹⁵ *Бондаренко А., Гарднер Ю., Таюрский В.* Нашли нишу. Новые инструменты развития региона смогли привлечь миллиарды рублей иностранных инвестиций // Российская газета. Экономика Дальнего Востока. № 272(7140). 01.12.2016. URL: <https://rg.ru/2016/12/01/reg-dfo/vo-chto-investiruiut-inostrannye-kompanii-v-dfo.html> (дата обращения: 18.04.2019).

¹¹⁶ Александр Галушка: госпрограмма развития Дальнего Востока будет реализована полностью // ТАСС. 24.10.2016. URL: <https://tass.ru/interviews/3728408> (дата обращения: 24.04.2019).

¹¹⁷ Проект российско-китайской ТОР на Дальнем Востоке представят в сентябре на ВЭФ // ТАСС. 22.05.2018. URL: <https://tass.ru/vef-2018/articles/5222007> (дата обращения: 01.04.2019).

¹¹⁸ *Абашева Е.* Иностранные инвесторы создают новые отрасли // Дальневосточный капитал. Межрегиональный журнал. 28.08.2018. URL: http://dvkapital.ru/dkproject/primorskij-kraj_28.08.2018_12912_inostrannye-investory-sozdajut-novy-e-otrasli.html (дата обращения: 30.04.2019).

¹¹⁹ *Сорокин Р.* Восточный бизнес. Как Китай инвестирует в российский Дальний Восток // Информационно-деловой медиапроект ТАСС про российский Дальний Восток 24.05.2018. URL: <https://dv.land/economics/vostochnyi-biznes>; <https://dv.land/economics/vostochnyi-biznes> (дата обращения: 07.04.2019).

¹²⁰ Состоялось второе заседание Межправительственной российско-китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Респуб-

лики // Портал Правительства РФ. 22.08.2018. URL: <http://government.ru/news/33726> (дата обращения: 10.05.2019).

¹²¹ Китайские ученые исследуют режимы ТОР и свободного порта Владивосток // Информационный портал Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. 30.10.2018. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/19520> (дата обращения: 23.04.2019).

¹²² Дальний Восток открыт для совместных проектов с китайским бизнесом // Информационный портал Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. 03.04.2019. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/21575> (дата обращения: 03.05.2019).

¹²³ Состоялась встреча сопредседателей Межправительственной российско-китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая // Портал Правительства РФ. 26/04/2019 URL: <http://m.government.ru/news/36535> (дата обращения: 14.05.2019).

¹²⁴ Компания из КНР инвестирует \$300 млн в животноводческие комплексы в Приморье // ТАСС. 13.02.2018 . URL: <https://tass.ru/v-strane/4955061> (дата обращения: 29.03.2019).

¹²⁵ 24 проекта стоимостью более \$3 млрд реализуют резиденты-китайцы в ТОР. Подавляющая часть проектов будет осуществлена в Приморском крае // Информационное агентство Primamedia.ru. 20.04.2018. URL: <https://primamedia.ru/news/686937/https://primamedia.ru/news/686937> (дата обращения: 04.05.2019).

¹²⁶ Проекты компаний «Велес-Снек» и «Конгр ДВ». URL: <http://www.moreprodukty-optom.ru/news/439-proekty-kompanii-veles-snek-i-konger-dv.html> (дата обращения: 05.05.2019).

¹²⁷ Резидент СПВ запустил в Приморье сельскохозяйственный комплекс с иностранными инвестициями // Информационный портал Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. 07.12.2018. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/20043> (дата обращения: 25.04.2019).

¹²⁸ 2018 нянь Хэйлуунцзян шэн цзиньчуоку чжи 1747.7 и юань жэньминьби: [В 2018 г. общая стоимость импорта и экспорта провинции Хэйлуунцзян составила 174,77 млрд ю.] // Harbin Customs District P.R. China. 15.01.2019. URL: http://www.customs.gov.cn/harbin_customs/467892/467893/2170049/index.html (дата обращения: 06.05.2019).

¹²⁹ Хэйлуунцзян шэн цы Э цзинькоу чуан лиши синьгао: [Импорт провинции Хэйлуунцзян из России достиг рекордного уровня]. URL: <http://biang.ru/cn/economics/> (дата обращения: 25.03.2019).

¹³⁰ 2018 нянь Хэйлуунцзян гэ коуань цзинькоу э дадоу 80.Звань дунь чуан лиши синьгао: [В 2018 г. импорт российских соевых бобов через КПП Хэйлуунцзяна достиг 803 тыс.т, став исторически рекордно высоким]. URL: <https://www.gogochina.cn/cjzx/20190124/26969.html> (дата обращения: 06.05.2019).

¹³¹ Элосы юй Хэйлунцзян шэн тоуцзы хэцзо цянъцзин юаньда : [У России и провинции Хэйлунцзян большие перспективы для инвестиционного сотрудничества] // Цзинцзи бао. 09.03.2016. URL: http://russia.ce.cn/cr2013/tzels/tzxm/201603/09/t20160309_9372073.shtml (дата обращения: 22.03.2019).

¹³² Лучшие годы дружбы. Растут инвестиции КНР в экономику России // Дыхание Китая. 2016. № 4. URL: <http://russian.cri.cn/other/magazine/20161008.pdf> (дата обращения: 18.09.2018).

¹³³ Дуй Э цзинмао хэцзо цян Хэйлунцзян туи сянь кайфан фачжань даолу: [Экономическое и торговое сотрудничество с Россией подтолкнет Хэйлунцзян к пути открытости вдоль границы]. URL: <http://www.chinaru.info/zhongejmyw/jin gmaotegao/53530.shtml> (дата обращения: 13.02.2019).

¹³⁴ Чжан Цинвэй: баво чжанлюэ цзиюй туидун Чжун Э дифан хэцзо май шан синь тайцзе : [Чжан Цинвэй: Используя стратегические возможности китайско-российское региональное сотрудничество продвинулось на новый уровень] // Российская газета (на китайском языке). 08.02.2018. URL: <http://tsrus.cn/guoj/2018/02/08/660605> (дата обращения: 06.03.2019).

¹³⁵ Китайская компания намерена инвестировать в ТЕР «Приамурская» около 300 миллионов юаней // Амурская правда. 02.04.2018. URL: <https://www.ampravda.ru/2018/04/02/81078.html> (дата обращения: 21.04.2018).

¹³⁶ Подведены итоги работы по реализации проекта строительства Амурского НПЗ // Информационный портал Амурской энергетической компании. 04.03.2019. URL: <http://аэкс28.рф/page-151> (дата обращения: 29.04.2019).

¹³⁷ Чжан Цинвэй: баво чжанлюэ цзиюй туидун Чжун Э дифан хэцзо май шан синь тайцзе: [Чжан Цинвэй: Используя стратегические возможности китайско-российское региональное сотрудничество продвинулось на новый уровень] // Российская газета (на китайском языке). 08.02.2018. URL: <http://tsrus.cn/guoj/2018/02/08/660605> (дата обращения: 06.03.2019).

¹³⁸ Цицинь 2018 нянь дуйвай маои вэнь чжун ю цзинь дуй Э цзэн су цзяо гао: [Во внешней торговле Цицинь за 2018 г. отмечается устойчивый прогресс]. URL: <http://www.chinanews.com/wap/detail/zw/cj/2019/01-24/8738164.shtml> (дата обращения: 05.04.2019).

¹³⁹ Э мэи: Цицинь шэн чжэн кода юй Элосы дэ хэцзо: [Российские СМИ: провинция Цицинь расширяет сотрудничество с Россией] // Информационный портал Sputnik. 05.09.2018. URL: <http://sputniknews.cn/russianmedia/201809051026284104> (дата обращения: 07.04.2019).

¹⁴⁰ Чжунго цзай Э тоуцзы гунминь, фажэнь жухэ юсяо гуйби дуй Э маои фэнсяньцзи фалюй цзюфэнь: [Как гражданам и юридическим лицам из КНР при инвестировании в Россию можно эффективно избежать торговых рисков и правовых споров с Россией?]. URL: <http://www.chinaru.info/haarenhuashang/zhongew aimaoshiwu/55824.shtml> (дата обращения: 03.04.2019).

¹⁴¹ 24 проекта стоимостью более \$3 млрд реализуют резиденты-китайцы в ТОР. Подавляющая часть проектов будет осуществлена в Приморском крае // Информационное агентство Primamedia.ru. 20.04.2018. URL: <https://primamedia.ru/news/686937/https://primamedia.ru/news/686937> (дата обращения: 04.05.2019).

¹⁴² Китай тестирует морозоустойчивый поезд для ВСМ Москва—Казань // Коммерсант. 29.07.2016. URL: <http://kazan.bezformata.com/listnews/poezd-dlya-vs-m-moskva/49057063> (дата обращения: 22.04.2019).

¹⁴³ В Кремле ответили на вопрос о будущем ВСМ Москва — Казань // Бизнес Online. 16.04.2019. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/421025> URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/421025> (дата обращения: 05.05.2019).

Заключение

В преддверии третьего десятилетия XXI века внешняя политика КНР, ее российское направление, как и сам комплекс отношений РФ и КНР, определяются рядом факторов.

Внешняя политика КНР сохраняет свой активный и динамичный характер, при этом дипломатическая активность Китая является частью задачи «великого возрождения китайской нации». Внешнеполитическими механизмами реализации данной задачи служат концепции «единой судьбы человечества» (китайская версия справедливого миропорядка), а также «пояса и пути» (инициатива «широкомасштабного международного сотрудничества», по сути нацеленная на продвижение внешних интересов КНР).

Однако, начиная с конца 2010-х годов, политика КНР все больше сталкивается с серьезным противодействием, прежде всего со стороны США. Традиционное сочетание в китайско-американских отношениях элементов сотрудничества и соперничества все более явно смещается в сторону соперничества. КНР стремится избежать открытой конфронтации, демонстрирует склонность к компромиссам, однако до определенного предела, поскольку одновременно декларирует готовность решительно защищать собственные базовые интересы.

В этой ситуации важность добрососедских отношений и координации усилий на международной арене повышается не только для Москвы, но и для Пекина. В этом плане показательной стала подписанная в июне 2019 г. в Москве «Совместная декларация по вопросам стратегической стабильности», прямо возлагающая на США ответственность за ухудшение мировой обстановки.

Вместе с тем Пекин продолжает активную работу в различных международных структурах (ООН, G-20, МВФ, ВТО, БРИКС и т. п.), преследуя цель постепенных перемен и реформ в глобальном управлении в направлении, которое наиболее полно отвечало бы интересам развития КНР. Аналогичную роль обеспечения благоприятных внешних условий Китай отводит двусторонним отношениям с тремя группами стран, которые выделяются в рамках основополагающих документов КНР по внешней политике (соседние, крупные и развивающиеся).

Визит Председателя КНР в РФ в июне 2019 г. и подписанные в ходе этого визита документы зафиксировали новые акценты, в том числе формулировку о двусторонних отношениях «новой эпохи». Концептуальное содержание этой формулы, похоже, лишь предстоит выявить. Но в любом случае можно говорить о признаках более высокого качественного измерения, на которое Пекин и Москва готовы поднять двусторонние отношения, а с другой стороны — о том, что в обеих столицах фиксируют серьезные перемены на внешней арене.

«Узкой» стороной российско-китайской повестки продолжают оставаться некоторые стороны торгово-экономического взаимодействия. Не изжила себя тема несовершенной для РФ структуры товарооборота, в котором высока доля сырья в российском экспорте. Не удается выйти на должные и сообразные имеющемуся потенциалу объемы инвестиционного сотрудничества. Пробуксовывает идея ощутимого увеличения доли национальных валют в двусторонних расчетах. В 2018—2019 гг. появились ранее отсутствовавшие сложности в оплате российской стороной через китайские банки закупаемых в КНР товаров. В целом в экономическом сотрудничестве действует инерция простых обменных операций при явном дефиците высокотехнологичных интеграционных проектов.

Эта проблематика во многом отражается и на вопросе декларированного сопряжения стратегий двух стран (ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь»). Здесь еще мало практических результатов. Помимо прочего, на успех «сопряжения» влияет и сохраняющееся несоответствие целевых установок (ЕАЭС ориентирован на преференциальные режимы для стран-участниц, «Пояс и путь» напротив — на максимальные торговые и прочие свободы).

Имеются резервы и по части внешнеполитического сотрудничества и международной координации. Порой это выражается в особенностях голосования в Совбезе ООН, в обоюдной и «разочаровывающей друг друга осторожности», когда речь заходит о некоторых чувствительных для партнера региональных проблемах (к примеру, Украина, положение в ЮКМ).

Тем не менее, стороны не драматизируют особенности в подходах и нерешенность ряда вопросов и не рассматривают «узкие места» как препятствие для дальнейшего комплексного развития «всеобъемлющих отношений».

Сведения об авторах

Александрова Мария Викторовна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

Maria V. ALEXANDROVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

Асмолов Константин Валерианович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

Konstantin V. ASMOLOV, a leading researcher at the center for Korean studies at the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences.

Виноградов Андрей Олегович — кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: vinandr@mail.ru

Andrey O. VINOGRADOV, Ph.D. (History), Associate Professor at the Higher School of Economics of the National Research University (HSE); Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

Галенович Юрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор всеобщей истории, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

Uriy M. GALENOVICH — Dr. Sc. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

Давыдов Андрей Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока».

E-mail: davydov@ifes-ras.ru

Andrey S. DAVYDOV — Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Acting Editor-in-Chief of the journal “Far Eastern Affairs”.

Ефимов Алексей Юрьевич — журналист, консультант, волонтер фонда «Озеро Байкал».

E-mail: a.efimov1971@gmail.com

Aleksey Y. EFIMOV, journalist, consultant, Lake Baikal Foundation volunteer.

Исаев Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, заместитель руководителя Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Email: aisaev51@mail.ru

Aleksandr S. ISAEV — Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Deputy chief of the Center for the study and forecasting of Russian-Chinese relations

Криворотов Андрей Константинович — кандидат экономических наук, доцент Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, член Международной арктической ассоциации социальных наук.

E-mail: krivorotov@starlink.ru

Andrey K. KRIVOROTOV, Ph.D. (Economics), Assistant Professor, Odintsovo branch of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) under the Ministry of Foreign Affairs of Russia, member of the International Arctic Social Science Association.

Ломанов Александр Владимирович — доктор исторических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе, главный научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН; главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: a_lomanov@hotmail.com

Alexander V. LOMANOV, Dr. Sc. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences; Deputy Director for Scientific Work, Chief Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS); Chief Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

Матвеев Владимир Александрович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем США и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: matveevva@mail.ru

Vladimir A. MATVEEV, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

Мокрецкий Александр Чеславович — старший научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: 88am@mail.ru

Aleksandr Ch. MOKRETSKIY — Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

Петровский Владимир Евгеньевич — доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: petrovsk4@gmail.com

Vladimir Ye. PETROVSKIY, Dr.Sc. (Political Science), Chief Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

Сазонов Сергей Леонидович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: sazonovch@mail.ru

Sergey L. SAZONOV — Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

Сафронова Елена Ильинична — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Elena I. SAFRONOVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

Уянаев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: svuyav@yahoo.com

Sergey V. UYANAIEV, Ph.D. (History), Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

Научное издание

**Россия—Китай:
шансы и вызовы отношений «новой эпохи»**

Выпускающий редактор *Е.В. Беллина*
Корректор *Е.В. Беллина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 26.08.2020.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 15,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 8

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.